

БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОГО
СУДЬИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРАВОСУДИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Сборник статей

Выпуск 4

Москва 2020

УДК ...
ББК ...
С ...

Ответственный редактор

Т.Ф. Моисеева, зав. кафедрой судебных экспертиз
и криминалистики РГУП, д-р юрид. наук, канд. биол. наук, профессор

С.Р. Зеленин

**Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний
в уголовном и гражданском судопроизводстве:** Сб.статей. Вып. 4. - М.: РГУП,
2020.

ISBN 978-5-93916-

Т ... В сборнике представлены материалы межведомственного Всероссийского научно-практического семинара «Психофизиологические исследования с использованием полиграфа при расследовании уголовных дел: актуальные вопросы и перспективы развития» (РГУП, 11 февраля 2020 г.).

Рассматривались остро дискуссионные вопросы, связанные с проведением психо-физиологических исследований с использованием полиграфа при расследовании уголовных дел и выработкой единой позиции в данной области, проблемы методологического обеспечения данного направления, возможности и ограничения использования психофизиологических исследований в уголовном судопроизводстве.

Представляет интерес для практических работников, также может быть полезен преподавателям, аспирантам юридических вузов.

Информационная поддержка СПС «КонсультантПлюс».

ISBN 978-5-93916-

© Коллектив авторов, 2020
© Российский государственный
университет правосудия, 2020

Авторы

Аминев Ф.Г., профессор кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», член Президиума Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова заслуженный юрист Республики Башкортостан, д-р юрид. наук, доцент; *Баев М.С.*, преподаватель Международной Академии исследования лжи, сертифицированный специалист по FACS (facial action coding system), член IABC (The International Association of Business Communicators); *Башкатов С.А.*, декан биологического факультета, Башкирский государственный университет, д-р биол. наук, канд. психол. наук, профессор; *Бодаренко Я.А.*, психолог, аспирант факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, ст. научный сотрудник лаборатории исследования поведения ООО «Лицом к лицу»; *Борисова О.А.*, начальник отдела психофизиологических исследований ООО «ФСК «ЛИДЕР»; *Васкэ Е.В.*, профессор кафедры уголовного права и процесса ФГАБУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», гл. эксперт ФБУ «Московский исследовательский центр», руководитель Центра юридической психологии и судебно-психологической экспертизы, д-р психол. наук, доцент; *Гусев А.Н.*, психолог, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, зав. лабораторией исследования поведения ООО «Лицом к лицу», д-р психол. наук; *Енгальчев В.Ф.*, директор Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, д-р психол. наук, профессор; *Зеленин С.Р.*, судья Верховного Суда РФ; *Исайчев Е.С.*, инженер первой категории факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова; *Исайчев С. А.*, доцент факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. психол. наук; *Комиссарова Я.В.*, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), гл. редактор журнала «Эксперт-криминалист», канд. юрид. наук; *Леонова Е.В.*, зав. кафедрой общей и юридической психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, канд. пед. наук, доцент; *Макаренко И.А.*, член союза лиц «Палата судебных экспертов им. Ю.Г. Корухова», руководитель «Экспертного бюро судебной психофизиологии и поведенческого анализа», проректор по судебной экспертной работе АНО ДПО «Современный психофизиологических институт», канд. психол., член-корр. UK Academy of Education, почетный член Международной Профессиональ-

ной Ассоциации Психологов; *Никитин В.В.*, ст. эксперт отдела психофизиологических исследований на полиграфе управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики (Криминалистического центра), майор юстиции; *Николаев А.Ю.*, эксперт ФСБ России, полковник; *Савицкий М.А.*, Следственное управление ФСБ России, заместитель начальника управления, генерал-майор; *Свободный Ф.К.*, доцент кафедры психологии и организации правоохранительной деятельности (ВАК) Московской академии Следственного комитета РФ, канд. психолог. наук, доцент; *Секераж Т.Н.*, зав. лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, канд. юрид. наук, доцент; *Семёнов В.В.*, ст. эксперт отдела психофизиологических исследований на полиграфе управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета РФ, канд. юрид. наук, полковник юстиции; *Хавыло А.В.*, доцент Обнинского института атомной энергетики Национального исследовательского ядерного университета, канд. психолог. наук; *Холодный Ю.И.*, начальник лаборатории прикладной и экспериментальной психофизиологии Научного исследовательского центра «Курчатовский институт», д-р юрид. наук, канд. психолог. наук.

От составителей	7
<i>Зеленин С.Р.</i> Верховный Суд Российской Федерации об использовании полиграфа в судопроизводстве	13
<i>Аминев Ф.Г.</i> Проблемы научно-методического обеспечения психофизиологических исследований с применением полиграфа	20
<i>Баев М.С., Гусев А.Н.</i> Перспективы автоматизированного анализа мимических реакций в комплексном полиграфическом исследовании. . .	25
<i>Башкатов С.А.</i> Повышение валидности и надежности судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа за счет выявления физиологических и психологических маркеров психического состояния лжи	44
<i>Борисова О.А.</i> Судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: что мешает развитию.	47
<i>Васкэ Е.В.</i> Психологическое сопровождение расследования уголовных дел: взаимодействие психолога и полиграфолога в комплексном подходе к интегративной оценке информации.	54
<i>Гусев А.Н., Бондаренко Я.А.</i> О возможностях использования технологии многоуровневого анализа голоса LVA в комплексном полиграфическом исследовании	66
<i>Енгальцев В.Ф., Леонова Е.В., Хавыло А.В.</i> К проблеме формирования категоричного вывода эксперта в практике производства судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа	88
<i>Исайчев Е.С., Исайчев С.А.</i> Системный подход к анализу умышленно скрываемой информации	94
<i>Комиссарова Я.В.</i> Об использовании психофизиологических методов при производстве экспертиз по уголовным делам	96
<i>Макаренко И.А.</i> Возможности экспертного исследования идеальных следов преступления	109
<i>Никитин В.В.</i> Обзор практики производства ПФИ в системе СК РФ с января 2017 года по декабрь 2019 года	118
<i>Савицкий М.А., Николаев А.Ю.</i> Проблемы методического обеспечения судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа	126
<i>Свободный Ф.К.</i> Диагностика информированности личности о расследуемом событии: от наблюдений следователя — к судебной психологической экспертизе	135

Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном
и гражданском судопроизводстве

<i>Секераж Т.Н.</i> Методологические проблемы проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа в форме судебной экспертизы	139
<i>Семёнов В.В.</i> К вопросу о допустимости использования результатов исследования с применением полиграфа в качестве доказательства	147
<i>Холодный Ю.И.</i> Возможности и нерешенные вопросы психофизиологических исследований с применением полиграфа при расследовании уголовных дел	159
Итоги Межведомственного научно-практического семинара	169

11 февраля 2020 г. кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия проведен Всероссийский научно-практический семинар: *«Психофизиологические исследования с использованием полиграфа при расследовании уголовных дел: актуальные вопросы и перспективы развития»*.

В работе семинара приняли участие в качестве докладчиков научные и практические работники России: ученые и представители ведущих вузов страны, представители Верховного Суда РФ, правоохранительных органов и экспертных учреждений. Слушателями семинара и участниками дискуссии стали судьи, проходящие повышение квалификации в РГУП.

Научно-практический семинар был организован по инициативе Следственного комитета России, обратившегося на кафедру судебных экспертиз и криминалистики с предложением провести мероприятие, в рамках которого представители правоохранительных органов и суда могли бы обсудить остро дискуссионные вопросы проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа при расследовании уголовных дел и выработать единую позицию в данной области.

Модераторами круглого стола выступили заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридический наук, кандидат биологических наук, профессор Т.Ф. Моисеева и руководитель третьего отдела криминалистического сопровождения следствия технико-криминалистического управления Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации И.И. Каменев.

Актуальность выбранной для обсуждения темы определяется той ролью, которую психофизиологические исследования с использованием полиграфа играют в настоящее время в практике раскрытия и расследования уголовных дел, однако при этом однозначно не определен правовой статус таких исследований. Основной вопрос заключается в том, насколько достоверны такие исследования. Это определяет возможность использования их результатов в качестве доказательств. От этого зависит и допустимость проведения таких исследований в форме судебной экспертизы.

Достоверность результатов экспертных исследований определяется двумя основными факторами: компетентностью лиц, проводящих исследования, и научно-обоснованной достоверной методикой исследования. Именно на эти два аспекта всегда обращают внимание при формировании новых видов экспертных исследований, и именно по этим вопросам ведутся споры ученых и практиков, когда речь заходит об психофизиологических исследованиях с использованием полиграфа. Эти споры ведутся достаточно давно.

Первое обсуждение данных вопросов в РГУП было проведено на Всероссийском научно-практическом семинаре: *«Проблемы использования полиграфа в уголовном судопроизводстве» (18 марта 2013)*. Основные доклады также касались возможностей и ограничений криминалистических исследований с использованием полиграфа и судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа. В результате острой дискуссии с участием ведущих специалистов-полиграфологов разных ведомств, ученых в области криминалистики, судебной экспертизы и процессуального права были сделаны выводы о том, что теоретические основы предлагаемой психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа еще не до конца разработаны, поэтому проводить такие исследования в рамках судебной экспертизы, т. е. рассматривать их результаты как доказательства, представляется преждевременным. В то же время отмечалась несомненная значимость проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа на стадии предварительного расследования для получения главным образом ориентирующей информации.

К сожалению, за прошедшие 7 лет многие вопросы, поднятые в процессе обсуждения, так и остались без ответа. Отсутствие признанной всем научным сообществом методики психофизиологических исследований с использованием полиграфа и четких требований к компетентности эксперта полиграфолога, уровню и направленности его образования привело к тому, что результаты таких исследований обоснованно вызывают сомнения в их достоверности. Верховный Суд неоднократно отмечал недопустимость принимать выводы психофизиологических исследований в качестве доказательств¹. Следует заметить, что даже в идеальных условиях проведения исследований с использованием по-

¹ См., например, Обзор Верховного Суда РФ «Кассационная практика Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2012 года» от 3 апреля 2013 г.; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.06.2017 № Ф04-1399/2017 по делу № А46-9231/2015.

лиграфа их достоверность, по данным ученых разных стран¹, немногим более 90%, что не только не позволяет делать категорические выводы, являющиеся доказательствами, но и формулировать вероятные выводы, которые даются при очень высокой степени приближения к достоверности и не являются доказательствами, с точки зрения теории судебной экспертизы представляется не корректным. Таким образом целесообразность (и допустимость) проводить психофизиологические исследования с использованием полиграфа в форме экспертизы вызывает большие сомнения.

Однако психофизиологические исследования с использованием полиграфа при расследовании преступлений могут и должны проводиться для оперативного получения информации при отработке следственных версий, являясь очень информативным средством, способствующим более эффективному расследованию уголовных дел.

Результаты психофизиологических исследований с использованием полиграфа в судопроизводстве представляют большой интерес и для экспертов, и для следователей, и для судебного сообщества и были рассмотрены в ходе проведения семинара.

Открыл работу семинара и выступил с приветственным словом ректор по науке Российского государственного университета правосудия, д-р юрид. наук, профессор В.Н. Корнев. Он отметил актуальность и значимость обсуждаемых вопросов для правоприменительной практики.

Прозвучавшие доклады касались различных сторон проблемы:

- *развития и разработки отдельных методов, средств и технологий психофизиологических исследований* (доклады профессора кафедры психологии личности факультета психологии МГУ им. Ломоносова, д-ра психол. наук, профессора А.Н. Гусева «О возможности использования технологии многоуровневого анализа голоса LVA в комплексном полиграфическом исследовании»; доцента кафедры психофизиологии факультета психологии МГУ им. Ломоносова, канд. психол. наук, доцента С.А. Исайчева «Системный метод к анализу умышленно скрываемой информации»; декана биологического факультета Башкирского государственного университета, д-ра биолог. наук, канд. психол. наук, профессора С.А. Башкатова «Повышение валидности и надежности судебно-психофизиологической экспертизы с применением

¹ См., например: *Лалль А., Керп К.* Перспективы использования полиграфа в прикладной сфере // *Криминалистика и судебная экспертиология: наука, обучение, практика XV*. Т. 2. Центр судебной экспертизы Литвы, Литовское общество криминалистов, Университет М. — Каунас, 2019. С. 357–376.

полиграфа за счет выявления физиологических и психологических маркеров психологического состояния лжи»; главного эксперта ГБУ «Московский исследовательский центр», профессора кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, д-ра психол. наук, профессора Е.В. Васькэ «Психологическое сопровождение расследования уголовных дел: взаимодействие психолога и полиграфолога в комплексном подходе к интегративной оценке информации»);

- *методологического обеспечения данного направления исследований в целом* (доклады профессора кафедры криминалистики в Институте права Башкирского государственного университета, д-ра юрид. наук, доцента Ф.Г. Аминева «Проблемы научно-методического обеспечения психофизиологических исследований с использованием полиграфа»; эксперта ФСБ России, полковника А.Ю. Николаева «Проблемы методического обеспечения экспертизы с применением полиграфа»; зав. лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, канд. юрид. наук, доцента Т.Н. Секераж «Методологические проблемы применения СПФИ в форме судебной экспертизы»);

- *анализа существующей практики использования психофизиологических исследований в судопроизводстве* (доклады руководителя третьего отдела криминалистического сопровождения следствия технико-криминалистического управления Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета РФ И.И. Каменева «Актуальные вопросы использования полиграфа в практике расследования уголовных дел»; руководителя отделения психофизиологических исследований на полиграфе экспертно-криминалистического отдела Следственного управления по Республике Татарстан, канд. психол. наук М.Ю. Игнатьевой «Анализ практики производства психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в Республике Татарстан в уголовном судопроизводстве»; доцента кафедры психологии и организации правоохранительной деятельности (Высшие академические курсы), канд. психол. наук, доцента Ф.К. Свободного «Диагностика информированности личности о расследуемом преступлении»; старшего эксперта отдела психофизиологических исследований на полиграфе управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета России В.В. Никитина «Анализ практики производства психофизиологических исследований с применением полиграфа в следственных подразделениях СК РФ»);

■ *возможностей и ограничений использования психофизиологических исследований в уголовном судопроизводстве* (доклады доцента кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, канд. юрид. наук, доцента Я.В. Комиссаровой «Об использовании психофизиологических методов в уголовном судопроизводстве»; старшего эксперта отдела психофизиологических исследований на полиграфе управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета России В.В. Семенова «К вопросу о допустимости использования результатов исследования с применением полиграфа в качестве доказательства»; начальника лаборатории прикладной и экспериментальной психофизиологии Научного исследовательского центра «Курчатовский институт»; д-ра юрид. наук, канд. психол. наук, старшего научного сотрудника Ю.И. Холодного «Возможности и нерешенные вопросы психофизиологических исследований с применением полиграфа при расследовании уголовных дел»).

Все доклады вызвали оживленную дискуссию, что подчеркнуло актуальность темы семинара.

Основными дискуссионными вопросами были вопросы о допустимости и целесообразности проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа в форме судебной экспертизы и вопросы, касающиеся «Межведомственной методики производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа».

Еще раз было отмечено, что достоверность психофизиологических исследований с использованием полиграфа по данным российских и зарубежных авторов составляет порядка 90% и по объективным причинам не может быть выше, что не позволяет рассматривать результаты в качестве доказательств. При этом полученная с использованием полиграфа информация имеет очень большое значение для выдвижения и формирования следственных версий и при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

«*Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа*» несомненно имеет значение для совершенствования психофизиологических исследований с использованием полиграфа, однако по мнению ряда специалистов (зав. лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, канд. юрид. наук., доцента Т.Н. Секераж; начальника лаборатории прикладной и экспериментальной психофизиологии Научного исследовательского центра «Курчатовский институт»,

д-ра юрид. наук, канд. психол. наук, старшего научного сотрудника Ю.И. Холодного; главного эксперта ГБУ «Московский исследовательский центр», профессора кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, д-р психол. наук, профессора Е.В. Васькэ; руководителя лаборатории психологии детского и подросткового возраста ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского», д-р психол. наук, профессора Е.Г. Дозорцевой) данная методика требует существенной доработки.

Итоги семинара подвел судья Верховного Суда РФ С.Р. Зеленин, который отметил произошедший со времени упомянутого семинара 2013 года прогресс в сфере методов и средств фиксации психофизиологических реакций, однако указал, что связь между такими реакциями и информацией, содержащейся в сознании испытуемого, еще не вполне очевидна для судей. Он подчеркнул, что новые виды экспертизы не изобретаются судом или отдельными исследователями — их внедрение представляет собой объективный процесс. С.Р. Зеленин выразил позицию Верховного Суда РФ, согласно которой психофизиологические исследования с использованием полиграфа в настоящее время не имеют доказательственного значения, что, однако, не означает запрет на проведение подобных исследований, как в целях получения информации, имеющей ориентирующее значение, так и в целях развития методологии. С.Р. Зеленин указал также, что не исключает возможности придания таким исследованиям доказательственного значения в будущем, когда их достоверность и научная обоснованность станет достаточно убедительной для судей.

Участниками семинара были отмечены высокий научный уровень дискуссии, актуальность рассматриваемых вопросов, их практическая значимость. Семинар получил живой отклик среди юридической и экспертной общественности.

Т.Ф. Моисеева,
зав. кафедрой судебных экспертиз
и криминалистики РГУП,
д-р юрид. наук, канд. биол. наук, профессор

Верховный Суд Российской Федерации об использовании полиграфа в судопроизводстве

Не могу не выразить благодарность Университету правосудия и кафедре судебных экспертиз и криминалистики за то, что у нас есть возможность систематически встречаться и обсуждать вопросы, важные и с научной точки зрения, и с точки зрения осмысления судами проблемы применимости психофизиологических исследований на разных этапах уголовного судопроизводства. Сам факт наших встреч подтверждает, что такая потребность есть.

Это выступление не может являться выражением позиции Верховного Суда РФ и любых других судов Российской Федерации. Моя задача сводится к тому, чтобы представить позиции, отраженные в решениях Верховного Суда РФ по обсуждаемому вопросу. Я также могу попытаться высказать свое видение проблемы в целом.

Анализ практики Верховного Суда РФ за прошедший 2019 год свидетельствует о том, что она изменилась по сравнению с тем временем, когда мы встречались первый раз на предыдущей конференции. Тогда решения Судебной коллегии по уголовным делам состояли в основном в исключении из приговоров нижестоящих судов ссылок на результаты психофизиологических экспертиз как на доказательство. Сейчас судебная практика сводится к тому, что Судебная коллегия соглашается с выводами нижестоящих судов, которые не принимают психофизиологическую экспертизу как доказательство. Это говорит о том, что практика сформировалась, суды достаточно определенно и единообразно подходят к оценке таких исследований, делая вывод об их недопустимости в процессе доказывания. Консенсус по этому поводу у нижестоящих судов есть.

В связи с этим нет необходимости вновь вспоминать эволюцию мотивов, которые приводили суды, давая оценку психофизиологическим исследованиям с тех пор, как они стали появляться в уголовных делах. Остановлюсь на примерах Судебной коллегии за 2019 год, поскольку они отражают современное состояние практики.

Так, в апелляционном определении от 19 ноября 2019 г. № 18-АПУ19–26 выводы коллегии звучат следующим образом: «Ссылка в жалобе на то, что вопреки просьбе осужденного «его не проверили на полиграфе», не основана на законе, поскольку в соответствии со ст. 74 УПК РФ заключение психофизиологической экспертизы не отнесено к числу доказательств». По существу аналогичные выводы изложены в апелляционном определении от 1 августа 2019 г. № 4-АПУ19-20СП: «Судом обоснованно отказано в удовлетворении ходатайства стороны защиты об оглашении заключений психофизиологических экспертиз, поскольку использование такой экспертизы в доказывании уголовно-процессуальным законом не предусмотрено» и апелляционном определении от 16 апреля 2019 года № 92-АПУ19-3СП: «Нормы уголовно-процессуального закона не предусматривают возможность проведения психофизиологической экспертизы с применением полиграфа...».

Критика приведенных формулировок сводится к тому, что УПК РФ вообще не предусматривает исчерпывающего перечня экспертиз, поэтому нельзя ссылаться на отсутствие упоминания в нем психофизиологической экспертизы.

Представляется, что указанные формулировки, само их содержание глубже, чем может показаться. Это не простая констатация того, что в тексте уголовно-процессуального закона нет упоминания о психофизиологической экспертизе. Это указание суда о несоответствии исследования, на которое ссылается сторона, тем требованиям, которые предъявляются к доказательствам, это вывод, который делают суды с учетом того, что, как уже говорилось, практика оценки таких исследований сформировалась, и остается лишь констатировать существующий подход. Указывая на то, что закон не допускает полиграф в качестве доказательства, суды опираются на то, что ранее этот вопрос уже был предметом рассмотрения, и отношение к нему определено.

Такое видение судебных решений подтверждается апелляционным определением от 16 января 2019 г. № 4-АПУ18-47СП, в котором указано, что заявленное стороной ходатайство о проведении в отношении Е. психофизиологического исследования с использованием полиграфа, разрешено в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона с приведением мотивов принятого решения, не согласиться с которыми оснований не имеется. Из этого примера видно, что суд апелляционной инстанции соглашается с оценкой психофизиологического исследования, которая ранее уже была дана судом первой инстанции. Поскольку эта оценка была объективной и правильной, у вышестоящего суда нет осно-

ваний повторять мотивы, изложенные в решении суда нижестоящей инстанции.

Другая группа мотивов приведена в апелляционном определении от 6 августа 2019 г. № 48-АПУ19–23 (Судебная коллегия по уголовным делам): «Данный вид экспертиз является результатом опроса с применением полиграфа, регистрирующего психофизиологические реакции на какой-либо вопрос, и не может расцениваться в качестве надлежащего доказательства, соответствующего требованиям ст. 74 УПК РФ» и в апелляционном определении от 6 ноября 2019 г. № 208-АПУ19–11 (Судебная коллегия по делам военнослужащих): «Ссылка осужденного на результаты его психофизиологического исследования несостоятельна, поскольку уголовно-процессуальным законом не предусмотрена возможность использования в качестве доказательств по уголовному делу результатов исследований, регистрирующих психофизиологические реакции опрашиваемого лица на какой-либо вопрос».

Представляется, что это достаточно содержательная позиция, которую полезно было бы проанализировать.

В выступлениях прозвучало, что в сфере разработки и внедрения психофизиологических исследований в последнее время мало развития, нет движения вперед. С моей точки зрения движение есть, даже по сравнению с тем временем, когда мы общались в первый раз (2013). В сфере методов и средств фиксации психофизиологических, невербальных реакций прогресс, с моей точки зрения, очевиден, потому что раньше это был полиграф, сейчас к полиграфу подключают анализаторы голоса, инфракрасные камеры, компьютерный томограф. Прогресс идет по пути повышения точности и расширения параметров фиксации психофизиологических реакций человека и, можно сказать, нюансов поведения человека, совершенствования статистических методов обработки полученных данных.

Но мы не видим прогресса в изучении и установлении связи этой реакции человека с какой-либо информацией, которой он обладает. Если быть точнее — с информацией, связанной с его участием в событиях, составляющих содержание уголовного дела.

Судьи воспринимают связь психофизиологических реакций испытуемого именно с вопросами, которые ему задаются, а не с теми воспоминаниями, которые, возможно, отражены в его памяти. Каждый вопрос, задаваемый человеку, естественно, содержит какую-то информацию и доводит ее до сведения испытуемого. Суды видят проблему в том, можно ли отличить информацию, которую он раньше получил в связи с событием преступления, если участвовал в нем, от той, что была получена им в связи с расследованием преступления (потому что он уже,

естественно, знает, в чем его подозревают), или в связи с проведением самого исследования. Какие-то задаваемые в ходе исследования вопросы будут затрагивать чувствительные для человека темы и обстоятельства, и он будет на это реагировать, как каждый человек реагирует на подозрение, высказываемое в отношении него. Это может вызвать возмущение, стыд, гнев, которые естественны для невиновного, но зафиксированные реакции могут быть интерпретированы иначе.

Вот в этом направлении прорыва пока мы не видим.

И это еще хорошо, когда судьи видят связь психофизиологических реакций с вопросами, связанными с обстоятельствами дела, а не с состоянием человека вообще, не с его индивидуально-психологическими особенностями, с неудачами на работе, ссорами в семье, недопомоганием в данное время и так далее. Представляется, например, что некоторые люди более склонны к внушению, например, к воздействию гипноза или убеждения, а другие такому воздействию не подвержены. Индивидуальные психофизиологические особенности у человека есть, поскольку на определенную информацию один человек будет реагировать ярче, эмоциональнее, а другой нет. В этой сфере пока еще много непознанного, и говорить о наличии каких-то закономерностей рано.

Разумеется, судьи не являются специалистами в этой области, и этому обстоятельству уделялось внимание в предыдущих выступлениях. Но это не новость, и это не недостаток судьи, а данность. Для того и существуют эксперты, чтобы помогать разбираться в тех вопросах, которые нуждаются в применении специальных знаний. Еще на заре отечественного уголовного судопроизводства известный деятель русской судебной реформы 1864 года и ученый В.Д. Спасович писал в своем труде: «Когда при исследовании факта преступления возникнут такие вопросы, которых решение требует особых технических познаний и опытности в науке, искусстве, ремесле, то суд уголовный по своей некомпетентности к решению этих вопросов прибегает к техникам, людям сведущим, требует от них мнения...».

Тем не менее, каждое заключение эксперта должно быть понятно, оно должно быть объяснимо. Из него должно быть ясно видно, какие исследования проводились и каким именно образом, насколько выводы экспертов обусловлены результатами исследований и т. д. Судьи не должны быть специалистами, но они обладают возможностью понимать логику работы специалиста, выводы которого должны быть обоснованы, а примененные им методики исследования, как совершенно справедливо указывала в своем выступлении Т.Н. Секераш, должны быть общепризнанными.

На отсутствие именно этого качества методик психофизиологического исследования обращают внимание суды.

Так, в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 октября 2019 г. № 57-АПУ19–5 указано, что «для психофизиологического исследования с использованием полиграфа, о проведении которого А. ходатайствовал перед следователем, отсутствуют научно обоснованные методики, что не позволяет использовать полученные результаты в качестве доказательств по делу». В апелляционном определении от 10 сентября 2019 г. № 4-АПУ19–24 Судебная коллегия пришла к выводу о том, что отсутствие в материалах дела исследования психофизиологического состояния П. с применением полиграфа, в силу отсутствия научных экспертных методик не влияет на обоснованность приговора. А в апелляционном определении от 17 сентября 2019 г. № 1-АПУ19–17СП подчеркнуто, что отказывая в удовлетворении ходатайства стороны защиты об оглашении в присутствии присяжных заседателей акта психофизиологического исследования К. с использованием полиграфа и о допросе специалиста-полиграфолога по вопросам, касающимся проведенного исследования, суд первой инстанции правильно сослался на то, что указанный акт не имеет научного обоснования.

Здесь мы подходим к теме оценки доказательств, поскольку дискуссию вызвал вопрос о процентах достоверности выводов психофизиологического исследования и о том, что эти выводы имеют вероятностный характер. С моей точки зрения, как судьи, ничего страшного в том, что достоверность какого-то исследования будет 95% или 90%, нет. Главное, чтобы эта достоверность, если она может быть измерена, была прямо указана в заключении эксперта. Тогда суд именно таким образом и будет воспринимать и оценивать выводы исследования. Доказательственное значение, убедительность таких выводов будет невысока.

Судебная практика встречается с экспертными заключениями разной степени достоверности. Например, в недавнее время мы имели дело с дифференциацией следов крови лишь по четырем группам. Понятно, какая степень достоверности была, но мы определенно могли сказать, что лица с другими группами не могли стать источником этих следов. С появлением генетических исследований выводы экспертов о принадлежности следов крови определенному человеку действительно обрели практически 100% уверенность.

Поэтому очевидно, что судей беспокоит не степень достоверности психофизиологических исследований как таковая, а отсутствие их научной обоснованности, что подтверждают приведенные выше су-

дебные решения. Отсутствие устойчивых научных закономерностей в установлении связи психофизиологических реакций человека с какими-либо сведениями о преступлении, которыми он может обладать, сводит на нет любые попытки придать выводам полиграфолога доказательственное значение. Нам хорошо известны исследования ряда ученых, утверждающих, что степень достоверности таких выводов не отличается от случайной, а сам испытуемый не всегда способен отличить ложные воспоминания от своих истинных, поскольку между ними нет физиологической и психологической разницы.

Несколько замечаний надо сделать для того, чтобы дискуссия не ушла в сторону теории формальных доказательств, в переоценку одного доказательства. Действующий в нашем уголовном процессе принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) говорит как о внутреннем убеждении судьи, так и об оценке доказательств в их совокупности.

На практике оценка совокупности доказательств сопряжена с проверкой каждого из них другими доказательствами, в их сопоставлении. Именно по совокупности доказательств нужно делать вывод по существу дела о виновности подсудимого. На это обратил внимание Конституционный Суд РФ в определении от 27 февраля 2018 г. № 271-О, в котором указано, в частности, что уголовно-процессуальные нормы не регулируют использование полиграфа при проведении следственных и иных процессуальных действий, в том числе и экспертизы о проверке достоверности показаний, однако они прямо обязывают суд всесторонне проверить и оценить собранные по делу доказательства, а потому не могут расцениваться как нарушающие права стороны.

Судьи всегда имеют в виду эти положения доказательственного права и пользуются ими при обсуждении вопросов доказанности того или иного фактического обстоятельства. В судебном производстве по делу действует принцип непосредственного исследования доказательств. Это значит, что суды допрашивают подсудимого, потерпевшего, свидетелей непосредственно, поэтому могут и должны наблюдать не только за тем, что говорит человек, но и как он говорит. Для этого же мы просматриваем видеозаписи допросов и проверок показаний на месте, оцениваем, как человек давал показания, насколько он убедителен, свободен в рассказе, нет ли признаков заученности (хотя сама по себе она также не говорит о ложности показаний) или принужденности и т. д.

Европейский Суд, как вы знаете, также большое внимание уделяет праву обвиняемого допросить показывающего против него свидетеля

непосредственно, в том числе наблюдая за тем, как он дает показания, для целей реализации своего права оспорить их.

В учебнике криминалистики, любезно представленном Я.В. Комиссаровой, также уделено много внимания тактике допроса, в том числе тому, что следователь должен внимательно наблюдать за допрашиваемым, отмечать, когда он начинает громко говорить, краснеть и обнаруживать иные вербальные и невербальные признаки, которые могут указать следователю на попытки скрыть ложью или умолчанием значимую для дела информацию. Речь таким образом идет о действующих нормах оценки доказательств, они не новы, и каждый юрист знаком с ними со студенческой скамьи.

Подводя итоги, нельзя не сказать о принципиальном моменте в отношениях судов и ученых, работающих на самых передовых направлениях экспертных исследований: *суды не изобретают экспертиз*. Поэтому прозвучавшая ранее в выступлениях постановка вопроса о том, что сейчас Верховный Суд скажет, что надо сделать, чтобы наши исследования были приняты в качестве доказательств, не верна. Превращение конкретных исследований в общепризнанные методики, валидные для применения их при производстве судебных экспертиз, должно быть объективным процессом.

Возвращаясь к классикам, еще раз процитирую В.Д. Спасовича, он написал (конечно, для своего времени, а время изменилось, закон изменился, не принимайте это буквально): «В судилищах, судящих по внутреннему убеждению, отношение экспертов к судьям весьма просто: мнение экспертов для суда необязательно, суд его принимает, когда оно ему кажется убедительным»¹. Только когда научные методы достигают того уровня совершенства, которое позволяет им быть обоснованными, убедительными, общепризнанными, тогда эти исследования приходят в уголовный процесс и принимаются судами в качестве доказательств. Эти соображения касаются и психофизиологических исследований, если они когда-либо смогут обрести подлинно научную основу.

До тех пор надо иметь в виду, что отказ судебной практики от доказательственного значения психофизиологических исследований не означает запрета на эти исследования. Они имеют право на жизнь в иных сферах деятельности (в кадровой работе, в оперативно-розыскных мероприятиях), они имеют право развиваться, в том числе энтузиазмом и трудами выступавших сегодня коллег.

¹ Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001. — 112 с.

Проблемы научно-методического обеспечения психофизиологических исследований с применением полиграфа

Любой вид (род) судебной экспертизы проходит в своем становлении стандартный путь от полного непризнания и жесткой критики до безоговорочного признания экспертным и судебным сообществом. Так, еще в конце XIX века мало кто знал о дактилоскопических экспертизах, а сегодня ей придается такое значение, что именно следы рук и обуви выступают наиболее распространенными объектами, обнаруживаемыми и изымаемыми в результате осмотра места происшествия¹. Примером такого же прогресса в вопросе признания могут служить судебные экспертизы запаховых следов человека (ольфакторные экспертизы), применение которых еще в конце XX века было ограничено оперативными выборками, а в настоящее время имеются уже более 20 разработанных и научно обоснованных экспертных методик с утвержденными паспортами методик. Общеизвестно, какую историю в нашей стране имеют исследования в области генетики: от враждебного отношения к самой науке до широкого признания и использования результатов генотипоскопической экспертизы как в качестве доказательства, так и в ближайшем будущем — в деле всеобщей геномной регистрации населения страны².

В случае с психофизиологической экспертизой с применением полиграфа уже просматриваются элементы признания. Так, о начале признания этого вида судебной экспертизы свидетельствует тот факт, что с 2017 года в экспертно-криминалистические подразделения МВД России (в которых многие годы отвергалось само существование этой экспертизы), согласно внесенным изменениям в Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, был дополнен п. 19.1. «Психофизиологическое исследование в отношении лица с применением полиграфа», и в экспертно-криминалистические подразделения органов внутренних дел регионов России введены единицы экспертов-полиграфологов.

¹ Ваданян А.В. Дискуссионные вопросы формирования дефиниции понятия специалиста в уголовном судопроизводстве // Юрист-правовед. 2017. № 4 (83). С. 39.

² Аминев Ф.Г. и др. ДНК-криминалистика — зарождение, современность и перспективы // Биомика. 2019. Т. 11. № 3. С. 282–314.

В 2016 году вышел в свет учебник для магистров «Основы полиграфологии»¹. Имеется определение науки полиграфологии, как системы знаний о научно-методических основах, технических, организационных и правовых условиях проведения психофизиологического исследования с применением полиграфа в целях диагностики информационного состояния субъекта в рамках судопроизводства, оперативно-розыскной, трудовой и служебной деятельности².

Тем не менее, несмотря на вышеназванные признаки начала положительного отношения к психофизиологическим исследованиям с применением полиграфа, остается нерешенной основная проблема — проблема признания судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в качестве доказательства.

Анализ теории и практики этого вида экспертизы позволяет выделить основные проблемы в вопросах назначения, производства и использования в качестве доказательства судебной психофизиологические экспертизы с применением полиграфа (далее — СПФЭП).

1. Серьезной проблемой при назначении СПФЭП является *недостаточная осведомленность лиц, обладающих процессуальными полномочиями назначать судебные экспертизы*, о такой экспертизе и судебно-экспертных организациях, ее проводящих.

Трудно преодолеваемое утверждение судов о том, что сведения, полученные с использованием полиграфа, не являются доказательством, поскольку оценка показаний обвиняемого относится к компетенции суда, а не эксперта либо специалиста свидетельствует о неосведомленности судей относительно методики производства данного вида экспертизы и задач, которые могут быть вынесены на разрешение эксперта-полиграфолога.

Задачами, решаемыми при производстве СПФЭП, являются: а) вынесение суждения о степени информированности обследуемого лица о событии (его деталях), послужившем поводом для проведения психофизиологического исследования; б) вынесение суждения об обстоятельствах получения обследуемым лицом информации об этом событии (его деталях).

При назначении СПФЭ экспертные задачи могут быть определены в форме вопросов следующего содержания:

¹ Комиссарова Я.В. Основы полиграфологии: Учебник. М., 2016. 192 с.

² Комиссарова Я.В. Научно-методические основы использования полиграфа в уголовном судопроизводстве // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы: материалы III-й Международной научно-практической конференции. М.: РГУП., 2019. С. 328.

1) *Выявляются ли в ходе психофизиологического исследования с применением полиграфа реакции, свидетельствующие о том, что гражданин (ка) располагает информацией о деталях события?*

2) *Когда могла быть получена эта информация (во время события или вне его)?*

Содержащиеся в заключении эксперта СПФЭП выводы составляются экспертом по итогам исследований на основе применения своих специальных знаний, как и в любом другом виде судебных экспертиз.

2. *Проблема проверки и апробации конкретных экспертных методик* — результатов деятельности экспертов, разрабатывающих новую или адаптирующих уже имеющуюся типовую экспертную методику.

3. *Недоступность ведомственных экспертных методик психофизиологических экспертиз с применением полиграфа для широкого ознакомления*, что является препятствием для объективной оценки деятельности судебного эксперта¹.

4. *Отсутствует единая научно-методическая основа (стандартизация) всех имеющихся методик СПФЭП.*

И известные полиграфологи (Ю.И. Холодный, С.Д. Панин, Н.И. Иванов и др.) сами признают, что «отсутствует единый научно-методический подход к практике проведения психофизиологических исследований и экспертиз с применением полиграфа»².

Для решения вышеуказанных проблем полагаем необходимым решить следующие задачи:

- **снабдить сотрудников следствия и суд научно-методическими рекомендациями по назначению и производству СПФЭП;**
- разработать порядок валидации экспертных методик СПФЭП;
- выработать ключевые требования к компетенции экспертов-полиграфологов;
- придерживаться единой экспертной терминологии, единого языка СПФЭП, исключив термины из других видов деятельности;
- **осуществить унификацию (стандартизацию) методик проведения СПФЭП;**
- провести всесторонние (межотраслевые) научные исследования в целях подтверждения научной обоснованности судебной психофизи-

¹ *Иванова Е.В.* Использование специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами: теория и практика: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С 350.

² *Холодный Ю.И., Панин С.Д., Иванов Н.И.* Судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: вероятность вывода // Вестник Академии Следственного комитета РФ. 2015. № 3. С. 186—195.

ологической экспертизы с применением полиграфа и использования этого вида экспертизы в качестве доказательства.

Теоретические и прикладные проблемы полиграфологии, описание СПФЭП, рекомендации по ее назначению в настоящее время широко представлены в трудах Л.Г. Алексеева¹, В.А. Варламова², В.Ю. Долженко³, Я.В. Комиссаровой⁴, А.Ю. Молчанова⁵ и др.

О порядке валидации (теоретической и экспериментально-практической) экспертных методики СПФЭП и их адаптации к практической судебно-экспертной деятельности также достаточно обоснованно написано в работах В.А. Варламова⁶, Б.Н. Мирошникова⁷ и др.

Первые шаги в направлении профессиональной подготовки и стандартизации судебно-экспертной деятельности в области психофизиологических исследований с применением полиграфа предприняты: 13 мая 2015 г. при Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии (Росстандарте РФ) создан Технический комитет по стандартизации № 134 «Судебная экспертиза», в состав которого вошли руководители ведомственных судебно-экспертных организаций, ученые из всероссийских научно-исследовательских институтов (ВНИИ МВД РФ и др.), высших образовательных учреждений, занятых подготовкой экспертов. Думается, приведение совокупности терминов, определений к единой системе экспертной терминологии, а также **унификация (стандартизация) методик проведения СПФЭП, осуществимы — это вопрос времени.**

Таким образом, алгоритм проведения психофизиологической экспертизы с применением полиграфа разработан и применяется на практике. Но гораздо сложнее обстоит вопрос с решением с научно обоснованным объяснением психофизиологами всего спектра реакций на всех этапах исследования.

¹ Алексеев Л.Г. Психофизиология детекции лжи. Методология. М., 2011. — 108 с.

² Варламов В.А. Детектор лжи. М., 2004. — 352 с.

³ Долженко В.Ю., Свободный Ф.К. Психофизиологические исследования с использованием полиграфа как новое направление судебной психологической экспертизы. Барнаул, 2011. — 212 с.

⁴ Комиссарова Я.В. Задачи, объект и предмет судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4). С. 251–275.

⁵ Инструментальная «детекция лжи»: академический курс / С.И. Оглоблин, А.Ю. Молчанов. Ярославль, 2004. — 464 с.

⁶ Варламов В.А., Варламов Г.В. Компьютерная детекция лжи. М., 2010. — 944 с.

⁷ Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований (ПФИ) с использованием полиграфа: практическое пособие / Б.Н. Мирошников [и др.]. М., 2008. — 62 с.

Глубоко симпатизируя этому перспективному, но пока остающемуся не всеми правоприменителями признанному направлению экспертного исследования, на данном этапе мы солидарны с Т.Ф. Моисеевой, считающей, что «для обоснования применяемых экспертом программ нужно провести глубокие научные изыскания на предмет установления связей между психикой и физиологией человека применительно к процедуре уголовного судопроизводства»¹.

Критическое отношение к СПФЭП процессуалисты, в частности А.Р. Белкин, объясняют тем, что «научная достоверность получаемых результатов подвергается обоснованному сомнению, а критические замечания касаются, в частности, того, что это, скорее, искусство, а не наука, ибо слишком многое зависит от квалификации, опыта и интуиции специалиста-полиграфолога», а также «...достоверность результатов тестирования вообще не может быть оценена, ибо физиологические реакции, фиксируемые полиграфом, могут быть интерпретированы оператором по-разному»².

Этой экспертизе предстоит пройти долгий путь выявления, исследования и использования закономерностей корреляции психофизиологических реакций на получаемую реципиентом информацию. Для решения этой проблемы в Башкирском государственном университете с 2015 года проводятся всесторонние (межотраслевые) научные исследования в целях подтверждения научной обоснованности судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа.

Ученые в целях объективизации психофизиологических исследований с применением полиграфа проводят экспериментальные исследования в условиях оборудованной лаборатории с современной техникой (профессиональный компьютерный полиграф «Диана-7М», электроэнцефалографы с 22 датчиками показаний и др.), в ходе которых решается ряд задач, например, минимизация влияния побочных переменных на качество психофизиологического исследования с применением полиграфа и др.³ Оснащение лаборатории видеокomплексом «Диа-

¹ Моисеева Т.Ф. Типичные ошибки при назначении, производстве судебной экспертизы и оценке её результатов // Уголовный процесс. 2013. № 3. С. 10–17.

² Белкин А.Р. Еще раз о полиграфе, о текущем моменте и о судебной экспертизе // Библиотека криминалиста. 2016. № 6 (29). С. 79–91.

³ Башкатов С.А. и др. К вопросу об оптимальных условиях проведения полиграфологического исследования // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2015. С. 37–41.

на-видео» позволяет осуществлять многоканальный аудио- видео- контроль опрашиваемого с целью анализа невербальных реакций для выявления скрываемой им информации. Видеокомплекс позволяет производить наблюдение за процессом беседы специально подготовленным психологом и другими заинтересованными лицами с использованием ими двухсторонней аудиосвязи со специалистом, проводящим обследование.

Являются очень строгими требования к условиям проведения данной экспертизы: кроме добровольности и психофизиологической готовности проверяемого, желательно направлять проверяемого на психофизиологическую экспертизу с применением полиграфа в первые пять суток с момента получения сообщения о преступлении (потерпевших, свидетелей) либо с момента задержания (подозреваемого, обвиняемого).

Таким образом, в результате проводимых комплексных научных исследований будет доказано: могут (или не могут) в ходе проведения СПФЭП эмоции управляться человеком. И в случае, если данными исследованиями будет установлено, что результаты судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа не зависят от желания человека скрыть или исказить имеющуюся у него криминалистически значимую информацию, такое заключение эксперта может быть признано в качестве допустимого доказательства.

М.С. Баев, А.Н. Гусев

Перспективы автоматизированного анализа мимических реакций в комплексном полиграфическом исследовании

Анализ эмоций в судебно-психологической экспертизе видеозаписей является значимым компонентом исследования, позволяющим оценить, как изменения эмоционального состояния исследуемого лица в ответ на задаваемые вопросы или предъявление определенной информации, так и соответствие его эмоционального состояния контексту исследования. Длительное время не существовало объективных и общепризнанных критериев анализа эмоционального состояния, которые могли бы быть использованы при анализе видеозаписей (либо они не применялись), и оно оценивалось с высокой степенью субъективности. Следует отметить, что субъективность в экспертной оценке эмоциональных состояний человека является хорошо исследованным

предметом, и многие авторы справедливо указывают на целый ряд ее источников, связанных, например, с ограниченностью опыта эксперта и влиянием социокультурных факторов¹.

Объективный анализ выражений лица человека, осуществляемый экспертом с использованием системы FACS (Facial Action Coding System), является на данный момент наиболее точным, признанным мировым научным сообществом и хорошо валидизированным бесконтактным методом оценки эмоционального состояния человека на основе внешних мимических изменений. Однако при использовании данного подхода существуют две серьезные проблемы, значительно ограничивающие его практическое использование, — недостаток квалифицированных экспертов и большие временные затраты на обработку видеоматериала.

Мы полагаем, что данную проблему может решить автоматизированный анализ мимических реакций, выполняемый с помощью специального программного обеспечения (ПО), разработанного рядом зарубежных и отечественных компаний (Noldus FaceReader, EmoDetect, iMotions FEA и др.). Тем не менее, проведенный нами анализ показал, что предлагаемое ПО не позволяет надежно оценивать отдельные двигательные единицы, на выделении которых экспертом основана система FACS, а также весьма неточно анализирует по видеозаписи микровыражения лица², отражающие тонкую динамику лицевой экспрессии.

Указанные недостатки, на наш взгляд, связаны с использованием нейросетевого классификатора, который обеспечивает с приемлемой точностью выделение лишь базовых эмоций, являясь мало чувствительным для оценки тонкой динамики мимической активности лица. Поэтому особую актуальность приобретает разработка таких экспертных систем, которые повторяют перцептивные возможности опытного эксперта, а не ограничиваются результатами работы нейросети, обученной классифицировать эмоциональные экспрессии на весьма ограниченной выборке респондентов.

¹ Barrett L.F., Adolphs R., Marsella S., Martinez A.M., & Pollak S.D. (2019). Emotional Expressions Reconsidered: Challenges to Inferring Emotion From Human Facial Movements. *Psychological Science in the Public Interest*, 20 (1), 1–68. doi: 10.1177/1529100619832930; Pankanen M., Eerola T., & Erkkilä J. (2011). Biased emotional recognition in depression: Perception of emotions in music by depressed patients. *Journal of Affective Disorders*, 130 (1-2), 118–126. doi: 10.1016/j.jad.2010.10.034

² Haggard E.A. & Isaacs K.S. Micro-momentary facial expressions as indicators of ego mechanisms in psychotherapy. In L.A. Gottschalk & A.H. Auerbach (Eds.), *Methods of research in psychotherapy*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1966; Ekman, P., and Friesen W.V. Nonverbal Leakage and Clues to Deception. *Psychiatry* 32.1 (1969): 88–106.

Основными задачами, в которых задействуется анализ лицевых экспрессий, являются *оценка аффективного состояния исследуемого лица и детекция лжи*, где динамика лицевых экспрессий — важный компонент комплексной оценки его поведения наряду с традиционным исследованием на полиграфе. На наш взгляд, использование последнего в целом ряде случаев может быть эффективно дополнено анализом динамики эмоционального состояния человека по его лицу, что в целом увеличит вероятность выявления фактов искажения или сокрытие информации в виду повышения глубины анализа поведенческих проявлений.

Кроме того, количественный и качественный анализ динамики эмоционального состояния человека в ходе осуществления следственных действий позволит следователю сформулировать дополнительные гипотезы о возможных причинах изменения эмоционального состояния исследуемого лица, а эксперту-полиграфологу получить еще один важный канал информации на временной развертке анализируемых им показателей физиологической активности.

Особо подчеркнем, что строгий количественный анализ мимической активности позволяет говорить о значимых местах видеозаписи, где произошло то или иное событие, т. е. осуществлять надежную и обоснованную фрагментацию участков видеозаписи по критерию «значимых» отклонений эмоциональных реакций от базовой линии. Отметим, что мы имеем четкую возможность оценивать базовую линию мимического поведения обследуемого лица по представленной видеозаписи, если на ней присутствуют нейтральные вопросы. И, как отмечают наши зарубежные коллеги, для оценки базовой линии мимического поведения нет никакой необходимости получать дополнительные видеозаписи вне контекста рассматриваемой ситуации (например, допроса подследственного)¹.

В качестве резюме укажем, что наш опыт взаимодействия с экспертами — криминалистами, психологами, психиатрами и др., свидетельствует о том, что автоматизированный анализ лицевых экспрессий необходим для общей оценки эмоционального состояния человека и его динамики, но и решения более конкретной задачи — детекции лжи. В последнем случае мы можем говорить о значимости учета вариативности мимических реакций человека в ответ

¹ Palena N., Caso L., Vrij A., & Orthey R. (2018). Detecting deception through small talk and comparable truth baselines. *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*, 15 (2), 124–132. doi: 10.1002/jip. 1495

на те или иные вопросы полиграфолога или профайлера как о дополнительном критерии достоверности/недостоверности предоставляемой¹. Особо подчеркнем особую и принципиальную важность использования современных компьютерных методов анализа эмоциональных экспрессий вкупе с анализом голоса и выразительных движений тела человека² при дистанционном исследовании видеоматериалов, что принципиально невозможно в случае использования полиграфа.

Анализ лицевых экспрессий как значимый критерий оценки поведения человека опирается на ряд теоретико-методологических подходов, которые описывают их как не связанные во времени с речевой активностью и рассматривают как произвольно неконтролируемые реакции, не зависящие от культуры или расы, имеющие точное соответствие с рядом базовых эмоций³.

Выражения лица, связанные по времени с речевой активностью, также могут оцениваться в контексте изменений лицевой динамики, а индивидуальные особенности произнесения слов в сочетании с отдельными мимическими маньеризмами позволяют исследователю поведения более точно установить индивидуально-специфическую для каждого человека базовую линию его мимического поведения⁴.

Дополнительными преимуществами использования в комплексном полиграфическом исследовании анализа лицевых экспрессий, как весьма полезного дополнительного метода, являются его бесконтактность, дистанционность, принципиальная методологическая совместимость с полиграфом. Исходя из самой идеи метода полиграфи-

¹ *Brinke Leanne Ten, Stephen Porter, and Alysha Baker. «Darwin the Detective: Observable Facial Muscle Contractions Reveal Emotional High-stakes Lies.» Evolution and Human Behavior 33.4 (2012): 411–416;*

² См.: Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий): Научно-практическое пособие / А.М. Багмет, А.Н. Гусев, В.Ф. Енгальчев и др. М., 2018; *Гусев А.Н., Енгальчев В.Ф., Захарова Н.А.* Современные тренды в использовании программно-аппаратных средств при оценке психоэмоционального состояния человека // Аппаратные средства в психологической подготовке / под ред. А.Г. Караяни, С.И. Данилова. М., 2018. С. 110–117.

³ *Дарвин Ч., Экман П.* О выражении эмоций у человека и животных. СПб., 2013; *Eibl-Eibesfeldt Irenäus.* Love and Hate: on the Natural History of Basic Behaviour Patterns. Methuen, 1973.

⁴ *Сухаревский Л.М.* Клиника мимических расстройств: избранные картины в клинике психических заболеваний. М., 1966; *Massaro, Dominic W.* Perceiving Talking Faces: from Speech Perception to a Behavioral Principle. M.I. T Press, 1998.

ческой регистрации физиологических функций человека¹ регистрация любого канала информации о закономерных изменениях в организме человека и возможности их сопоставления на одной временной оси, на наш взгляд, повышают надежность и обоснованность вывода о том, какие скрытые от непосредственного наблюдения факторы могут пролить свет на истинные причины поведения обследуемого лица.

Далее кратко опишем важные моменты конкретной методологии анализа лицевых экспрессий. Анализ мимических реакций осуществляется путём кодирования отдельных мимических движений на временной оси при помощи международно признанной системы FACS, поиска сочетаний отдельных мимических движений, так называемых «лицевых событий», а также установления соответствия этих сочетаний различным эмоциям, описанным в FACS Investigator's Guide².

В настоящее время задача анализа мимических реакций в криминалистической практике осуществляется путём привлечения специально обученных экспертов, имеющих практический опыт анализа лицевых экспрессий с использованием методов объективной оценки, в частности, системы FACS³. Для сопоставления полученных данных о динамике мимического поведения, например, с речевой активностью и содержанием речи используется специальное ПО, такое как Noldus Observer, ELAN, Anvil (<https://www.noldus.com/observer-xt>, <https://archive.mpi.nl/tla/elan>, <https://www.anvil-software.org>), которое предназначено для фиксации результатов кодирования экспертом различных поведенческих событий и позволяет сопоставить их (как единицы контент-анализа) на одной временной оси для дальнейшей экспертной оценки, в частности, выделения специфических паттернов поведения, в том числе аффективного.

Необходимо подчеркнуть, что при экспертном анализе мы сталкиваемся с рядом характерных сложностей. Во-первых, процедура проведения анализа мимического поведения достаточно трудоёмка — одна минута видеозаписи для описания всей мимической актив-

¹ Соколов Е. Н. Восприятие и условный рефлекс. М., 1958. — 330 с.; Он же. Восприятие и условный рефлекс: новый взгляд. М., 2003. — 287 с.

² Ekman P., Friesen W.V., Hager J.C. (2002). Facial Action Coding System (FACS): the Manual & the Investigator's Guide. A Human Face, Salt Lake City U.

³ Coan, James A., and John J. B. Allen. Handbook of Emotion Elicitation and Assessment. Oxford: Oxford UP, 2007. Print; Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий): научно-практическое пособие / А. М. Багмет, А. Н. Гусев, В. Ф. Енгальчев и др. М., 2018.

ности человека требует примерно одного часа работы даже опытного эксперта. Во-вторых, количество экспертов, имеющих необходимую практику и прошедших специальное обучение кодированию по системе FACS со сдачей теста и получением сертификата (<https://www.paulekman.com/facial-action-coding-system/>), способных с достаточной степенью профессионализма использовать эту систему, минимально. Авторам настоящей публикации известно, что за 2019 год в России только два человека прошли данный тест и получили соответствующий международный сертификат. В-третьих, следует отметить, что для надежного анализа мимической активности требуется участие в одном исследовании как минимум двух экспертов с вычислением коэффициента согласия между экспертами.

В настоящее время на рынке представлен ряд коммерческих компьютерных систем, предназначенных для анализа эмоционального состояния человека по фото и видео записям (Noldus FaceReader, <https://www.noldus.com/facereader>, EmoDetect, <http://emodetect.ru/>, iMotions FEA, <https://imotions.com/biosensor/fea-facial-expression-analysis>). Все указанные системы работают на основе нейросетевых классификаторов, обученных на аннотированной экспертами выборке фото и видео записей лиц разных людей, выражающих базовые эмоции. Подчеркнем еще раз, что следствием особенности использования нейросетевых технологий является сложность анализа тонкой динамики быстрых выражений лица. Как правило, ПО, реализующее современные нейросетевые алгоритмы, только в редких случаях способны определить так называемые микровыражения эмоций¹.

Учитывая особенности реального мимического поведения человека, можно сделать вывод, что *компьютерные системы, используемые в криминалистической практике или судебно-психологической экспертизе, должны отвечать следующим критериям*: 1) точность и объективность (анализируются только реально видимые движения, а не соответствие какого-либо фрейма видеозаписи изображению выражения лица, определяемое при помощи нейросетевого классификатора); 2) четкая верифицируемость (видимые движения должны быть зафиксированы при помощи описательной критериальной системы; на данный момент времени единственной признанной в мире описательной критериальной системой является система FACS; 3) также система должна быть устойчивой к перемещению лица в пространстве и при поворотах голо-

¹ Ekman P., Friesen W.V. Nonverbal Leakage and Clues to Deception. Psychiatry 32.1 (1969): 88–106.

вы; 4) важным критерием также является возможность учитывать индивидуальные особенности лица конкретного человека (нейросетевые системы необходимо предварительно калибровать, указывая на нейтральные участки лица).

Учитывая сложность анализа мимической активности, нам представляется весьма актуальной задача автоматизации данного процесса в виде разработки специального ПО, моделирующего процесс работы опытного эксперта, кодирующего и анализирующего мимическую активность.

Существуют *два основных пути развития систем автоматизированного анализа мимической активности*: использование нейросетевых классификаторов, предварительно обученных на репрезентативной аннотированной выборке, и так называемый метод «прямой оценки», когда при помощи алгоритмов машинного зрения анализируются изменения поверхности лица, категоризируемые затем как двигательные единицы (AUs, action units) системы FACS, а затем соотносимые с отдельными эмоциями. Практический опыт авторов показал, что ПО, разработанное на основе использования нейросетевых классификаторов, не способно производить оценку отдельных быстрых лицевых событий, но позволяет с достаточной точностью оценить только общие изменения динамики движений лица во времени в виде набора базовых эмоций.

В частности, наш опыт свидетельствует о том, что из всего спектра ПО, предлагаемого на рынке, целесообразно использовать только программную систему Noldus FaceReader (<https://www.noldus.com/facereader>), причём использовать ее лишь в интерактивном экспертном режиме в качестве средства поиска резких изменений мимической активности и оценки частоты сердечных сокращений (измерение производится по видеозаписи на основе принципа фотоплетизмографии, <https://www.noldus.com/facereader/modules>).

Ряд научных коллективов¹, включая авторов настоящей публикации, также занимается разработкой ПО на основе технологий машинного зрения, которое позволит практически решать задачи детекции как макро-, так и микровыражений лица.

В контексте обсуждения вопроса о валидности и надежности использования профессионального ПО для оценки эмоциональных экспрессий *необходимо отдельно остановиться на проблеме степени*

¹ Allaert Benjamin, et al. «Micro and Macro Facial Expression Recognition Using Advanced Local Motion Patterns.» IEEE Transactions on Affective Computing, 2019, pp. 1–1., doi:10.1109/taffc. 2019.2949559; Liu, Yong-Jin, et al. A Main Directional Mean Optical Flow Feature for Spontaneous Micro-Expression Recognition. IEEE Transactions on Affective Computing, vol. 7, no. 4, 2016, pp. 299–310., doi:10.1109/taffc. 2015.2485205.

доказательности использования нейросетевого подхода для анализа видеозаписей в суде. В практике судебно-психологической экспертизы, на наш взгляд, основным критерием является верифицируемость диагностики эмоциональных экспрессий. А это становится возможным только при использовании стандартизованных методов анализа лица. В этой связи следует обратить внимание на то, что при использовании ПО с нейросетевыми классификаторами необходима калибровка системы по выбранному из видеозаписи фрагменту с нейтральным выражением лица. В свою очередь качество выбора нейтрального фрагмента лица зависит от квалификации эксперта.

Таким образом, можно заключить, что результат оценки выражения лица человека во многом обусловлен квалификацией эксперта, а используемое ПО способно лишь оказать помощь эксперту в принятии решения. В данном случае мы не можем не подчеркнуть известную степень субъективности (т. е. необъективности) в результатах такого рода экспертной оценки изменения эмоций по видеозаписи. Кроме того, на результат работы ПО, использующего нейросетевые технологии, не может не влиять репрезентативность той обучающей выборки видеозаписей эмоциональных реакций респондентов, на которых проводилось обучение нейросети.

Далее опишем ряд принципиальных моментов, на которых основана процедура принятия решения экспертом о том, что на определенном фрагменте видеозаписи обнаружено некоторое проявление мимической активности человека, категорируемое им как эмоция. При использовании системы кодирования выражений лица *FACS структура оценки мимического поведения складывается из нескольких шагов.*

1. Оценка так называемой базовой линии мимического поведения: индивидуальной интенсивности мимических реакций, наличие мимических гиперкинезов (при значимых мимических гиперкинезах мы не можем оценивать эмоции человека по его лицу, возможна лишь оценка мимической динамики в числе двигательных единиц FACS в единицу времени; в популяции таких людей примерно 7%), наличие индивидуальных мимических привычек (так называемых мимических маньеризмов).

2. Размещение отдельных кодов FACS и их сочетаний на временной оси (*рис. 1*).

3. Оценка взаимосвязи кодов FACS и их сочетаний с речевой продукцией исследуемого лица на основе анализа движения губ.

4. Принятие решений об истинности или ложности эмоций при наличии сочетаний кодов FACS, связанных с базовыми эмоциями (*табл. 1*).

Рис. 1. Пример размещения кодов FACS на временной оси. Кодирование выполнено экспертом в системе ELAN 5.8. Числа под временной осью соответствуют кодам FACS (51, 56 и 52 — повороты головы).

5. Оценка изменений мимических реакций на определенные события (например, вопросы) в соответствии с заявленным контекстом исследования. В этой связи отметим, при экспертной оценке видеозаписи на предмет выявления эмоций определенная сложность заключается в том, что в отличие от обычного полиграфического исследования обследуемому лицу (например, подследственному) не предлагается отвечать на специально разработанные вопросы, задаваемые экспертом в определенном порядке. Это может быть неструктурированное интервью или свободная беседа, не предполагающие воздействие на человека стандартным набором визуальных или аудиальных стимулов. Это создает для внешнего эксперта определенные трудности, но одновременно это и определенный «плюс».

В ходе полиграфического исследования, как правило, используются закрытые вопросы, а в ходе оценивания видеозаписи эксперт чаще всего сталкивается с ответами на открытые вопросы, что является, на наш взгляд, положительным фактором, так как позволяет оценить мимическую динамику человека в процессе развернутого ответа, а также сочетания мимических реакций и его речи. Использование системы FACS позволяет провести статистическую обработку мимической активности с целью оценить изменения мимического реагирования

на предъявленные стимулы, а также выделить так называемые «надежные сигналы» эмоций — сочетания движений лица, характерные для ряда базовых эмоций.

FACS как хорошо стандартизированная схема анализа лицевых экспрессий, многократно верифицированная в академических и прикладных исследованиях, позволяет эксперту обеспечить достаточный уровень

Таблица 1

Соответствие сочетаний отдельных двигательных единиц (AUs) проявлению базовых эмоций (по международной системе FACS)

Эмоция	Сочетания AUs	Коды FACS для определения базовых эмоций
Удивление	1+2+5B+26 1+2+5B+27	AU 4 <u>Опускатель</u> брови AU 1 <u>Подниматель</u>
Страх	1+2+4+5+20+25, 26 или 27 1+2+4+5+25, 26 или 27	внутренней части брови AU 2 <u>Подниматель</u> внешней части брови
Радость	6+12 12C/D	AU 5 <u>Подниматель</u> верхнего века
Печаль	1+4+11+15B с или без 54+64 1+4+15 с или без 54+64 6+15 с или без 54+64	AU 7 <u>Натягиватель</u> век AU 6 <u>Подниматель</u> щеки
Отвращение	9 9+15+16, 26 9+17 10 10+16+25, 26 10+17	AU 9 <u>Сморщиватель</u> носа AU 10 <u>Подниматель</u> верхней губы AU 17 <u>Подниматель</u> подбородка AU 15 <u>Опускатель</u> угла губы
Злость	4+5+7+10+22+23+25, 26 4+5+7+10+23+25, 26 4+5+7+23+25, 26 4+5+7+17+23 4+5+7+17+24 4+5+7+23 4+5+7+24	AU 16 <u>Опускатель</u> нижней губы AU 25 Губы разделены AU 26 Челюсть опущена AU 27 Рот растянут AU 20 <u>Растягиватель</u> губ AU 14 Втянутый угол губы
Презрение	Проявляется как ассиметричный AU10 или ассиметричный AU14.	AU 11 Углубитель носогубной складки AU 12 <u>Подниматель</u> угла губы AU 22 Губы воронкой AU 23 <u>Натягиватель</u> губ AU 24 <u>Сжиматель</u> губ AU 54 Голова вниз AU 64 Глаза вниз

Примечание: 1) латинскими буквами С и D обозначена интенсивность выраженности соответствующей двигательной единицы по 5 балльной шкале от А (минимум) до Е (максимум); 2) сочетания двигательных единиц могут проявляться как полностью, так и частично.

валидности и надежности своему заключению о том, почему он (она) категоризирует обнаруженное на лице конкретное сочетание двигательных единиц как определенную эмоцию. Подчеркнем, что данная система ориентирована только на анализ физических изменений на поверхности лица и позволяет получить данные о динамике изменений лица в виде появления/исчезновения на нем отдельных двигательных единиц и их сочетаний во времени. Анализ сочетания кодов FACS во времени может идти в различных теоретических схемах, как в дискретной модели Пола Экмана¹, так и, например, в контексте так называемой Component process model Клауса Шерера². При использовании экспертных систем, основанных на FACS, в значительной степени исключается влияние субъективных факторов, а результаты могут быть верифицированы другим экспертом.

Возвращаясь к современному состоянию проблемы судебно-психологической экспертизы видеозаписей, еще раз подчеркнем очевидную ограниченность использования методологии автоматической (компьютерной) оценки эмоционального поведения человека с применением ПО, основанном на использовании нейросетевых технологий. Мы полагаем, что в настоящее время методологически правильным будет тот подход, где реализуется процедура визуальной экспертной оценки видеозаписи лица, а также с помощью специализированного ПО, позволяющего осуществлять с необходимой точностью обнаружение на поверхности лица активность отдельных двигательных единиц и их сочетаний. К сожалению, судя по имеющимся публикациям, такое ПО пока находится на стадии разработки.

Авторы настоящей публикации в течение двух последних лет проводят разработку отечественного ПО, позволяющего осуществлять объективный верифицируемый анализ выражений лица с помощью автоматизированного выделения на видеозаписи лица человека отдельных двигательных единиц. Общая методология работы основана на принципе моделирования деятельности эксперта, осуществляющего анализ лицевых экспрессий, с помощью использования современных процедур компьютерного зрения.

Выделим основные этапы работы общего алгоритма анализа видеозаписи: 1) в оптическом потоке выделяются ряд так называемых структур-

¹ Ekman Paul. «An Argument for Basic Emotions.» *Cognition & Emotion* PCEM 6.3 (1992): 169–200; Fernández-Dols, José-Miguel, and Carlos Crivelli. *Recognition of Facial Expressions: Past, Present, and Future Challenges. Understanding Facial Expressions in Communication* (2014): 19–40.

² Scherer, Klaus R. «The Dynamic Architecture of Emotion: Evidence for the Component Process Model.» *Cognition & Emotion* 23.7 (2009): 1307–351.

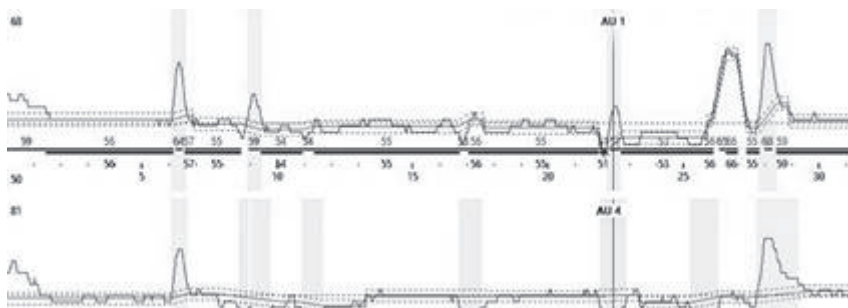

Рис. 2. Компьютерный анализ движений лица, на котором автоматически выделены двигательные единицы AU1 и AU4. Первые две верхние кривые отражают движения кожи лица в сегментах, соответствующих этим двигательным единицам. На третьей линии прямоугольниками выделены начало и окончание мимического выражения эмоции страха. Внизу отображено изменение интенсивности эмоциональной активности лица в целом

ных и динамических инвариантов¹: лицо человека и его основные части с учетом возможных движений камеры, тела, головы; 2) от кадра к кадру производится анализ движения отдельных частей поверхности лица; 3) в соответствующих сегментах лица выделяется начало, окончание и амплитуда отдельных двигательных единиц; 4) анализируется сочетание обнаруженных двигательных единиц во времени; 5) в соответствии со стандартной схемой (см. табл. 1) выделяются базовые эмоции и другие описанные в системе FACS характерные паттерны мимической активности. На рис. 2 представлен результат работы первого прототипа такого ПО, которое позволяет надежно выделять основной набор двигательных единиц. Две верхних кривых представляют собой график динамики смещений поверхности кожи лица, соответствующих подъему и движению бровей друг к другу — сочетание двигательные единицы FACS AU1+4, являющееся важным индикатором при определении эмоции страха.

Далее переходим к описанию ряда примеров практического использования методологии оценки эмоциональных экспрессий лица при анализе видеоматериалов допросов свидетелей в процессе судебно-психологической экспертизы соответствующих видеозаписей.

На рис. 3 представлены результаты использования компьютерной системы Noldus FaceReader (версия 7.1) для анализа частоты сердечных

¹ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.

сокращений (ЧСС) по лицу одного из свидетелей или участников тяжкого преступления, совершенного много лет назад. Характерной особенностью этого случая была крайне низкая мимическая активность, зарегистрированная на лице мужчины, имевшего большой опыт общения с правоохранительными органами и обладающего хорошо развитыми навыками произвольной саморегуляции.

Анализ эмоциональных проявлений показал наличие только так называемых эмблематических эмоций — сознательно созданных выражений лица. В связи с чем было принято решение в качестве одного из показателей эмоционального реагирования на вопросы следователя о ключевых событиях уголовного дела использовать фотоплетизмо-

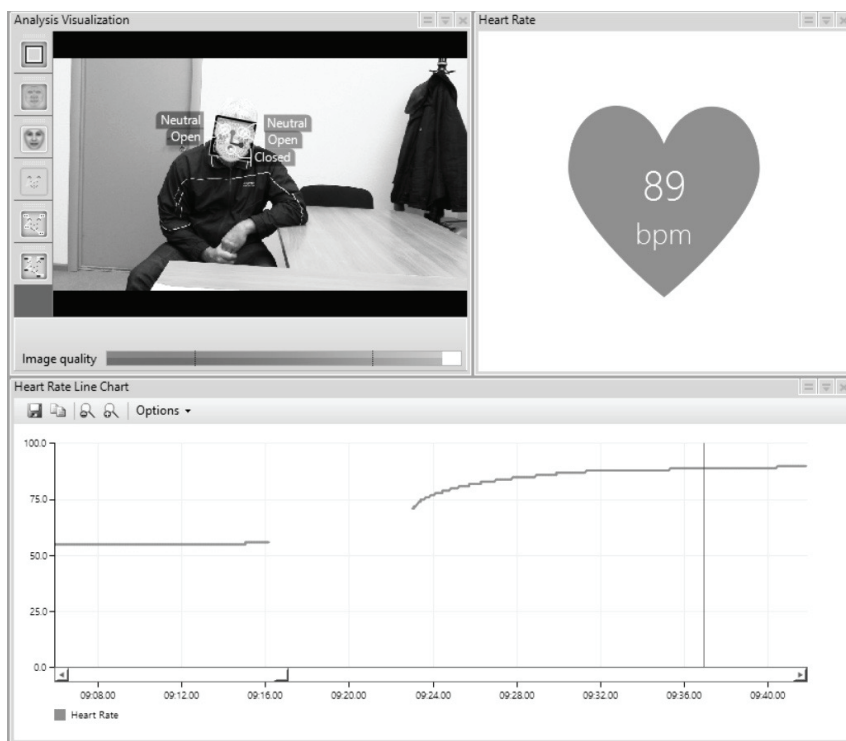

Рис. 3. Скриншот экрана компьютерной системы Noldus FaceReader. Слева сверху — кадр видеозаписи опроса свидетеля с наложенной на лицо 3D-моделью лица. Справа сверху — окно-индикатор величины ЧСС. Внизу — изменение ЧСС в ходе беседы за 32 секунды

грамму для определения ЧСС как надежного показателя активности периферической нервной системы. Резкое повышение ЧСС в тот момент, когда свидетель рассказывал о важных деталях дела, связанных с исчезновением своей жены, позволило, на наш взгляд, выделить значимые смысловые фрагменты беседы. А именно при ответе на вопрос, при каких обстоятельствах он виделся с женой, когда и на какой машине она уехала из дома, мы обнаружили резкое увеличение ЧСС (60 до 89 ударов в минуту), свидетельствующее об значительном активации симпатической нервной системы. Как правило, такие паттерны активации сопровождают значимые для человека воспоминания, имеющие смысловую нагрузку. Наши коллеги из Следственного комитета РФ оценили появление такой реакции как весьма интересную и важную информацию, позволяющую выдвинуть ряд гипотез о направлении сбора дополнительных сведений.

Второй кейс демонстрирует результаты анализа эмоционального поведения предполагаемого преступника, выполненного авторами при проведении судебно-психологической экспертизы видеозаписи его допроса. С помощью компьютерной системы Noldus FaceReader оценивалась общая мимическая активность при допросе при предъявлении подследственному различных вопросов. В правом верхнем окне показаны результаты обнаружения двигательных единиц AU1 и AU2 низкой интенсивности (уровни А и В, соответственно). Внизу представлена временная динамика выраженности положительных и отрицательных эмоций (Valence Line Chart) в масштабе стандартизированных значений ± 1 за 18 секунд видеозаписи. Еще ниже — окно с изображением динамики силы эмоциональной активации (Arousal) в целом. Этот момент записи соответствует ответу на вопрос о переживаниях подследственного в связи с совершением им преступления (рис. 4).

Третий кейс показывает возможность автоматического обнаружения очень короткого и асимметричного нервного тика. Этот случай соответствует результатам расследования службой безопасности случая кражи в крупном аэропорте. В ходе анализа видеозаписи беседы подозреваемого с экспертом-профайлером были визуально выделены и описаны с помощью критериев FACS внешние проявления нервного тика, который был также надежно обнаружен с помощью опытного образца разработанного нами ПО. Частое появление нервных тиков за видеозаписи явилось важным аргументом против анализа его эмоционального состояния с использованием изменений мимики. Подчеркнем, что даже весьма совершенное ПО Noldus FaceReader, которое

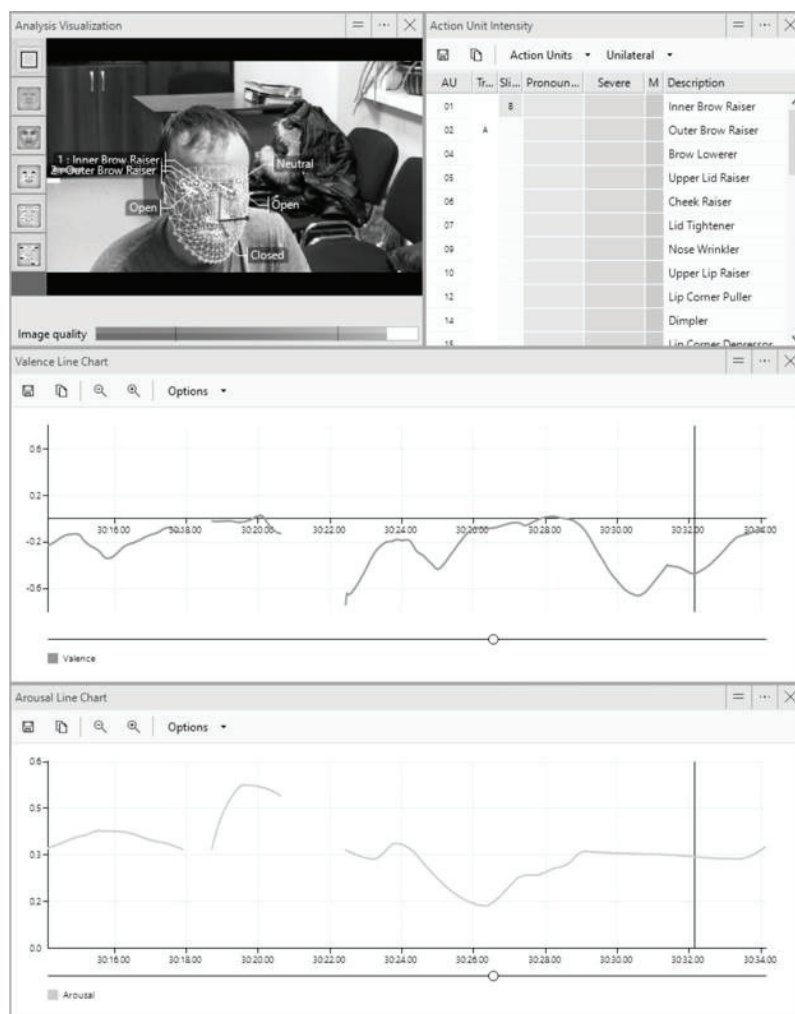

Рис. 4. Скриншот экрана компьютерной системы Noldus FaceReader. Слева сверху — кадр видеозаписи опроса свидетеля с наложенной на лицо 3D-моделью его лица. Справа сверху — окно-индикатор появления на видеозаписи отдельных двигательных единиц. Внизу — два окна, отображающих изменение эмоциональной экспрессии лица во времени — знак эмоции (Valence) и общая эмоциональная экспрессия (Arousal). По оси ординат — интенсивность проявления эмоций в относительных единицах, по оси абсцисс — время видеозаписи допроса

было также использовано для анализа изменений лицевых экспрессий, не смогло ни выделить соответствующую двигательную единицу, ни каким-то образом категоризовать это очень быстрое мимическое событие как одну из эмоций (естественно, допустив явную ошибку в данном случае).

Четвертый кейс касается исследования видеозаписи, на которой зафиксирована долгая и подробная беседа эксперта-профайлера с директором ресторана одного из крупных городов России. В ходе расследования были выяснены детали реализации директором мошеннической схемы по сокрытию прибыли от владельца ресторана и присвоению денежных средств. В ходе беседы директору было задано множество вопросов по стандартной схеме: нейтральные, контрольные и проверочные вопросы. На рис. 5 представлены результаты анализа выраженности трех базовых эмоций — злость, удивление и страх в ходе беседы. Обработка данных проводилась с помощью компьютерной системы Noldus FaceReader, версия 7.0. В начале рисунка даны средние значения интенсивности эмоций в целом по анализируемой видеозаписи. В целом видно, что выделение на видеозаписи эмоций в процессе ответа респондента на вопросы свидетельствует о значительном изменении их интенсивности в зависимости от смыслового содержания вопроса и представленной директором информации. Например, проверочный вопрос № 16 касался ситуации рабочих отношений между барменом, официантами и кассиром, вопрос № 18 — предоставления скидок на алкоголь постоянным клиентам, а вопрос № 25 — закупок продуктов и алкоголя. В ответах директора ресторана именно на эти вопросы наблюдался значительный рост интенсивности негативных эмоций на лице.

Кроме того, отметим, что одновременно аналогичные данные о высоком уровне эмоционального стресса были получены при анализе изменений в голосе директора с помощью использования компьютерной системы LVA-i (Гусев, 2019, Гусев, Енгальчев, Захарова, 2018). Для сравнения отметим содержание других вопросов: 1) нейтральный вопрос № 1 в самом начале беседы касался того, знает ли директор, почему ей было предложено побеседовать с экспертом, и согласна ли она рассказать о работе ресторана в текущем году; 2) вопросы № 5–9 касались распределения служебных обязанностей между сотрудниками ресторана; 3) контрольные вопросы № 1 и 3 касались желания директора рассказать о работе руководимого ею коллектива и пояснить причины увольнения ряда сотрудников.

Последний кейс демонстрирует результаты проведенного нами анализа лицевых экспрессий Ю. Скрипаль в ходе известного интервью,

Рис. 5. Распределение интенсивности 3-х базовых эмоций в ходе беседы при ответе респондента на вопросы профиля-лера. Н — нейтральные вопросы, К — контрольные, П — проверочные. Первый (темно-серый) столбик — злость, второй (светло-серый) столбик — удивление, третий (темно-серый) столбик — страх

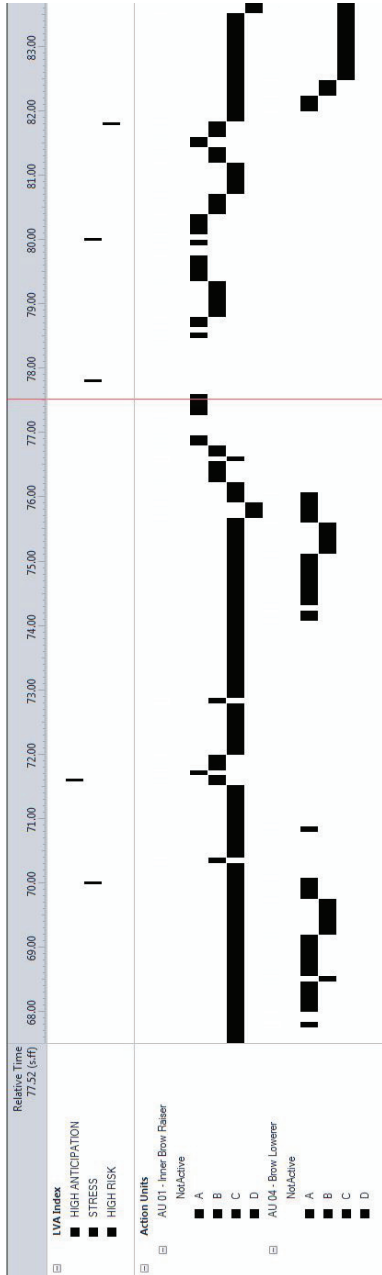

Рис. 6. Полиграмма поведенческих реакций Ю. Скрипаль в ходе анализа ее лица на видеозаписи. Сверху — появление во времени трех показателей стресса, определяемых по голосу. Внизу — выделение на лице двух двигательных единиц. Длина черных прямоугольников отражает длительность каждой двигательной единицы, буквы A-D соответствуют их интенсивности

данного ею компании BBC. Напомним, что дело касалось попытки отравления ее отца и ее самой неизвестными лицами в английском городе Солсбери. На рис. 6 в его нижней части показано появление во времени двух двигательных единиц (AU 01 и AU 04, четыре уровня интенсивности — от А до D), являющихся надежными знаками эмоции гнева. Анализ выполнялся с помощью компьютерной системы Noldus FaceReader, версия 7.0. Вверху на той же временной оси отмечены моменты появления показателей эмоционального и когнитивного напряжения, которые оценивались по голосу с помощью указанной выше системы LVA-i. Индекс High Anticipation в большей степени отражает когнитивное напряжение, остальные два — преимущественно эмоциональное. Для совместного анализа голоса и лица на одной временной оси нами использовалась компьютерная система The Observer XT, версия 6.0.

Ниже в табл. 2 представлены сведения о тех словах, которые произносила Ю. Скрипаль в анализируемый промежуток времени. На наш взгляд, этот отрезок ее речи был эмоционально насыщен и отражал высокий уровень ее напряжения, даже несмотря на обычную в таких случаях репетицию. Числа представляют собой начало и конец проявления во времени того или иного показателя в секундах. Отметим высокую синхронность голосовых показателей и лицевых экспрессий. Фактически мы указываем читателю на прямую возможность соотнесения полиграммы физиологических функций, лицевых экспрессий и вокальных характеристик голоса на одной временной оси. Безусловно, это позволит повысить надежность экспертной оценки поведения исследуемого человека в ходе судебно-психологической экспертизы.

Данные кейсы убедительно доказывают необходимость оценки невербального поведения в целом и в частности мимической активности лица при глубоком анализе поведения в ходе комплексного полиграфического исследования. Трудоемкость и субъективность анализа лицевых экспрессий делает целесообразным разработку автоматизированных экспертных систем, позволяющих максимально ускорить и объективизировать процесс анализа мимической активности, что приведет к повышению надежности и обоснованности экспертного заключения.

На наш взгляд весьма перспективны *разработки различных компьютерных систем для анализа мимической активности по видеозаписям*. Подчеркнем, что для решения таких задач возможно использование технологий нейросетевой классификации, позволяющих с приемлемой точностью оценивать выраженность на лице человека базовых эмоций, а также отдельных двигательных единиц. Однако нейросетевой подход

Таблица 2

Соотношение во времени параметров анализа голоса и двигательных единиц лица
в видеообращении Ю. Скрипаль

Показатели голоса и двигательные единицы	В дальнейшем я надеюсь вернуться домой в мою страну	Я решила прервать свою реабилитацию и сделать это короткое заявление, чтобы прояснить несколько вопросов	Я убедительно прошу уважать мою личную жизнь и личную жизнь моего отца
High Anticipation	71.60–72-80.		
Stress	70.00–71.00.	77.80–80.00.	80.00–81.80.
High Risk			81.80–82.20.
AU 01 A	71.70–71.80.	76.80–76.95, 77.25–77.60.	78.50–78.55, 78.60–78.80, 79.30–79.70, 79.90–80.00, 80.10–80.40, 81.40–81.60.
AU 01 B	70.30–70.40, 71.50–71-70.	71.80–72.00, 72.80–72.90, 76.20–76.55, 76.60–76.80.	78.80–79-30, 80.40–80.70, 81.20–81.40, 81.60–81.85.
AU 01 C	68.50–70.30, 70.40–71.50.	72.00–72.80, 72.90–75.70, 75.90–76.20, 76.55–76.60	80.70–81.20, 81.85–83.00.
AU 01 D		75.70–75.90.	
AU 04 A	68.53–69.20, 69.75–70.10, 70.80–70.90.	74.10–74.20, 74.30–75.10, 75.60–76.10.	82.00–82.20.
AU 04 B	68.50–68.53, 69.20–69.75.	75.10–75.60.	82.20–82.0.
AU 04 C			85.50–83.70.

не позволяет анализировать микровыражения лица, которые характеризуются быстрыми смещениями поверхности лица, а также надежно не выделяют большое число двигательных единиц. В экспертной оценке последнее крайне важно для детального описания мимической активности, что значительно повышает возможность объективного и научно-обоснованного определения знака и интенсивности выражения эмоций на лице человека.

Обозначенный нами выше подход прямой оценки лицевых экспрессий с помощью алгоритмов компьютерного зрения, моделирующий профессиональную деятельность эксперта, позволяет снять указанные ограничения и открывает новые перспективы. Например, мы получаем возможность отличить выражение истинных эмоций от так называемых эмблематических выражений, а также выделить разного рода неврологические признаки (например, нервные тики и другие мимические гиперкинезы).

Переход от логики нейросетевой классификации к прямому анализу отдельных двигательных единиц и их сочетаний, основанному на системе FACS, позволяет сделать экспертное заключение более объективным и обоснованным.

С.А. Башкатов

Повышение валидности и надежности судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа за счет выявления физиологических и психологических маркеров психического состояния лжи

Огромна роль лжи в человеческой жизни. Мир захлёбывается ото лжи. Лгут не только лживые по природе, но и люди правдивые. Лгут не только сознательно, но и бессознательно.

Н.А. Бердяев

В современном уголовном судопроизводстве все большее распространение получает использование полиграфа в форме психофизиологической экспертизы¹ для выявления намеренно скрываемой информации

¹ Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. М., 2016. С. 181.

(лжи). Следует подчеркнуть, что полиграф не выявляет психическое состояние лжи как таковое, а регистрирует динамику физиологических показателей¹, изменяющихся под влиянием предъявляемых полиграфологом респонденту вербальных стимулов. Вместе с тем, применение полиграфии вызывает множество противоречивых суждений: от поддерживающих этот вид экспертизы до отрицающих его.

В этой связи следует отметить, что любая экспертиза представляет собой результат оценочной деятельности эксперта, характеризующейся применением измерительных методик, которые обладают такими свойствами, как валидность и надежность.

Валидность (в психологии и психофизиологии) — соответствие предназначения методики (объекта и предмета ее оценки) результатам проведенного измерения.

Надежность методики характеризует относительную воспроизводимость ее результатов при повторном применении на одних и тех же респондентах.

Эмоция (в психологии) — переживание человеком в данный момент своего отношения к чему-либо. Эмоции отражают личную значимость внешних и внутренних стимулов, ситуаций, событий для человека. В широком смысле понятие «эмоция» включает целостную эмоциональную реакцию личности, включающую не только психический компонент — переживание, но и специфические физиологические изменения в организме, сопутствующие этому переживанию². Именно эти физиологические изменения как последствия эмоциональных реакций, возникающих после вопросов полиграфолога, регистрируются полиграфом.

Известный отечественный психофизиолог Ю.И. Александров, заведующий лабораторией психофизиологии Института психологии РАН подчеркивает, что впервые в 1907 г. К.Г. Юнг показал выраженную положительную корреляционную связь физиологических показателей (на примере кожно-гальванической реакции) с интенсивностью эмоционального переживания³. Автор далее замечает, что дальнейшие многочисленные исследования, выполненные в XX веке, показали, что именно кожно-гальваническая реакция служит лучшим индикатором эмоций.

¹ Физиологические показатели, регистрируемые полиграфом: артериальное давление, частота сердечных сокращений, верхнее и нижнее дыхание, тремор, кожно-гальваническая реакция (электропроводность кожи), фотоплетизмограмма (кровонаполнение сосудов).

² Дружинин В.Н. Психология. СПб., 2002. С. 128.

³ Александров Ю.И. Психофизиология. СПб., 2008. С. 147.

А. Линден, признанный специалист в области крупного психологического направления — нейролингвистического программирования, придает большое значение выразительным движениям глаз, систематизирует известную в этой области информацию¹. Например, когда человек поднимает глаза, у него возникают зрительные образы. Движения глаз из стороны в сторону свидетельствуют о возникновении слуховых образов. Взгляд, опущенный вниз и в сторону, говорит об анализе собственных эмоций и чувств.

Таким образом, не вызывает сомнений *существование физиологических и психологических маркеров эмоциональных состояний*, выраженность которых выступает предметом полиграфических исследований. Основной задачей полиграфолога в этой ситуации является корректная интерпретация обнаруженных в процессе проведения психофизиологической экспертизы зависимостей между содержанием заданных вопросов и интенсивностью физиологических реакций, регистрируемых полиграфом. При этом полиграфолог должен проводить видеофиксацию процесса экспертизы, регистрировать и учитывать выразительные и интонационные реакции респондента, которые должны согласовываться с силой и направленностью физиологических реакций.

Представляется целесообразным высказаться в пользу использования *Видовой экспертной методики производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа*². Ее валидность и надежность обусловлены сочетанным применением двух полиграфических методик: теста контрольных вопросов и теста выявления скрываемой информации.

Тест контрольных вопросов является классическим, содержит нейтральные, значимые и контрольные вопросы, имеющие существенные различия в эмоциональной значимости для респондента, обусловленной потребностью в собственной безопасности. Эти различия в эмоциональной значимости обуславливают различную интенсивность эмоций, регистрируемых в виде физиологических реакций полиграфом. Научно установлено, что в зависимости от правдивости или лживости респондента существуют значимые различия в интенсивности физио-

¹ Линден А. Библия НЛП. Настольная книга психотехнолога. СПб.—М., 2010. С. 61–65.

² Иванов В.Л. Видовая экспертная методика производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа / В.Л. Иванов, Я.В. Комиссарова, А.Б. Пеленицын, В.Н. Федоренко // Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью: материалы Международного научно-практического форума. Саратов, 2006. С. 90–96.

логических реакций на одни и те же значимые и контрольные вопросы¹. Недостатком этой методики является неравнозначность задаваемых вопросов и несопоставимость получаемых ответов². Однако этот недостаток компенсируется применением теста выявления скрываемой информации, содержащего достаточное количество именно однотипных вопросов, и, как следствие, получение на них сопоставимых ответов.

О.А. Борисова

Судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: что мешает развитию

На протяжении ряда последних лет вопрос о назначении судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа и правомерности использовании ее результатов (далее — СПфЭ) в судебном процессе привлекает внимание правоприменителей и экспертного сообщества.

Анализ практик приговоров судов и апелляционных определений Верховного Суда РФ показывает нарастающую тенденцию неприятия данного вида экспертизы. Попробуем проанализировать сложившуюся ситуацию и обозначить обстоятельства, которые тормозят развитие одного из перспективных методов криминалистической диагностики.

С точки зрения правовой науки и закона, чтобы проводимая в рамках предварительного и/или судебного следствия СПфЭ была рассмотрена как доказательство, она должна удовлетворять требованиям, предъявляемым к экспертным исследованиям, и иметь соответствующий специальный инструментарий — экспертную методику, в частности.

В начале 2000-х гг. специалистами Института криминалистики (далее — ИК) ФСБ России было осуществлено производство более десятка судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа. К 2001–2002 гг. в ИК ФСБ России под руководством Ю.И. Холодного было завершено изучение и научное обоснование теории и технологии проведения психофизиологических исследований в форме СПфЭ. К этому же времени относятся и первые случаи принятия су-

¹ Александрук Г.А. Полиграфология. Техника с вопросами сравнения: практическое пособие для специалистов. М., 2018. С. 4–12.

² Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. М., 2016. С. 183–185.

дами результатов СПфЭ в качестве доказательств по уголовным делам. В 2004 г. результаты СПфЭ, выполненной экспертом ИК ФСБ России А.Ю. Николаевым, были изучены кассационной инстанцией. В соответствии с кассационным определением Военной коллегии Верховного Суда РФ № 1–21/05 от 29 июня 2005 г. «правомерно положено в основу приговора заключение эксперта-полиграфолога от 28.01.2003 г. в отношении Л., так как, вопреки мнению последнего и заявлению адвоката ... оно получено в соответствии с требованиями закона и является научно обоснованным». Приговор в отношении Л. по ч. 2 ст. 213 и п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ был оставлен без изменений, а кассационная жалоба — без удовлетворения.

Таким образом, к 2003–2004 гг. применение СПфЭ в уголовном судопроизводстве в форме экспертизы стало свершившимся фактом, что было отражено в фундаментальном учебнике по криминалистике, подготовленном ведущими отечественными учеными-криминалистами: «Речь должна идти не о правомерности использования полиграфа вообще, а об условиях его использования в процессуальной деятельности следователя и суда». Авторы учебника указывают, что «применение полиграфа может быть допустимым <...> при производстве экспертизы»¹.

Дальнейшее становление технологии производства СПфЭ столкнулось с рядом трудностей как объективного, так и субъективного порядка, «а безответственная, порой граничащая с мошенничеством, практика отдельных полиграфологов, выступавших в качестве экспертов, привела к дискредитации самой идеи СПфЭ»².

Оперативным по скорости, но не адекватным по сути ответом на запросы процессуальной практики явилась появившаяся в 2005 году «Видовая экспертная методика производства психофизиологических исследований с использованием полиграфа» (далее — «Видовая методика»), содержащая грубые ошибки и существенные недостатки методического, теоретического и процессуального характера. В указанной «методике» отсутствовали описание технологии проведения исследования, граничные условия проведения тестирования на полиграфе, принципы оценки результатов и формулирования выводов по результатам исследования.

Отметим, что в 2005 г. негосударственное экспертное учреждение АНО «ЦНКЭС» в нарушение установленного порядка ввело в действие «Видовую методику» без этапа апробации. И хотя один из авторов Ви-

¹ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., и др. Криминалистика: Учебник. М., 2017. С. 380.

² Аверьянова Т.В., Майлис Н.П., Холодный Ю.И. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: хаос и его причины// Уголовный процесс. 2018. № 10. С. 72.

довой методики Я.В. Комиссарова утверждала, что «Видовая методика была разработана в экспертном учреждении»¹, это заявление, как следует из официального документа АНО «ЦНКЭС», не соответствует действительности².

При этом, как указывает АНО «ЦНКЭС», «сведения о научной обоснованности методики психофизиологического исследования с использованием полиграфа отсутствуют», а сведениями «о прохождении испытаний» указанной методики АНО «ЦНКЭС» не располагает. В данной «Видовой методике» (объёмом немногим более 6 страниц, включая 2 страницы пояснительной записки) отсутствуют описание технологии проведения психофизиологического исследования (далее — ПФИ), граничные условия проведения тестирования на полиграфе, принципы оценки результатов и формулирования выводов по результатам исследования. Более того, ПФИ с применением полиграфа авторами «Видовой методики» названо «инструментальным методом получения информации по невербальным каналам общения», что попросту не соответствует действительности, а «целью ПФИ является проверка сообщаемой обследуемым лицом информации», что противоречит компетенции эксперта согласно российскому законодательству.

Отметим, что Я.В. Комиссарова утверждала, что «в 2006–2009 годы эта методика прошла апробацию в ЭКЦ МВД Республики Татарстан»³.

В научной литературе не удалось найти публикации, содержащие анализ результатов апробации «Видовой методики». На профильных научно-практических конференциях кем-либо, в том числе и авторами Видовой методики, никогда не излагались сведения по обобщению и анализу результатов данной «апробации».

В связи с этим вызывает сомнение достоверность заявлений об апробированности «Видовой методики» и обоснованность ее использования в качестве методического средства. Также требует отдельного изучения вопрос о том, каким образом проходила «апробация» не до, а после введения «Видовой методики» в действие. Более того, в связи с вышеизложенным, требует внимательного рассмотрения, каким об-

¹ Комиссарова Я.В. Обоснованность методик экспертиз с применением полиграфа // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 78.

² Документ АНО «ЦНКЭС» от 18.02.2013 г. № 0630–01 Решением руководства АНО «действие методических рекомендаций по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа было приостановлено Приказом № 141 от 30.09.2008 г.».

³ Комиссарова Я.В. Указ. соч. С. 78.

разом вообще могла состояться апробация «методики», не имеющей алгоритма действия эксперта и содержащей указанные выше иные существенные недостатки.

Очевидно, что положения Видовой методики грубо нарушают п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2010 г. №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», в соответствии с которым вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний. Не допускается постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции следователя, прокурора или суда.

Несмотря на это, Видовая методика стала активно внедряться в следственную и процессуальную практику директивными указаниями руководства отдела психофизиологических исследований на полиграфе управления по организации экспертно-криминалистической деятельности ГУК СК РФ. В итоге, вследствие методической некорректности активно используемого директивным порядком некорректного инструментария, соответствующие заключения эксперта, в большинстве случаев, подвергаются серьезной и обоснованной критике.

Таким образом, «вместо пользы методика нанесла вред научно-обоснованному внедрению СПФЭ в практику, усугубляя неразбериху <...> производство СПФЭ подверглось критике отдельными учеными...»¹, вслед за которыми стала активно формироваться позиция ВС РФ по признанию «недопустимыми доказательствами заключения так называемой психофизиологической экспертизы <...> так как они не являются доказательствами по уголовному делу» (цитата из кассационного определения ВС РФ от 04.06.2008 г. по у/делу №74-008-18).

Наконец, в обзоре кассационной практики ВС РФ за второе полугодие 2012 года в п. 5.2.1 указано, что заключения психофизиологических экспертиз с применением полиграфа «не соответствуют требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к заключению экспертов, и такого рода исследования, имеющие своей целью выработку и проверку следственных версий, не относятся к доказательствам по делу согласно ст. 74 УПК РФ» (определение от 04.10.2012 № 34-О12-12). При этом в примере некорректных заключений, признанных ВС РФ недопустимым доказательством, были приведены ссылки на заключения, выполненные с использованием положений «Видовой методики».

¹ Аверьянова Т.В., Майлис Н.П., Холодный Ю.И. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: хаос и его причины // Уголовный процесс. 2018. № 10. С. 73.

Констатируя, что причиной обоснованной критики ВС РФ стало использование в судебных решениях ошибочных заключений по результатам исследований, выполненных по «Видовой методике», следует отметить, что «решение ВС РФ явилось реакцией на одну из грубейших ошибок Видовой методики, согласно которой «целью психофизиологического исследования с использованием полиграфа является проверка сообщаемой исследуемым лицом информации»¹, что является прерогативой следствия и суда и выходит за пределы компетенции эксперта.

Таким образом, из-за распространения некорректной «Видовой методики» производства СПфЭ, на протяжении ряда лет, начала складываться критическая ситуация, требующая своего немедленного разрешения.

Справедливости ради следует отметить, что в рассматриваемый период, была введена в действие «Методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа» (2009 г., ИК ФСБ России, разработчик А.Ю. Николаев). Однако, являясь сугубо ведомственной, она использовалась только полиграфологами, прошедшими обучение в ИК ФСБ России. Заключение экспертов, выполненные по указанной Методике, результативно применялись при расследовании многих преступлений, в том числе совершенных в ситуации неочевидности, и включались в число доказательств в решения судов различных инстанций.

Стремясь вывести СПфЭ из созданного авторами и распространителями «Видовой методики» кризиса, известные ученые Ю.К. Орлов и Ю.И. Холодный разработали «Типовую методику производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа» (далее — Типовая методика)². Данная методика, так же как и Методика ИК ФСБ России 2009 г., основанная на методическом инструментарии профильного подразделения ЦНИИСТ ОТУ КГБ СССР — ИК ФСБ России, соответствовала всем требованиям методического документа для проведения судебной экспертизы. Для апробации Типовой методики по указанию заместителей председателя СК РФ Ю.М. Ныrkова и В.И. Пискарева в 2015 году были подготовлены более 20 полиграфологов следственного комитета на специализированных кур-

¹ Аверьянова Т.В., Майлис Н.П., Холодный Ю.И. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: хаос и его причины // Уголовный процесс. 2018. № 10. С. 74.

² Холодный Ю.И., Орлов Ю.К. Типовая методика производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. М., 2014. 53 с.

сах в МГТУ им. Н.Э. Баумана. Однако после ухода вышеуказанных руководителей из СК РФ, полиграфологам-криминалистам, обученным в МГТУ им. Н.Э. Баумана, руководством отдела психофизиологических исследований на полиграфе управления по организации экспертно-криминалистической деятельности ГУК СК РФ было запрещено использовать Типовую методику в работе. Следует отметить, что в это же время группа из 8 сотрудников ряда ведомств, среди которых только 3 имели опыт (далеко не всегда удачный) проведения СПфЭ, несколько лет разрабатывала так называемую «Межведомственную методику», которую с нетерпением ждали многие специалисты-полиграфологи.

В 2018 г. *Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа* (далее — Межведомственная методика) была утверждена четырьмя ведомствами: 17.04.2018 — ИК ЦСТ ФСБ РФ, 07.05.2018 — ЭКЦ МВД РФ, 05.07.2018 — ГУК СК РФ, 14.07.2018 — 111 ГГЦСМиКЭ МО РФ. Еще одно ведомство, представители которого участвовали в разработке вышеуказанной методики, Минздрав РФ, документ не утвердило. Не удалось найти в научной литературе сведений об апробации Межведомственной методики.

Сама методика при ознакомлении с ней вызывает недоумение, так как вслед за «Видовой методикой» содержит ряд положений, противоречащих требованиям, предъявляемым к такого рода документам.

Так, в методике производства судебной экспертизы должен быть обозначен объект и предмет экспертизы, а также вопросы, выносимые на разрешение эксперта. «Объектом СПфЭ» в Межведомственной методике объявляются «... подэкспертный, материалы дела, вещественные доказательства» (т. е. полиграфологу предлагается исследовать уголовное дело и вещественные доказательства) и здесь же объектом экспертного исследования названы «физиологические проявления протекания психических процессов, связанных с восприятием, закреплением, сохранением и последующим воспроизведением подэкспертным информации о юридически значимом событии». Очевидно, что изучение «протекания психических процессов восприятия, закрепления, сохранения информации» относится к компетенции судебных экспертов-психологов, и давно и успешно решается в рамках судебной психологической экспертизы. Не менее абсурдно выглядит дифференциация предмета СПфЭ как «... решения задач, которые стоят перед экспертом» и предмета экспертного исследования как «динамики психофизиологических реакций, обусловленных возможно имеющейся

у подэкспертного информацией, связанной с юридически значимым событием»¹.

Недопустимым для методического документа выглядит отсутствие четких граничных условий проведения исследования, содержательного наполнение тестов, применяемых при тестировании на полиграфе, принципов оценки результатов и формулирования выводов по результатам исследования. То есть, таким образом, из-за указанных ошибок, противоречий и недостатков Межведомственная методика, впервые публично заявленная (как это ни странно) одним из авторов «Видовой методики» Я.В. Комиссаровой на конференции специалистов-полиграфологов в Сочи в 2018 г. в качестве рекомендуемого к применению документа, фактически не может применяться при проведении экспертных исследований.

Закономерно, что ученые и практики, высоквалифицированные представители экспертного сообщества, критически оценили характерные особенности Межведомственной методики, что уже нашло свое отражение в обсуждении ее положений в ходе Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (Москва, МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2019 г.), Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе «Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений» (Москва, ЭКЦ МВД России, 2019 г., с участием представителей разработчиков Межведомственной методики)².

Подводя итоги по вопросам применения СПфЭ в предварительном и судебном следствии, можно констатировать кризисную ситуацию в данной области.

Не вызывает сомнений высказанное еще 20 лет назад Р.С. Белкиным суждение о допустимости применения полиграфа при производстве экспертизы и поддержка его позиции Ю.Г. Коруховым: «Экспертиза с применением полиграфа должна получить права гражданства в уголовном процессе как одна из разновидностей диагностических исследований <...> [и] если диагностирование осуществляется экспертом, итогом становится его заключение, имеющее значение доказательства по делу»³.

¹ Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа. М., 2018.

² Аверьянова Т.В., Майлис Н.П., Холодный Ю.И. О межведомственной методике производства психофизиологических экспертиз с применением полиграфа: Материалы VII Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М., 2019. С. 31–37.

³ Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: научно-практическое пособие. М., 1998. С. 279, 280.

Однако на данный момент существует лишь единственная апробированная ведомственная *Методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа ИК ФСБ России* (2009 г.), удовлетворяющая всем требованиям, предъявляемым к инструментарию для производства судебной экспертизы, по объективным и субъективным причинам не используемая широким кругом полиграфологов.

В связи со сложившейся ситуацией в области применения СПФЭ, для создания оптимальных условий развития перспективного метода криминалистической диагностики и его дальнейшего эффективного применения в правоприменительной практике необходимо разработать систему подготовки специалистов-полиграфологов с привлечением компетентных и опытных специалистов, применяющих научно обоснованные, эффективные и апробированные на практике методики.

Е.В. Васкэ

Психологическое сопровождение расследования уголовных дел: взаимодействие психолога и полиграфолога в комплексном подходе к интегративной оценке информации

Наше общество стремительно развивается и эволюционирует, осваивая новые прогрессивные технологии во всех областях знаний. К сожалению, растет и число правонарушителей, использующих не только более изощренные формы совершения преступлений, но и любые средства избегания наказания. Для того, чтобы бороться, необходимо знать, с кем и какими методами, в связи с чем работникам правоохранительных органов нужны четкие ориентиры, касающиеся психологии личности и поведения субъекта (обвиняемого, потерпевшего, свидетеля). Поэтому использование работниками правоохранительных органов профессиональных психологических знаний в самых разных аспектах правоохранительной деятельности трудно переоценить.

Как известно, принципиально важным и чрезвычайно значимым вариантом использования профессиональных психологических знаний в уголовном процессе является назначение судебно-психологических либо комплексных экспертиз с участием эксперта-психолога (психолого-психиатрических, психолого-лингвистических, сексолого-психолого-психиатрических и др.). При этом использование психологических знаний в уголовном процессе не ограничивается экспертной

деятельностью, но психолог не часто привлекается в ходе расследования по уголовному делу в качестве специалиста и неоправданно редко — для оказания консультативной помощи работникам правоохранительных органов.

В то время как *психологическое сопровождение расследования* есть не что иное, как интеграция психологических знаний в процесс расследования преступлений, осуществляемая в процессуальной и внепроцессуальной форме, имеющая междисциплинарный характер и определяющаяся синтезом юридической и психологической наук. Психологическое сопровождение расследования может осуществлять как психолог — сотрудник правоохранительных органов, так и психолог, привлеченный к конкретному виду деятельности на определенных условиях (договорных, оказания безвозмездных услуг и проч.).

При этом выполнение функциональных (должностных) обязанностей по работе с сотрудниками (психодиагностика на предмет отбора и ротации кадров, психокоррекция, психопрофилактика и т. п.) психологом не имеет отношения к рассматриваемой теме. Выполнение психологом функций эксперта или участие его как процессуальной фигуры при проведении отдельных следственных действий (например, в соответствии со ст. 425 УПК РФ) также не означает собственно психологического сопровождения расследования.

При психологическом сопровождении расследования речь идет об использовании профессиональных психологических знаний при привлечении психолога в качестве консультанта и (или) специалиста к процессу расследования на разных этапах его проведения. Так, важную роль в минимизации рисков уголовно-процессуальной деятельности следователя играет *консультативная деятельность психолога*, которая по формам реализации может осуществляться в виде внепроцессуальной деятельности консультанта-психолога: выезд на место происшествия, участие в оперативных совещаниях, профессиональное общение с заподозренными, подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями, потерпевшими¹.

Как показывает практика, необходимым условием эффективности данной деятельности является наличие у психолога специализации по юридической психологии. Данный факт легко объясним: отсутствие у психолога — специалиста в области возрастной, педагогической, со-

¹ Васкэ Е. В., Загрядская Е. А. Использование профессиональных психологических знаний в уголовно-процессуальной деятельности следователя как средство снижения рисков принятия неправильных (ошибочных) решений // Российский следователь. 2015. № 2. С. 43–48.

циальной психологии и др., специфических знаний, касающихся психологии раскрытия и расследования преступления, психологии проведения отдельных следственных действий, психологии виктимного и преступного поведения и т. д., существенно ограничивает возможность оказания им действенной помощи следствию.

Так, например, обращение следователя к психологу за консультативной помощью по использованию тех или иных тактико-психологических приемов допроса и/или прогноза дальнейших действий допрашиваемого, исходя из особенностей его личности, может оказаться безрезультатным вследствие отсутствия у специалиста специальных познаний в области юридической психологии. Кроме того, известно множество случаев, когда психологические портреты неизвестного преступника, выполненные специалистами в области педагогической или социальной психологии, не имеют розыскного значения, являясь весьма общими и расплывчатыми.

Вместе с тем, одной из составляющих психологического сопровождения расследования является *составление психологического портрета* (психологического профиля) неизвестного преступника, совершившего преступление в условиях неочевидности (так называемый «криминальный профайлинг»). Причем практическую ценность имеет психологический портрет неизвестного преступника, имеющий розыскное значение, составленный на основе психолого-криминалистического анализа материальных и идеальных следов, включающий не просто описание индивидуально-психологических особенностей преступника, а конкретные ориентиры для его дальнейшего поиска и задержания.

Как показывает практика, работникам правоохранительных органов при расследовании особо тяжких преступлений бывает очень трудно понять логику преступника, следовательно, и установить мотив преступления по характеру телесных повреждений у жертвы, форме различных манипуляций с ее телом, одеждой, вещами. Нередки случаи, когда подобные преступления ошибочно принимаются за «безмотивные», хотя таковых, как известно, нет — преступная деятельность всегда является полимотивационной, обусловленной совокупностью осознанных и неосознаваемых мотивов¹.

Понятие мотива в уголовном праве и юридической психологии не совпадает, поэтому выявление мотивов преступного поведения в соб-

¹ Васкэ Е.В., Толстоуцкий В.Ю. Методологические основы комплексного корреляционно-смыслового подхода к составлению розыскного профиля неизвестного преступника // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 166–173.

ственно психологическом контексте является крайне сложной задачей для работников следственных органов. Психологическая же интерпретация психологом материальных и идеальных следов преступления с анализом способа действия (*modus operandi*), поведенческих индикаторов (*signature*) и почерка преступника, выявление мотивации его преступного действия с установлением осознанных и неосознаваемых потребностей и побуждений, детерминирующих процесс достижения цели, позволяет воссоздать образ преступника и произвести прогноз его действий, необходимый для поиска и задержания¹.

Применительно к правоохранительной деятельности *профайлинг* (*profile*) может иметь разные цели — от предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциальной опасности лиц и ситуаций до оценки достоверности сообщаемой субъектом информации по внешним поведенческим признакам, вербальным и невербальным проявлениям².

Профайлинг (англ. *«profile»* — профиль) — совокупность психологических методов оценки и прогнозирования поведения человека на основе анализа наиболее информативных признаков.

Как показывает практика, особые трудности у работников правоохранительных органов возникают *при получении уголовно-релевантных сведений* (показаний от малолетних потерпевших, когда материальные следы содеянного отсутствуют и основной объем информационной базы находится в сведениях, предъявляемых самим ребенком).

Кроме того, участились случаи, когда законные представители ребенка (как правило, матери), исходя из различных мотиваций, активно препятствуют расследованию, побуждая, а иногда и понуждая ребенка — жертву сексуального насилия (чаще incestуальной связи) «признаться» в оговоре, будучи абсолютно уверенными в том, что насилие было.

Например, психологическое сопровождение расследования по уголовному делу №... по обвинению К.А. Н. по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ст. 132 УК

¹ Васькэ Е.В., Сафуанов Ф.С. Психологическое сопровождение расследования серийных сексуальных преступлений // Юридическая психология. 2013. № 1. С. 12–26.

² Васькэ Е.В. Криминалистическое значение психологического профилирования: Психолого-педагогические технологии в правоохранительной деятельности: (Васильевские чтения — 2013): Материалы всероссийской научно-практической конференции. В 2 ч. СПб., 2013. Ч. 1. С. 76–83.

РФ, осуществлялось более полугода — с периода проведения доследственной проверки до судебного следствия. Спустя три дня после подачи К. заявления о совершении ее мужем в отношении ее двенадцатилетней дочери М. сексуального насилия, К. написала заявление о том, что ее дочь оговорила ее супруга. Более того, К. оплатила услуги адвоката, который должен был защищать ее интересы как законного представителя дочери. В период проведения всех следственных действий, а в дальнейшем, и в судебном заседании, несовершеннолетняя потерпевшая, находясь под мощным суггестивным влиянием со стороны своей матери, настойчиво говорила о том, что она «оболгала отца, потому что его не любила», транслируя одни и те же речевые конструкции. Мать девочки К. настаивала на том, что дочь оговорила ее мужа, выдвигая все новые и новые версии его поведения и мотивы «оговора» ребенком.

Растет и число так называемых «мнимых» потерпевших — несовершеннолетних, оговаривающих своих реальных или вымышленных половых партнеров, исходя из различных мотиваций (мести, отмщения, страха наказания, получения собственно материальной выгоды и т. д.). С учетом значительного числа преступных посягательств на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних сотрудникам следственных органов бывает крайне сложно отличить ложь от правды, оговор от уголовно-релевантных сведений, тем более когда оба фигуранта — несовершеннолетние.

Например, К., 17 лет, предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ. Законным представителем несовершеннолетней потерпевшей А., 16-ти лет, выступала ее мать, которая утверждала, что ее дочь была изнасилована К. в его квартире. Обвиняемый К. вину в содеянном категорически отрицал, утверждая, что вступил в половой контакт с А. по обоюдному желанию, т. к. «они познакомились на дискотеке и понравились друг другу», половой контакт, причем не первый, состоялся в квартире А. около 14 часов, когда мать А. неожиданно пришла с работы и «все увидела». В ходе предварительного расследования было установлено, что мать потерпевшей А. сразу стала обвинять К. в изнасиловании ее дочери и требовать с него и его родителей деньги в сумме один миллион рублей «как компенсацию за поруганную честь и достоинство дочери». Потерпевшая А. в ходе проведения следственных действий вела себя крайне скованно, на вопросы отвечала односложно. В ходе профессионального общения с психологом, осуществляющим психологическое сопровождение расследования, девочка пояснила, что половой акт с К. был добровольным и для нее не первым, более того, она испытывает теплые чувства к К., хочет продолжать с ним встречаться. В вопросах сексуальных отношений полностью осведомлена, ранее имела сексуальные отношения с мужчинами, но мать об этом не знала. Действия матери расценивает как вымогательство, от-

носится к ее поведению негативно, но «сделать ничего не может, потому что при-
выкла делать все так, как она скажет».

При этом все чаще встречаются случаи, когда устойчивая «обвинительная» позиция оговора у несовершеннолетней старшей возрастной группы сформирована вне влияния взрослых лиц из числа ее ближайшего окружения.

Например, Д., 17 лет, страдающая легкой умственной отсталостью (олигофрения в степени легкой дебильности), находясь в состоянии алкогольного опьянения, на дискотеке со своей двоюродной сестрой и ее другом, вступила в конфликт с охранниками клуба, которые для его разрешения были вынуждены вызвать работников полиции. Но и с ними Д. вела себя крайне агрессивно, вследствие чего была доставлена в дежурную часть районного отделения полиции, где находилась несколько часов. По выходу из полиции, Д. решила отомстить полицейским за ее задержание, о чем открыто им сказала («Вы сидите у меня за изнасилование!») и написала заявление об ее изнасиловании данными лицами. В ходе проверки сообщения о преступлении, несовершеннолетней Д. и двум полицейским было предложено пройти психофизиологическое обследование, от которого Д. категорически отказалась. Специалистом-психологом, осуществляющим психологическое сопровождение проверки, профессиональное общение было осуществлено как с Д., так с каждым из полицейских. В соответствии с п. 2 ст. 148 УПК РФ в возбуждении уголовного дела отказано, а несовершеннолетней Д. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 306 УК РФ.

В этой связи, необходимо сказать о такой области применения профессиональных психологических знаний, как *визуальная психодиагностика личности по внешним поведенческим признакам*, так называемой «неинструментальной детекции лжи». Однако популяризация в СМИ «неинструментальной детекции лжи» или «профайлинга», способствующая формированию сугубо обывательских представлений о деятельности «профайлера», не имеет ничего общего с профессиональной деятельностью психолога по психологическому сопровождению расследования преступлений. Поясним вышесказанное.

Во-первых, психолог, привлеченный к расследованию, независимо от объема имеющейся информации, изначально должен провести психологический анализ материалов уголовного дела (доследственной проверки), чтобы с профессиональной точки зрения (насколько возможно это сделать на данном этапе) воссоздать картину преступления. Во-вторых, получение первичной информации должно осуществляться психологом с использованием правомерных психотехник (психологических методов) в ходе взаимодействия с различными субъектами уголовного процесса, исходя из особенностей личности и конкретной

ситуации. В-третьих, коммуникативная деятельность с включением визуальной диагностики личности по внешним поведенческим признакам должна осуществляться психологом в разном формате с закономерным выходом на психологическую мотивацию действий (бездействия) субъекта, как в юридически значимых ситуациях, так и в процессе профессионального общения («в режиме офлайн»).

Данная деятельность психолога сложна в своей неоднозначности, будучи направленной на сопоставление уголовно-релевантной информации с результатами проведенного психологического анализа материалов дела, соотнесения полученных от одних субъектов сведений с психологически значимыми признаками искажений транслируемой информации от других, наличия или отсутствия в поведенческих проявлениях третьих манипуляций и инсценировок, направленных на введение специалиста в заблуждение и т. д. Поэтому выводы психолога носят исключительно предположительный характер, фиксируясь в виде справки или консультативного заключения по результатам психологического анализа, проведенного в режиме непосредственного профессионального общения и/или по представленной следствием (судом) информации на технических носителях (например, видеозаписи следственных действий).

Констатация достоверности показаний (правдивости) относится исключительно к компетенции судебно-следственных органов, установление достоверности показаний («психологической достоверности показаний») путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психолого-психиатрической, какой-либо иной) на строго научной основе невозможно¹.

То же касается и деятельности «профайлера» по визуальной диагностике личности и поведения субъекта («неинструментальной детекции лжи») — *психолог не вправе констатировать достоверность* (правдивость, истинность) сведений, полученных от испытуемого. Аналогичная ситуация складывается и с результатами так называемой «инструментальной детекции лжи» — психофизиологического исследования «на Полиграфе», которое проводит специалист («полиграфолог»). Причем, независимо от того, в рамках процессуальной деятельности специалиста (ст. 58 УПК РФ) выполняется исследование или внепроцессуальной — консультанта.

¹ Смирнова С.А. и др. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы»//Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (343). С. 64–73.

Нельзя забывать и о том, что в отличие от деятельности психолога по визуальной диагностике внешних поведенческих проявлений субъекта (речевых и невербальных), относительно свободной от жестких рамок, на проведение психофизиологического исследования существует множество ограничений, связанных с возрастом испытуемого, его соматическим и функциональным состоянием, языковой принадлежностью и т. д. Тем не менее, использование и психологических, и психофизиологических методов исследования в ходе расследования преступлений может принести весьма ощутимые, а нередко и сверхзначимые результаты в виде получения следствием оперативной, ориентирующей информации.

Так, например, совершено убийство четырехлетнего ребенка и сожжение его трупа в печи с целью сокрытия следов преступления. В совершении данного преступления подозревались мать погибшего ребенка — Ф-а С. М., 1987 года рождения и ее знакомый А-в В. И., 1959 года рождения, которые категорически не признавали свою вину в содеянном, утверждая, что в ходе распития спиртного они уснули, поэтому не знают, кто убил ребенка и сжег его в печи. В тот же день, в ... межрайонный следственный отдел выехали полиграфолог и психолог, осуществляющий психологическое сопровождение расследования данного преступления. Подозреваемые являлись лицами, злоупотребляющими алкоголем, в связи с чем, проведение исследования на полиграфе было осложнено, а полученные результаты свидетельствовали о не владении каждым из них информацией о деле. В ходе проведения психодиагностических бесед с использованием психологических методов взаимодействия с испытуемым, сначала А-в В. И., а затем и Ф-на С. М. дали психологу уголовно-релевантную информацию по ситуации, составляющей основу дела, что позволило в полном объеме воссоздать картину преступления и механизм его совершения. При допросе в качестве обвиняемого А-в В. И. дал признательные показания. Ф-на С. М. пыталась переложить ответственность за содеянное на А-ва В. И., признав вину только в сожжении трупа своего малолетнего сына. Обвиняемые А-в В. И. и Ф-на С. М. осуждены, отбывают наказание.

Многолетний опыт работы автора по психологическому сопровождению расследования особо тяжких преступлений позволяет утверждать, что *совместная работа психолога с полиграфологом* в части получения оперативной, ориентирующей информации дает очень хорошие результаты. Так, специалисты разных областей знаний анализируют исходную информацию (материалы уголовного дела или доследственной проверки), запрашивая у следователя дополнительные сведения; определяют этапы проведения исследований, исходя из предварительной оценки (экспресс-диагностики психологом) личности испытуемого

го и его поведения в юридически значимых ситуациях. В тех случаях, когда проведение исследования с использованием психологических и психофизиологических методов необходимо нескольким фигурантам уголовного дела, специалисты проводят их параллельно, по ходу исследования обмениваясь мнениями и планируя свои дальнейшие действия. По окончании исследований выводы специалистов оформляются в виде заключений специалиста или консультативной справки.

Например, в рамках расследования уголовного дела была осуществлена совместная деятельность психолога и полиграфолога в отношении А-ва Р. Р. и В-го А. В., направленная на получение максимально полных сведений по ситуации убийства Г-й Т.П. Оба фигуранта, являясь подозреваемыми по уголовному делу, неоднократно меняли свои показания, то признавая вину в содеянном, то перекладывая ответственность друг на друга. Специалисты (психолог и полиграфолог) работали совместно с обоими подозреваемыми, по ходу исследования делая ситуационно-обусловленные перерывы для обмена мнениями и выработки дальнейших стратегий получения от А-ва Р. Р. и В-го А. В. максимально полных сведений. Результаты, полученные с использованием специальных познаний каждым из специалистов, показали идентичные результаты: поведенческое реагирование А-ва Р. Р. при предъявлении им противоречивых сведений было обусловлено стремлением ввести специалистов в заблуждение относительно действительно происшедших событий; психологическая мотивация В-го А. В. при предъявлении им противоречивых сведений в части принятия вины за содеянное на себя, включала мотивы самооговора. В ходе предварительного следствия вина А-ва Р. Р. была полностью доказана, он осужден и отбывает наказание.

Как указывалось выше, полученные каждым из специалистов результаты оформляются в виде заключения или справки, что ни в коей мере не умаляет значимость полученных сведений. Как известно, уголовно-релевантная информация может быть получена в результате аналитической деятельности специалиста (консультанта) при работе с документами (материалами дела или проверки) и с людьми как потенциальными ее носителями. Основной же сложностью как раз и является получение той самой уголовно-релевантной информации с дальнейшим ее представлением работникам правоохранительных органов в обоснованном, адаптированном для восприятия варианте.

В данном случае речь идет о взаимодействии двух специалистов (психолога и полиграфолога) при получении ими оперативной, ориентирующей информации, не имеющей доказательственного значения, которая как любая другая нуждается в проверке и перепроверке следственным путем. Поскольку процесс получения указанной уголовно-релевантной информации осуществляется с использованием прин-

ципиально разных методов исследования одновременно двумя специалистами, по общему разработанному плану на основе проделанной аналитической работы каждым из них, с учетом ситуационных переменных и возможности смены стратегии поведения участников коммуникативного процесса, постольку можно говорить о комплексном подходе к интегративной оценке информации.

Приведем пример. В ходе расследования преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ, совершенного в условиях неочевидности, для проведения психофизиологического, наряду с другими свидетелями по уголовному делу, направлен потерпевший К. — студент второго курса ВУЗа, мать и отчим которого убиты. Специалисту, осуществляющему психологическое сопровождение данного уголовного дела, также было необходимо провести психодиагностическую беседу со свидетелями и потерпевшим К. на предмет получения максимально большого объема уголовно-релевантной информации. Для оптимизации процесса получения информации в условиях лимита времени психологом и полиграфологом было принято решение о совместной деятельности, направленной на достижение максимального результата. Осуществляя комплексный подход к интегративной оценке информации, специалистами произведен обмен мнениями по результатам психолого-криминалистического анализа материалов уголовного дела, определены этапы совместной деятельности, в том числе, в части взаимодействия с испытуемыми — свидетелями и потерпевшим. По результатам аналитической работы с массивом информации полученной из материалов дела и от свидетелей, создана предположительная картина преступления. В ходе профессионального общения психологический контакт с потерпевшим был установлен, в связи с чем, на косвенные вопросы психолога К. отвечал охотно. По мере получения разноплановой информации от К., по заранее разработанному плану в процесс профессионального общения активно включался полиграфолог. При достижении промежуточных целей взаимодействия с потерпевшим в части получения от него массива информации, достаточного для предположительных выводов об его личности и мотивации поведения в юридически значимых ситуациях, К. был приглашен для проведения психофизиологического исследования. Результаты от совместной деятельности специалистов и применения каждым из них определенных методов исследования (психологических и психофизиологических), позволили произвести интегративную оценку информации, на основе которой реконструировать поведение преступников в юридически значимых ситуациях, определить психологические мотивации их действий, сделав обоснованный вывод о механизме совершения преступления и личности преступников. Полученная уголовно-релевантная информация, имеющая сверхзначимый характер для планирования дальнейших мероприятий в ходе расследования, была предоставлена в распоряжение сотрудников следственных органов на оперативном совещании, где психолог дал про-

гноз дальнейших действий К. и рекомендации по дальнейшему взаимодействию с различными субъектами уголовного процесса, включая К. В ходе расследования уголовного дела уголовно-релевантная информация оперативного характера, представленная специалистами, в полном объеме подтвердилась следственным путем, как и прогноз поведения потерпевшего К. В дальнейшем, как обвиняемый К., так и обвиняемый Л. (лучший друг и сексуальный партнер К.) дали признательные показания, в деталях изложив все особенности предкриминальной, криминальной и посткриминальной ситуаций. Предположительные выводы специалистов психолога и полиграфолога, сделанные по результатам совместной деятельности в рамках комплексного подхода к интегративной оценке информации, в полном объеме были подтверждены следственным путем: преступление носило корыстно-насильственный характер; совершено с особой жестокостью и особым цинизмом; тщательно спланировано и до мельчайших деталей подготовлено К.; как и предположил психолог, именно К. наносил своей матери тяжкие телесные повреждения (множественные удары ножом в область грудной клетки) и смертельные ранения («пилил» шею), глядя ей в глаза, в то время, как его поделец — сексуальный партнер и лучший друг Л. убивал отчима К. Обвиняемые вину в содеянном признали полностью, осуждены, отбывают наказание.

Таким образом, **комплексный подход к интегративной оценке информации при взаимодействии психолога и полиграфолога** включает использование психологических и психофизиологических методов исследования при получении уголовно-релевантных сведений, и осуществляется в несколько этапов.

Первый этап — это создание предположительной картины преступления на основе проведенного каждым из специалистов психологического, психолого-криминалистического и/или криминалистического анализа представленных ему материалов уголовного дела (доследственной проверки).

Второй этап — производится обсуждение данных, полученных при проведенном анализе каждым из специалистов; осуществляется обмен мнениями и уточнение деталей происшедшего через запрос у следователя необходимых устных сведений или документов; разрабатывается план осуществления первоначальных коммуникаций при профессиональном общении с испытуемым.

Третий этап — собственно коммуникативный процесс, осуществляемый специалистами с испытуемым, который может проводиться и в кабинете психолога, и в кабинете полиграфолога (в ходе предтестовой беседы).

Четвертый этап — полиграфолог проводит психофизиологическое обследование, а психолог обрабатывает полученные результаты.

Пятый этап — заключительный, включает обмен мнениями специалистов по интегративной оценке информации, полученной по совокупности результатов аналитической работы с материалами дела и профессионального общения с испытуемым (испытуемыми).

Основываясь на многолетнем опыте автора по осуществлению данной профессиональной деятельности в ходе психологического сопровождения расследования уголовных дел, можно констатировать: минусы в комплексном подходе к интегративной оценке информации, основанном на взаимодействии психолога и полиграфолога, при условии профессионализма у каждого из специалистов, отсутствуют¹.

Преимущества данного комплексного подхода при взаимодействии психолога и полиграфолога можно обобщить следующим образом:

1) два специалиста интерпретируют одну и ту же уголовно-релевантную информацию, полученную из материалов дела, на основе имеющихся у них профессиональных знаний, с дальнейшим обсуждением предположительной картины преступления и действиями (бездействием) конкретных лиц;

2) одновременное взаимодействие двух специалистов с носителем информации в режиме офлайн позволяет получить большой объем разноплановых сведений в разном формате;

3) совместная коммуникативная деятельность двух специалистов в случае необходимости дает возможность оперативного переключения психологом фокуса внимания испытуемого и/или коррекции его эмоционального состояния;

4) при участии в коммуникативном процессе нескольких человек (защитника, родственника испытуемого), как минимум у одного из специалистов остается возможность охвата вниманием всех участников общения, в том числе для выявления влияния извне на испытуемого;

5) осуществление профессионального общения психолога и полиграфолога с испытуемым раскрывает новые информационные пространства в части оценки личности испытуемого, предоставляя возможность полиграфологу в формулировании более четких вопросов, исходя из нового для него объема информации;

6) картина преступления воссоздается, исходя из психолого-криминалистического анализа, проведенного специалистами разных областей знаний до и после профессионального общения с носителями

¹ Согласие испытуемого на профессиональное общение одновременно с двумя специалистами, как правило, дается им без колебаний.

уголовно-релевантных сведений и друг с другом в формате обмена мнениями при интегративной оценке информации.

Таким образом, в отличие от изолированной деятельности психолога, осуществляющего психологическое сопровождение расследования, и полиграфолога, производящего психофизиологическое исследование, комплексный подход к интегративной оценке информации при взаимодействии данных специалистов является наиболее действенным, раскрывая возможности получения сверхзначимой, нередко ключевой информации, которая имеет оперативный, ориентирующий характер, что ни в коей мере не умаляет ее значения для решения основной задачи — повышения эффективности расследования.

А.Н. Гусев, Я.А. Бондаренко

О возможностях использования технологии многоуровневого анализа голоса LVA в комплексном полиграфическом исследовании

С ростом надежности и доступности новых компьютерных технологий в практике проведения психологической экспертизы аудио- и видео материалов, на наш взгляд целесообразно обратить внимание на преимущества использования компьютерных средств оценивания поведения человека, особенно тех инструментов, которые реализуют бесконтактные методы диагностики психоэмоционального состояния человека, достоверности/недостоверности предоставляемой им информации¹.

Психологическая экспертиза голоса человека по аудио- и видеозаписям преимущественно реализуется методом наблюдения. Реже — с использованием программно-аппаратных средств анализа частотных и амплитудных характеристик голосового сигнала. Из этого следует, что, с одной стороны, *наблюдение* — это процедура сбора непосредственно воспринимаемых экспертом данных, а, с другой стороны, выбор способа их фиксации и схемы интерпретации наблюдаемых событий в соответствии с целью экспертного исследования. К наиболее часто

¹ Гусев А.Н., Енгальчев В.Ф., Захарова Н.А. Современные тренды в использовании программно-аппаратных средств при оценке психоэмоционального состояния человека / Аппаратные средства в психологической подготовке; под ред. А.Г. Караяни, С.И. Данилова. М., 2018. С. 110—117.

встречающимся трудностям, в целом снижающим надежность экспертного заключения и его обоснованность, можно отнести то, что метод наблюдения, во-первых, является довольно трудоемким, во-вторых, традиционно исследователь одновременно наблюдает за поведением, записывает свои наблюдения и отмечает время наступивших событий (что не может не влиять на качество наблюдения), в-третьих, как правило, нет интеграции с другими технологиями анализа голосового поведения человека. Очевидно, что последнее не позволяет применять комплексный подход к анализу различных поведенческих реакций исследуемого лица, например, данных полиграфического исследования.

Использование современных компьютерных систем в профессиональной деятельности эксперта, позволяющих в ходе проведения экспертизы изучать изменения содержания речи и вокальных характеристик голоса человека, интегрировать его различные поведенческие проявления и анализировать их комплексно — это скорее исключение, чем правило. До сих пор мало кто из специалистов знает о системах The Observer XT, Elan, Anvil, Interact (<https://www.noldus.com/observer-xt>, <https://archive.mpi.nl/tla/elan>, <https://www.anvil-software.org>, <https://www.mangold-international.com/>), которые можно использовать для кодирования различных поведенческих событий, сопоставлять их на одной временной оси для детального анализа и выделения специфических паттернов поведения, характерных исследуемой ситуации.

Технология многоуровневого анализа голоса. После краткого введения, являющегося скорее обозначением проблемной области наших интересов при исследовании поведения человека в ходе психолого-криминалистической или судебно-психологической экспертизы, обратимся к перспективам использования еще мало известной психологам и криминалистам компьютерной системы LVA-i (*Layered Voice Analysis*, многоуровневый анализ голоса), разработанной компанией Nemesysco (Израиль) для оценки тонких изменений в голосе исследуемого лица на предмет обнаружения в нем объективных признаков неискренности и различных проявлений эмоционального напряжения и когнитивного стресса¹.

Суть этого метода состоит в том, что если в голосе респондента повторяются некоторые показатели эмоционального или когнитивного стресса, то это свидетельствует о риске того, что говорящий испыты-

¹ Elkins A.C., Burgoon J., Nunamaker J. Vocal Analysis Software for Security Screening: Validity and Deception Detection Potential // Homeland Security Affairs. 2012. V. 8. P. 17–32; ManchiReddy, G., Priya Nallan, K., Reddy Kantu, A., & Manjunath, G. A Novel Technique to Protect Wireless Network against accidental Association // International Journal of Computer Applications. 2012. V. 44. N. 16. P. 22–25.

вает дискомфорт, его функциональное состояние отличается от нормы (базовой линии), он взволнован, огорчен, затрудняется ответить на вопрос, переживает по этому поводу, пытается скрыть какую-то эмоциональную информацию.

Крайне важной особенностью этого метода является то, что результаты анализа голоса не зависят от содержания речи респондента и языка, на котором он говорит, они отражают его эмоциональное состояние во время речевого сообщения с учетом тонкой динамики индивидуальных особенностей его голоса — темпа, громкости, тембра. Не менее важно и другое — это оценка произвольно неконтролируемых изменений в голосе, наблюдающихся на очень коротких интервалах времени (5–7 мс). Практически такие быстрые колебания голосового сигнала не способен воспринять на слух никакой эксперт-фонолог, безусловно, здесь компьютер работает лучше человека.

Технология LVA подтверждена целым рядом патентов (см. например, патент США US6638217 или патент РФ RU2294023) и в последние годы получила в разных странах широкое распространение при решении разных задач: экспресс диагностика неискренности, оценка кадровых рисков, оценка рисков финансовых организаций, мониторинг эффективности работы операторов коллцентров и др.¹, а также сведения на сайте компании Nemesysco — <http://nemesysco.com/research-2>). В Российской Федерации научными исследованиями с использованием данной технологии, ее адаптацией и разработкой новых компьютерных приложений занимается Лаборатория исследования поведения компании «Лицом к лицу» (научный руководитель — один из авторов настоящей статьи, профессор А.Н. Гусев).

В основе технологии LVA лежит идея анализа изменений частотных и амплитудных параметров голосового сигнала во времени. На *рис. 1а и 1б* показано, что в процессе компьютерного анализа голосового сигнала выделяются микро изменения в виде пиков (thorn) и плато (plateau), а также ряда оценок спектральных и амплитудных характеристик сигнала — всего 151 показатель. Микро изменениям соответствуют временные отрезки 5–7 миллисекунд. По изменению этих показателей производится сегментация голосового сигнала, оцениваются различные статистические индексы. В свою очередь, изменения эмоционального и когнитивного напряжения оцениваются по ряду обобщенных показателей (*табл. 1*).

¹ Гусев А.Н. Анализ голоса в обеспечении безопасности финансовых организаций: использование технологии LVA // Внутренний контроль в кредитной организации. 2019. Т. 41. № 1. С. 82–93.

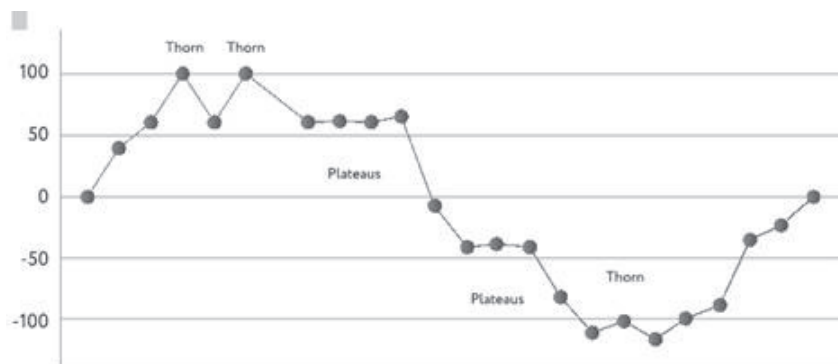

Рис. 1. Выделение пиков (Thorn) и плато (Plateaus) в звуковом сигнале. По оси ординат — амплитуда сигнала единицах аналого-цифрового преобразователя, по оси абсцисс — временная ось, масштаб которой зависит от частоты дискретизации аналогового сигнала. (Рисунок приводится с разрешения компании Nemesysco и в соответствии с указанными выше патентами)

Таблица 1

Основные обобщенные показатели LVA, рассчитываемые в рамках анализа одного сегмента записи

Название показателя	Физический смысл показателя	Функциональное значение показателя
SPT	Количество пиков.	Уровень эмоционального компонента стресса.
SPJ	Количество участков плато.	Уровень когнитивного компонента стресса.
JQ	Стандартное отклонение длительности участков плато.	Общий уровень стресса.
AVJ	Средняя длительность участков плато.	Общий уровень мыслительной нагрузки.
FMAIN	Частота основного тона голоса.	Уровень концентрации на теме.
FX	Представленность значимых пиков в частотном спектре сигнала, его разнообразие.	Показатель лжи.
FQ	Однообразие или уплощенность частотного спектра, отсутствие в нем выраженных пиков.	Показатель лжи.
FFLIC	Вариативности частотного спектра.	Смущение и внутренние конфликты.

К сожалению, кроме индекса FMAIN мы не имеем не только точного, но даже приблизительного представления о физическом смысле трех последних (частотных) показателей LVA. В доступной нам литературе (см. цитированные ниже работы) мы не нашли сколько-нибудь подробного их описания, как и ряда других важнейших показателей (например, SOS, Anticipation, ExtremeEmotion, Energy, BrainPower).

В последние годы в связи с доступностью для широкого круга исследователей и практиков современных цифровых технологий анализа сигналов практически в реальном масштабе времени их внимание все чаще обращается к разработке компьютерных диагностических систем, позволяющих оценивать важные индивидуально-психологические характеристики человека по голосу.

Весьма объективная оценка данной технологии в сравнении с другими компьютерными технологиями анализа эмоционального поведения человека и с учетом ее распространенности в мире представлена в аналитическом отчете «Competitive Landscape: Emotion AI Technologies» известной компании Gartner Research (<https://www.gartner.com/en/documents/3883063/competitive-landscape-emotion-ai-technologies-worldwide->).

С точки зрения представлений современной нейронауки, психофизиологии и нейропсихологии о механизмах регуляции движений, на наш взгляд, метод многоуровневого анализа голоса может быть понят следующим образом. *Процесс порождения голоса* (как внешнего выражения речи) непосредственно связан с мозговой регуляцией последовательной моторной активности определенных мышц, вызывающих звуковые колебания, например, мышц гортани, мышц, осуществляющих движения языка, губ. В соответствии с результатами фундаментальных исследований выдающегося отечественного физиолога Н.А. Бернштейна регуляция активности мышц, обеспечивающая в том числе и процесс речепорождения, имеет многоуровневую и иерархическую структуру. В этот процесс включены разные уровни регуляции движений — от поддержания фонового тонуса мышц (автоматического и произвольно неконтролируемого процесса) до уровня произвольной смысловой регуляции движений соответствующих мышц (Бернштейн, 1966).

Естественно, в непрерывный процесс порождения звуков речи включается целый ряд когнитивных механизмов, механизмов эмоциональной регуляции деятельности, процессов антиципации. Вклад каждого уровня регуляции и их совокупный вклад отражаются в специфическом паттерне напряжения/расслабления мышц голосового аппарата,

которые, в свою очередь, находят отражение в изменении амплитудных и частотных характеристик голосового сигнала как прямое следствие динамики мышечной активности. Современные исследования в области изучения мозговых механизмов, связанных с представленностью в речи ее нелингвистических компонентов и отражающих ее эмоциональное содержание (*emotional prosody*), также подтверждают высказанное выше положение¹. Так, в цитируемой работе Д. Грандье выделяются разные уровни мозговой регуляции эмоциональной просодии, включающие пять базовых нейронных систем, связанных с восприятием речи, ее звуковой организацией, стилями вокализации. Представленные выше соображения позволяют нам утверждать, что как в классической физиологии активности, так и в современной нейронауке присутствует весьма consistente понимание того, что в голосовом сигнале находят свое отражения различные механизмы порождения голосовой активности.

Кроме того, отметим, что в современной литературе представлены весьма надежные данные об отражении в физических характеристиках голосового сигнала различных индивидуально-психологических особенностей человека, когнитивной нагрузки и изменения его эмоционального состояния². Такое практико-ориентированное направление в исследованиях поведения, как анализ стресса по голосу (*Voice Stress Analysis*), становится все более популярным (см.: Puyvelde et al., 2018).

Таким образом, отвечая на вопрос, почему в микро изменениях голосового сигнала отражаются базовые регуляторные процессы речепорождения, мы должны заключить: потому, что голос отражает вокальный компонент этого сложного процесса. Например, в случае высокой когнитивной нагрузки при обсуждении с респондентом сложной и неоднозначной темы (например, вспомнить детали своего поведения в конфликтной ситуации и объяснить его мотивы) в его голосе

¹ Grandjean D. Brain Networks of Emotional Prosody Processing // *Emotional Review*. 2020; Alba-Ferrara L., Ellison A., Mitchell R.L.C. Decoding emotional prosody: resolving differences in functional neuroanatomy from fMRI and lesion studies using TMS // *Brain Stimulation*. 2012. V. 5. N. 3. P. 347–353.

² Van Puyvelde, M., Neyt, X., McGlone, F., & Pattyn, N. Voice stress analysis: a new framework for voice and effort in human performance // *Frontiers in psychology*. 2018. V. 9. P. 1994; Fletcher J. The prosody of speech: Timing and rhythm // *The handbook of phonetic sciences*. 2010. P. 521–602; Bänziger T., Patel S., Scherer K.R. The role of perceived voice and speech characteristics in vocal emotion communication // *Journal of nonverbal behavior*. — 2014. V. 38. N. 1. P. 31–52; Juslin P. N., Scherer K.R. Vocal Expression of Affect // Eds. Jinni Harrigan, Robert Rosenthal, Klaus R. Scherer, Klaus Scherer / *New Handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research*. Oxford University Press. 2005. P. 65–135.

закономерно появляются участки плато (индекс SPJ), а также изменения в структуре частотного спектра голоса (индексы FMAIN, FX, FFLIC). На рис. 2 и 3 представлены неопубликованные результаты нашего исследования изменений в голосе операторов коллцентра одного из крупнейших операторов мобильной связи России. На выборке более 450 телефонных звонков показано, что чем выше уровень проблемности разговора оператора коллцентра с позвонившим туда клиентом (оценен экспертом-супервизором по 6-балльной шкале), тем ниже показатель SPJ и тем выше интегральный показатель ExtremeEmotion (индекс эмоциональной напряженности).

Далее представим имеющиеся у нас данные о валидности и надежности использования технологии LVA как инструмента для повышения объективности и обоснованности результатов комплексного полиграфического исследования, включающего задачу

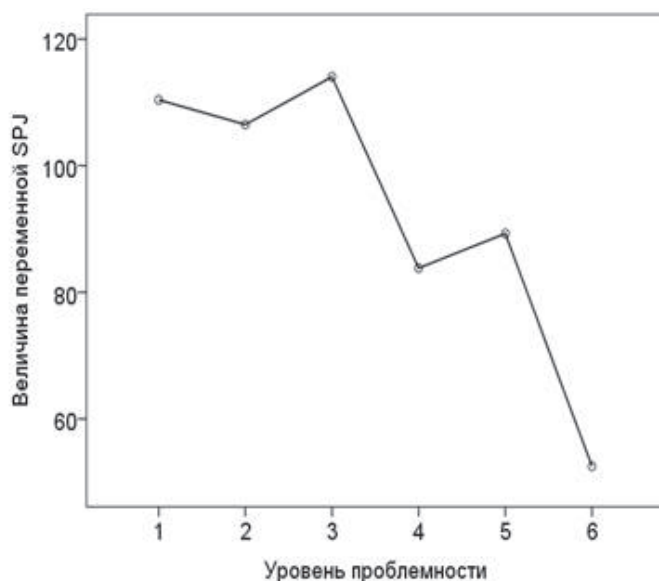

Рис. 2. Зависимость показателя SPJ в голосе оператора коллцентра от уровня проблемности во время его разговора с клиентом. Ось абсцисс — оценки уровня проблемности в разговоре (1 — все в порядке, вопрос решен, до 6 — все плохо, проблема не разрешена). Ось ординат — нормированные величины количества участков типа «плато» в выделенных сегментах голосового сигнала

оценки изменений в голосе обследуемого лица, зарегистрированного на аудио- или видеозаписи.

Соотнесение результатов, полученных с помощью метода LVA с результатами традиционного полиграфического исследования. Отме-

тим, что ряд прикладных исследований, посвященных возможности метода LVA обнаруживать факты сокрытия или искажения предоставляемой респондентом информации в сравнении с полиграфом, показал его весьма высокую эффективность. Ниже представлен краткий обзор результатов оценки данного метода известными экспертами-полиграфологами из разных стран (Венгрия, Израиль, Корея, Польша, США, Южная Африка и др.) в ходе проведения ими специальных эмпирических исследований, направленных на проверку его надежности как инструмента для выявления искренности/неискренности в ответах исследуемого лица и моментов сокрытия им важной информации.

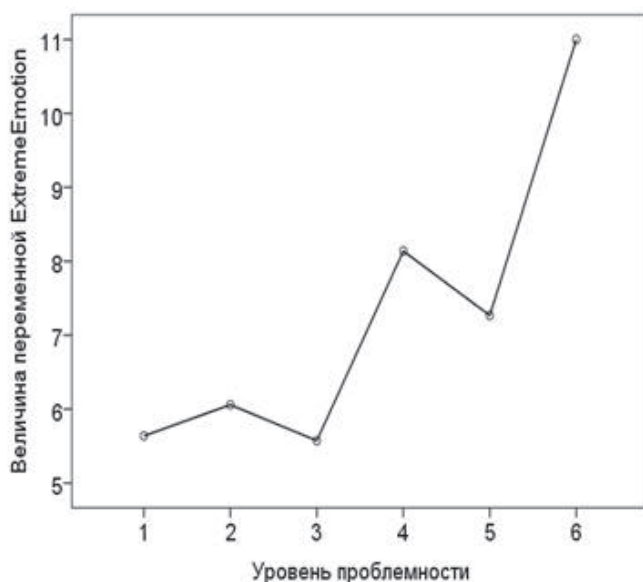

Рис. 3. Зависимость показателя ExtremeEmotion в голосе оператора колл-центра от уровня проблемности во время разговора с клиентом. Ось абсцисс — оценки уровня проблемности в разговоре (1 — все в порядке, вопрос решен, до 6 — все плохо, проблема не разрешена). Ось ординат — нормированные величины эмоциональной напряженности в выделенных сегментах голосового сигнала

В статье профессора Г. Ван Дамма — психолога-криминолога из Южной Африки, показана высокая эффективность технологии LVA как инструмента верификации лжи¹. Он заключил, что в его исследовании наблюдалась достаточная точность выявления неискренности в сравнении с полиграфом, она была высокой и более чем удовлетворительной — от 94 до 98% совпадений с заключениями полиграфолога. Систематическое изучение возможностей использования данного метода для выявления лжи и когнитивного напряжения было принято в диссертационном исследовании американского психолога А. Элкинса (Elkins, 2011). В ходе экспериментального исследования методом интервью, включавшего сообщение участникам исследования секретной информации и применением технологии виртуальной реальности (Embodied Conversational Agent) автор оценивал вокальные характеристики голоса респондентов с помощью разного программного обеспечения, в том числе LVA. Результаты показали высокую чувствительность по крайней мере двух обобщенных показателей LVA — FMAIN и AVJ, и одного интегрального показателя SOS (Say or Stop — сказать или промолчать) к разделению ответов 96 респондентов на ложные и правдивые. Результаты логистического регрессионного анализа предсказывали ложь с высокой точностью ($R^2 = 0,63$). Три других эксперимента также подтвердили эффективность использования обобщенных показателей LVA как предикторов когнитивного напряжения и попытки сообщить в ходе интервью недостоверную информацию (там же). Надежные результаты, свидетельствующие об отражении когнитивного стресса и лжи в показателях LVA, также получены в ходе другого диссертационного исследования².

Интересные результаты представили корейские криминологи, показавшие возможность использовать метод LVA в качестве «голосового детектора лжи»³. Авторы представили результаты анализа 38 кейсов из расследования Управления столичной полиции Сеула. Проводилось сравнение эффективности двух процедур: полиграфического исследования и метода LVA (ПО версии 6.50). Статистический анализ показал вы-

¹ *Van Damme G.* Forensic criminology and psychophysiology: Truth verification tools, with a special study of Truster Pro // *Crime Research in South Africa*. 2001. V. 2. N. 1. P. 1–22.

² *Tunnell D.L.* Voice frequency analysis of cognitive stress differences between men and women during an episodic deception task (Order No. 3546941) Available from ProQuest Dissertations & Theses Global. (1267146154), 2012.

³ *Lee Jae-Seok, Lee Tae, Lee Yun* A study on the utilization of «voice lie detector» // *Korean Journal of Polygraph*, 2010.

сокий уровень совпадения данных — 86,8%. Авторы сделали вывод о том, что метод LVA может играть роль важного вспомогательного средства, существенно дополняющего результаты полиграфического исследования.

Пристального внимания заслуживают материалы специального исследования американских коллег¹, которые явно указывают на то, что достоверность их выводов об эффективности использования технологии LVA была проверена экспертом полиграфологом и подтверждена материалами реальных судебных разбирательств. В их работе сообщается о том, что оба подозреваемых признали свою вину и были осуждены за убийство. Каждое из их 48 высказываний было проанализировано и сопоставлено с материалами дела. Система Vericator (ПО, разработанное на основе метода LVA) набрала 100% в определении стресса, проявления обмана и оценки вероятности лжи.

В ряде других публикаций исследователи сообщают об аналогичных результатах, подтверждающих эффективность использования технологии LVA в ходе комплексного полиграфического исследования².

Ряд исследований показали продуктивность анализа голоса с помощью данной технологии для выявления скрываемых намерений совершения преступлений на сексуальной почве. Так, в отчете М. Адлера сообщается, что показатели LVA позволяют обнаружить в ответах сексуальных преступников надежные знаки обмана³. Адлер проводил сравнение с полиграфом двойным слепым методом и обнаружил высокий уровень совпадения того и другого методов разделения ложных и правдивых высказываний преступников, а также отметил целый ряд преимуществ метода LVA в сравнении с полиграфическим исследованием. Профессором Г. Конради проведено интересное исследование реакции активации у педофилов⁴. В рамках исследовательского проекта «Стоп

¹ *Haddad D., Walter S., Ratley, R., & Smith M.* Investigation and evaluation of voice stress analysis technology (final report) // National Institute of Justice. 2002.

² *Pietruszka J.* A renaissance in voice analysers as tools for detection of deception? // *European Polygraph*. 2009. V. 7. N. 7. P. 33; *Palmatier J.J.* Assessing credibility: ADVA technology, voice and voice stress analysis // *Corporate Investigations*. 2005. P. 37–60; **Takács S., Liberman A., Benczúr L.** A Megtévesztés tipológiája — összefoglaló tanulmány // *Psychologia Hungarica*. 2016 V. 4 №. 2. P. 7–26; *Gamer M., Rill H.-G., Vossel G., Godert H.W.* Psychophysiological and vocal measures in the detection of guilty knowledge // *International Journal of Psychophysiology*. 2006. Vol. 60. P. 76–87.

³ *Adler M.J.* Detecting deceptive responses in sex offenders: A comparison of layered voice analysis (LVA) and the polygraph. — Working paper, Counseling and Consultation Services, Inc. Limestone, TN, 2009.

⁴ *Conradie H.* The sexual arousal factor in pedophiles // *Codicillus*. 2007. V. 48. N. 1 P. 31–54.

педофилам» он обследовал 15 педофилов, осужденных за сексуальные преступления, и также показал эффективность использования анализа голоса для оценки уровня их умственного напряжения и эмоционального возбуждения в связи с обсуждением материалов дела.

Лишь в одной экспериментальной работе мы нашли отрицательный вывод о возможности использования технологии LVA для выявления лжи по голосу¹. Авторы утверждают, что их исследование, проведенное на 24 мужчинах и женщинах, не подтвердило сколько-нибудь достоверную чувствительность показателей LVA к обнаружению лжи. По нашему мнению, данный результат требует дополнительного внимания к процедуре оценки вероятности правильного обнаружения лжи и ложных тревог, соответственно, поскольку возникают сомнения в корректности оценки согласованности экспертных оценок двумя группами экспертов — профессиональными учеными и опытными инструкторами по работе с программным обеспечением LVA.

Таким образом, подчеркнем, что на вопрос, можно ли этот метод использовать наряду с полиграфом или вместо него, следует ответить положительно. Обсуждение вопроса эффективности данного метода, на наш взгляд, лучше перенести с практическую область — где его лучше использовать: для экспресс-диагностики большой группы обследуемых лиц при невозможности провести обычное полиграфическое исследование или в качестве дополнительной процедуры, верифицирующей в ходе анализа аудио- или видеозаписи результаты заключения полиграфолога или эксперта-криминалиста при проведении психофизиологического исследования².

Далее представим несколько практических примеров (кейсов) использования программного обеспечения LVA-i для проведения психологической экспертизы эмоционального состояния человека по его голосу. Все изложенные ниже результаты получены в ходе анализа представленных нам коллегами из правоохранительных органов, экспертных организаций или служб безопасности российских компаний аудио- и видеозапи-

¹ Harnsberger J.D., Hollien H., Martin C.A., & Hollien K.A. Stress and deception in speech: evaluating layered voice analysis //Journal of forensic sciences. 2009. V. 54. N. 3. P. 642–650.

² Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий): научно-практическое пособие / А.М. Багмет, А.Н. Гусев, В.Ф. Енгальчев и др. М.: Московская академия СК России, 2018; Комиссарова Я.В. Основы полиграфии: учебник для магистров. М., 2018. — 192 с.; Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс. Ярославль, 2004.

сей, являвшихся материалами проводимых или уже проведенных ими расследований.

Первый кейс был связан со служебным расследованием, проведенным службой безопасности крупного российского банка. Дело касалось подозрения одного из ведущих ИТ-специалистов банка в передаче («сливу») клиентской базы данных третьему лицу. Нашей лаборатории было поручено провести беседу с этим специалистом на предмет выяснения возможностей совершения этого серьезного служебного преступления в том подразделении, где работал данный сотрудник. Беседу проводил опытный психолог-профайлер в течение 1,5 часов. От обследуемого лица было получено информированное согласие на ведение аудио- и видеозаписи беседы. Голос профайлера записывался встроенным микрофоном IP-видеокамеры. Для записи голоса подозреваемого лица использовался микрофон типа «петличка» с кардиоидной диаграммой направленности, что позволило свести к минимуму проникновения в запись посторонних звуков. Этот голосовой канал и подвергался анализу с помощью ПО LVA-i, предоставленном нам компанией Nemesysco. После ввода данных и проведения ПО процедуры фрагментации голосового сигнала все выделенные фрагмента прослушивались, и, в том случае, если на записи был слышен голос профайлера, данный фрагмент удалялся вручную.

Анализ изменения амплитудно-частотных характеристик голоса за весь период беседы показал, высокий уровень стресса, что было выражено в крайне высоких показателях (в среднем 100 условных единиц) эмоциональной напряженности и близких к высоким (80 единиц) показателям самоконтроля, что свидетельствует о высокой личностной значимости ситуации беседы и сообщаемой информации. По нашему мнению, эти данные говорят о том, что субъект затрачивает очень много сил для контроля того, как и что ему говорить, отвечая на заданные вопросы. Высокий уровень самоконтроля свидетельствует о возможном желании скрыть некоторую информацию. В целом показатель риска (Risk Value) был очень высоким — четвертый уровень по 5-балльной шкале.

В ходе беседы ИТ-специалист признался в передаче БД своему знакомому за деньги в нарушении установленных в банке правил информационной безопасности.

В *табл. 2* показано соответствие выделенных с помощью ПО LVA-i сегментов записи голоса отдельным частям монологической речи подозреваемого лица, имеющих высокую оценку (более 75%) вероятности лжи (индекс Lie Probability). Подчеркнем, что в других фрагментах записи не было обнаружено таких высоких показателей вероятности лжи.

На *рис. 4* показан пользовательский интерфейс ПО LVA-i, на котором в виде таблицы представлены изменения всех анализируемых показателей, в нижней части рисунка — распределение фрагментов за-

писи во времени с указанием уровня риска (вверху) и выраженности эмоций (внизу). Видно, что в сегментах 73–75 наблюдаются высокие значения показателей Lie Stress (стресс, связанный с ложью), Lie Probability (вероятность лжи) и Cog. Stress (когнитивный стресс).

Таким образом, нами убедительно показан высокий уровень соответствия ключевых по содержанию частей беседы и величин индекса Lie Probability. Фактически в ходе беседы был установлен основной мотив «слива» клиентской БД — подозреваемому были нужны деньги на приобретение наркотиков.

Второй кейс касается анализа видеозаписи, на которой зафиксирована долгая и подробная беседа эксперта-профайлера с директором ресторана (обследуемым лицом — ОП) одного из крупных городов России на предмет практического отсутствия прибыли от работы ресторана. В ходе служебного расследования были выяснены детали реализации директором мошеннической схемы

Таблица 2

Вероятность лжи субъекта в сообщаемой им информации

Сегмент	Содержание беседы	Вероятность лжи, %
7	Сообщает, что в банк NNN его привел приятель К. П.	76
8	Сообщает, что с предыдущих мест работы увольнялся положительно.	95
29–31	Сообщение о факте передачи логин-пароля коллеге К. П.	95
36	Сообщение о подключении К. П. к его компьютеру с помощью флеш-диска	80
43	Сообщение о подозрении К. П. в копировании БД с его компьютера.	95
56	Отказ от подтверждения («такого факта подтвердить не могу») появления К. П. на работе в состоянии наркотического опьянения («накурен»).	78
63–65	Сообщение о наличии у К. П. «зачапки» наркотических средств.	95
73–76	Сообщение о неупотреблении самим кокаина + признание в употреблении амфетамина.	95

О возможностях использования технологии многоуровневого анализа голоса LVA в комплексном полиграфическом исследовании

по сокрытию прибыли от владельца ресторана, присвоению денежных средств, многочисленные факты употребления алкоголя на рабочем месте.

По окончании полуструктурированного интервью (две части длительностью около 90 мин.) по видеозаписи оценивалась содержательная составляющая ответов исследуемого лица (контент-анализ), а также наличие ряда невербальных поведенческих проявлений по схеме Л.Ю. Коноваленко (см.: Багмет и др., 2018). На основе проведенного экспертом анализа был сделан общий вывод о вероятной причастности ОЛ к расследуемому событию. Кратко опишем результаты проведенного анализа поведения ОЛ для того, чтобы задать общий контекст, в котором проводился анализ голоса.

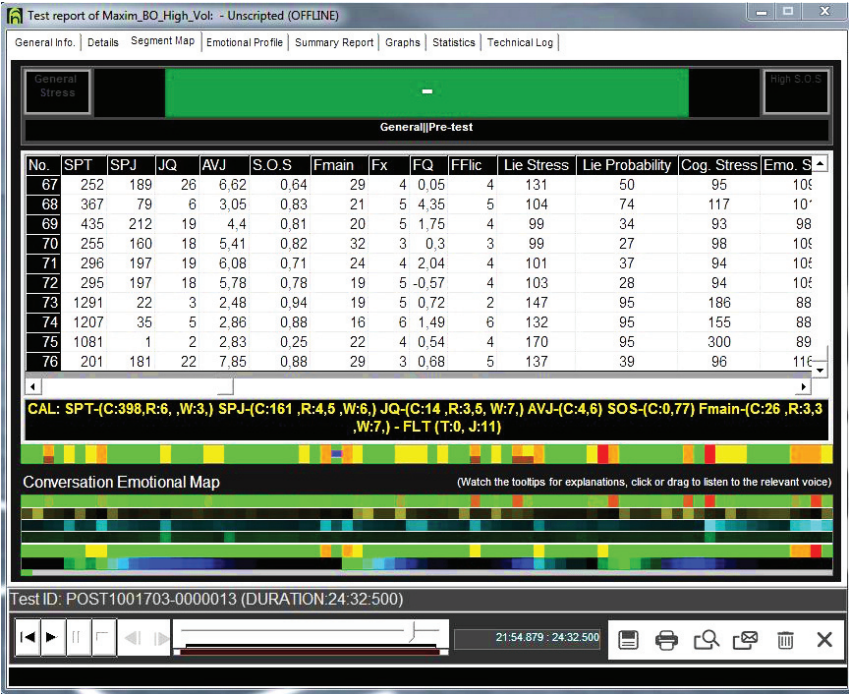

Рис. 4. Скриншот экрана ПО LVA-i в ходе анализа аудиозаписи беседы про-файлера с ИТ-специалистом банка. Крайний левый столбец таблицы — порядковый номер фрагмента записи, выделенного ПО, столбцы справа — значения различных показателей LVA. В середине экрана — тепловые карты, демонстрирующие резкие изменения значений обобщенных показателей LVA во времени. Внизу — элементы управления плеером для прослушивания аудиозаписи (слева) и сервисные функции ПО (справа)

В блоке вопросов, касающихся общей информации об ОЛ, получены ответы на нейтральные вопросы, позволяющие определить базовую линию ее поведения. По блоку вопросов, касающихся общей информации о расследуемом событии, были получены преимущественно уклончивые ответы. С высокой долей вероятности это свидетельствует о том, что ОЛ намеренно скрывает определенную информацию о расследуемом событии. Анализ ответов, касающихся причин и участников расследуемого события, показал, что были также получены преимущественно ответы уклончивого характера и неконкретные ответы. Поведение ОЛ при предъявлении вопросов проверочного характера, т. е. связанных с тем, кто и зачем совершил кражу, вступил в сговор с другими сотрудниками ресторана, также явно свидетельствует о том, что ОЛ намеренно скрывает соответствующую информацию. В блоке вопросов, касающихся личного участия ОЛ в расследуемом событии, были также получены преимущественно неконкретные, односложные ответы и ответы уклончивого характера. Поведение ОЛ при предъявлении этих вопросов свидетельствует о нежелании дать информацию о себе как человеке, причастном к совершению кражи, сговору или своем отношении к этим событиям.

Исследование голосовых показателей в целом по двум частям интервью показало высокий уровень индекса риска (Risk Value), как интегрального показателя (рассчитывается по 22 отдельным показателям) высокого уровня эмоционального, когнитивного напряжения и лжи, он составил 69% по 100-бальной шкале. Также с помощью ПО LVA-i были выявлены высокие и очень высокие уровни различных показателей стресса, таких как:

- (P_{1-6}) — различные паттерны обмана.
- S.O. S — важнейший индикатор, означающий экстремально высокую настороженность и волнение, он описывается очень характерным термином — «Сказать или промолчать».
- HIGH RISK — высокий риск сокрытия информации в ответе испытуемого на вопросы.
- Lie Stress — стресс, связанный с ложью.
- Tension — индекс эмоционального напряжения.
- COG Stress — индекс когнитивного компонента стресса.
- Anticipation Level — очень информативный показатель (уровень антиципации), отражающий процесс продумывания человеком сообщаемой им информации и оценки реакции интервьюера на его ответы.

Таким образом, компьютерный анализ голоса ОЛ в целом позволил нам сделать заключение о том, что полученные данные могут быть оценены как высокий риск сокрытия информации.

Далее рассмотрим полученные данные более детально, соотнося результаты голосового анализа с характером и содержанием заданных 28 вопросов — три контрольных и 25 проверочных. При анализе измене-

ний в голосе при ответе ОЛ на многие проверочные вопросы были обнаружены так называемы паттерны лжи:

- Р1 (экстремальная напряженность и концентрация) — количество проявлений = 12;
- Р6 (низкая готовность к ответу и серьезный конфликт в ситуации, когда нужно «Сказать или промолчать») — количество проявлений = 4.
- Каждый из 22 базовых показателей, учитываемых компьютерной системой при оценке риска, имел отклонения от нормативных величин — они были либо выше нормы, либо ниже нормы.

Интересны ответы ОЛ на отдельные вопросы профайлера. Например, на вопрос «Был ли у Вас доступ к браслетам?» (они выдаются посетителям ресторана за плату и позволяют им получать алкоголь в баре) получен ответ: «У меня нет... Я не сидела. Я вообще стараюсь уходить от ден, чтоб на меня не падали подозрения. Знаете как это, не трогаешь деньги, ты не пачкаешься никто и не думает, что ты можешь их взять...».

На рис. 5 представлены результаты количественного анализа голоса ОЛ именно в этот момент времени (сегмент 684 и др.).

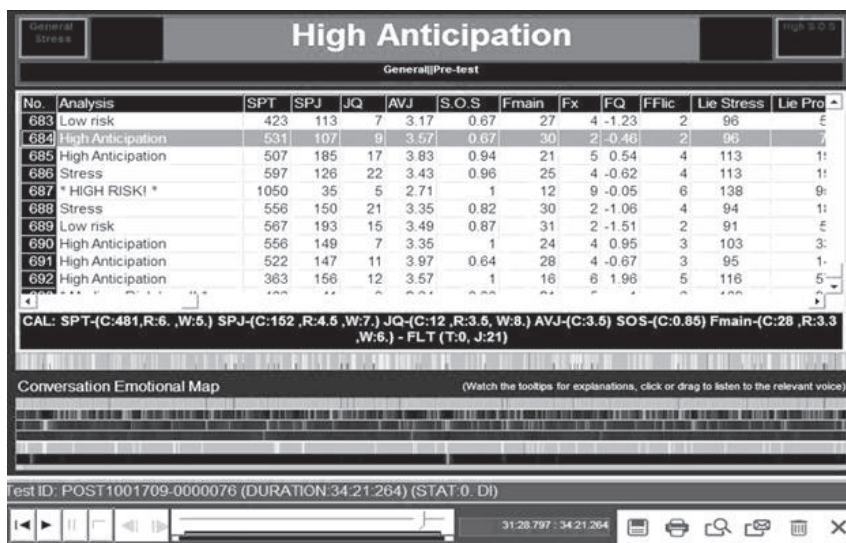

Рис. 5. Скриншот экрана ПО LVA-i в ходе анализа аудиозаписи интервью директора ресторана при ответе на вопрос «Был ли у тебя доступ к браслетам?».

Темной полосой выделен порядковый номер соответствующего фрагмента аудиозаписи. Все обозначения такие же, как и на рис. 6

И на последующий вопрос — «Никто не думает или не пачкается?», получен ответ: «Ты не пачкаешься. Ты просто не пачкаешься и тебе не нужно будет доказывать, что ты этого не делаешь. Для меня это очень момент... ну... душещипательный...». Анализ ее голоса четко обнаруживает высокий уровень стресса — Stress (сегмент 686) и экстремальный уровень другого интегрального показателя — HIGH RISK! (сегмент 687), отражающего высокую вероятность лжи (Lie Stress) и высокий уровень стресса (JQ).

Вторая часть интервью (после перерыва) также характеризовалась появлением паттернов обмана (P1—9 случаев и P6—9). Каждый из 22 базовых показателей, учитываемых системой при оценке риска, имеет отклонения от нормы — они либо выше, либо ниже нормы.

Укажем еще одну часть интервью, которая оказалась важной в ходе служебного расследования — отношение директора ресторана к сотрудникам. В ответ на вопрос об отношениях в коллективе она сообщила о своем позитивном отношении к подчиненным, о проявлениях внимания и заботы: «Это команда, и если я к ним буду негативно относиться, только негативно...». Тем не менее, в ее ответе ярко выражен стресс и неискренность, отраженные в появлении характерного показателя HIGH RISK! в сегменте 124 (рис. 6).

Представленные результаты, на наш взгляд, позволяют более глубоко проанализировать изменение эмоционального состояния человека в ходе беседы, опроса или допроса, выделить те части, которые имеют высокую смысловую нагрузку для ОЛ, и указать на моменты проявления высокой степени эмоционального и когнитивного напряжения, оценить вероятность неискренности и уровня связанного с этим стресса.

Третий кейс касается материалов уголовного дела о покушении на сотрудника правоохранительных органов и его ранении в результате срабатывания взрывного устройства. Этот кейс представляет собой конкретный ответ эксперта на очень конкретный и локальный вопрос следствия. Для исследования были представлены три аудиозаписи разговора одного из родственников с оператором скорой помощи (1), дежурной частью полиции (2) и оператором скорой помощи (3) общей длительностью 1 минуту 6 с. На каждой аудиозаписи присутствует несколько голосов. Качество записей приемлемое, хотя и присутствовали посторонние шумы небольшой интенсивности, поэтому применялась дополнительная процедура шумоподавления.

Конкретный вопрос, поставленный следствием перед экспертом, состоял в следующем: указывают ли характеристики голоса родственницы при первом вызове скорой помощи (по поводу ранения), при вызове полиции и при втором вызове скорой помощи (по поводу плохого самочувствия матери) «на изменение

ее психологического, эмоционального состояния (взволнованность, напряженность, испуг, растерянность, либо, наоборот, спокойствие и т. д.)» (из справки по делу Главного следственного управления СК РФ одного из субъектов РФ).

В среднем по записи-1 — звонок в службу скорой медицинской помощи, обнаружено невысокое эмоциональное напряжение. Однако, были выделены два сегмента, разделенные временным интервалом 8 с, в одном из которых родственница сообщает сведения об адресе, а в другом просит вызвать помимо скорой еще и полицию. В записи-2 наблюдается значительное отклонение показателя SOS, который содержательно означает, что человек в момент ответа пытается подавить спонтанные вербальные реакции («сказать или промолчать»), от нормативных значений. В одном из сегментов этой записи отмечается характерный паттерн, выражающийся в сочетанном появлении сразу двух важных показателей, отражающих неуверенность и стресс — SOS и Stress. Это свидетельствует

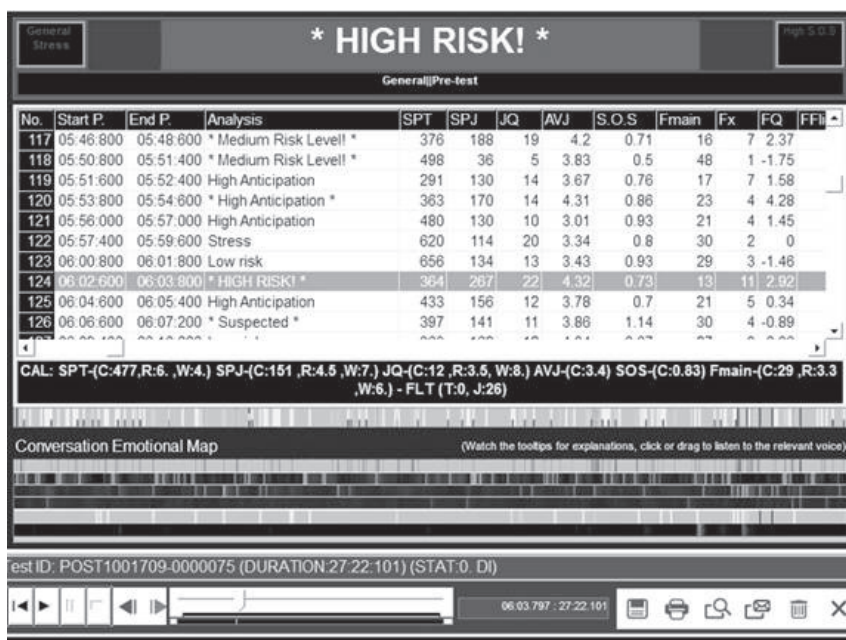

Рис. 6. Скриншот экрана ПО LVA-i в ходе анализа аудиозаписи интервью директора ресторана при ответе на вопрос «Расскажи об отношениях в коллективе, как ты сама относишься к подчиненным?». Темной полосой выделен порядковый номер соответствующего фрагмента аудиозаписи. Все обозначения такие же, как и на рис. 5

о том, что у родственницы потерпевшего с течением времени, не смотря на произвольное подавление спонтанных процессов, происходит увеличение эмоционального напряжения, волнения.

По результатам анализа записи-2 — звонок в дежурную часть полиции, можно сделать заключение, что эмоциональное напряжение в целом увеличилось в два раза по сравнению с первым аудиофайлом. На протяжении всей записи наблюдаются значительные колебания голоса как по громкости, так и по тембру, что свидетельствует о крайне высоком эмоциональном напряжении. Отдельные показатели, связанные с эмоциональным напряжением, значительно превосходят нормативные значения. Особенно стоит выделить один временной интервал, на котором отмечается высокий уровень эмоционального возбуждения, подтверждаемый высокими значениями показателей SOS, SPT, Lie Stress. Тем не менее, когнитивное напряжение было в пределах нормы.

Запись-3, где так же представлен звонок в скорую помощь, характеризуется преимущественно более спокойными реакциями. На записи не отмечается интенсивных эмоциональных реакций или знаков когнитивного напряжения, превышающих нормативные показатели.

Таким образом, в ходе сравнительного анализа аудиозаписей трех телефонных разговоров удалось обнаружить значительные различия выраженности эмоциональных реакций. Вторая запись отличается от первой более сильным дисбалансом в эмоциональном состоянии родственницы пострадавшего. В первой записи также были обнаружены значительные отклонения от нормативных показателей в эмоциональных реакциях, однако, в целом, их выраженность как степень отклонения от нормы не столь значительна по сравнению с второй записью.

Четвертый кейс касается расследования дела о самоубийстве или умышленном убийстве молодой женщины. Муж (статус подозреваемого) позвонил в полицию и сообщил, что его жена совершила самоубийство. Длительность аудиозаписи телефонного разговора 52,96 с. Качество аудиозаписи было приемлемым, хотя и присутствовали посторонние шумы небольшой интенсивности, поэтому применялась дополнительная процедура усиления голосового сигнала (4,9 дБ).

В целом по записи обнаружен высокий показатель риска (Averaged Risk Level), равный 70% по процентильной шкале. Столь высокий показатель риска, как правило, с большой вероятностью указывает на выраженность в голосе подозреваемого лжи.

Очень характерный паттерн (Suspected + High Anticipation), свидетельствующий о высоком уровне произвольного контроля и связанного с этим

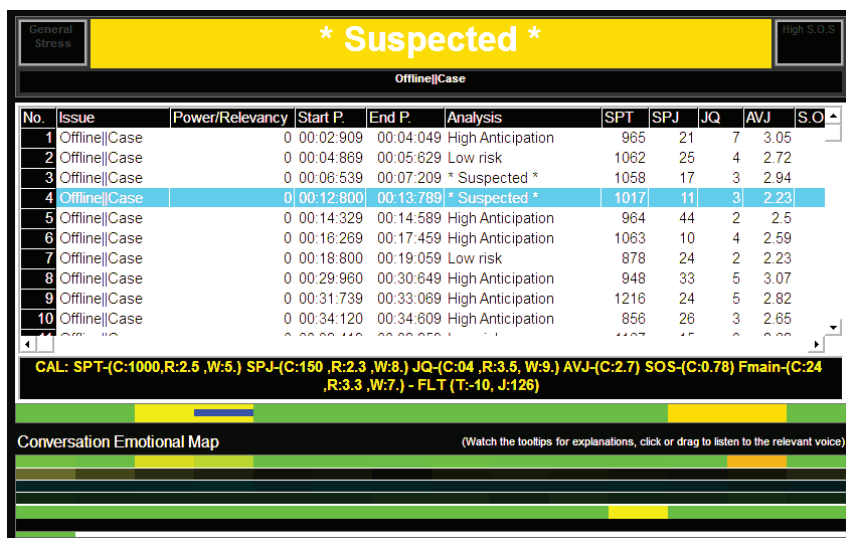

Рис. 7. Скриншот экрана ПО LVA-i в ходе анализа аудиозаписи телефонного звонка подозреваемого в отделение полиции в момент сообщения им сведений о самоубийстве жены. Все обозначения такие же, как и на рис. 5

ожидания реакции сотрудника полиции на свое сообщения о самоубийстве супруги, представлен на 12–14 с записи (сегменты 4–5). В этот момент времени подозреваемый произносит следующие слова: «Ранение в голову. Попытка суицида» (рис. 7). В это же время мы наблюдаем невысокий уровень показателей когнитивного напряжения (в сегменте № 4 индекс SPJ = 11). На протяжении всех 14 выделенных в аудиозаписи сегментов 7 раз обнаруживается такой интегральный показатель стресса как High Anticipation, который указывает на выраженность в голосе ОЛ настороженности и сомнения в том, как оценит содержание его сообщения сотрудник полиции. Высокие величины этого показателя свидетельствуют о высокой концентрации ОЛ на сказанном, причем сопровождающий этот процесс уровень когнитивной нагрузки оказывается незначительным. Т. е. говорящий явно не напрягается, сообщая дежурному крайне эмоциогенную и неожиданную для него информацию.

Это тот случай, когда, говоря языком выдающегося психолога Л.С. Выготского, аффект не подавляет интеллект.

Подводя итог обсуждению данного кейса, приведем еще одно подтверждение того, что подозреваемый не переживал очень сильно-

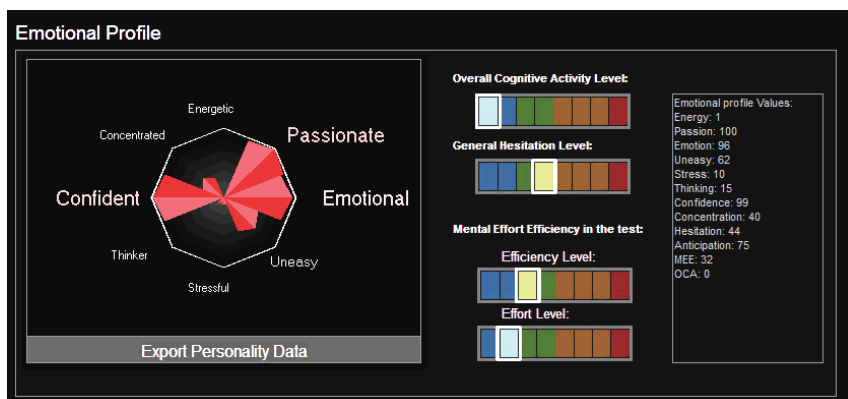

Рис. 8. Скриншот экрана ПО LVA, отображающий усредненный профиль анализа голоса в ходе его звонка в отделение полиции. Справа в виде таблицы указаны усредненные значения обобщенных показателей LVA, по которым построен данный профиль

го стресса, поскольку в его голосе не обнаружено признаков повышенной умственной нагрузки, когда в ситуации аффекта не знаешь, что и как сказать. Такую картину его голосового поведения отражает специальная диаграмма — «Бриллиант Немесиско», представляющая собой обобщенный эмоциональный профиль говорящего за весь период анализ голоса (рис. 8). На рисунке видно практическое отсутствие выраженности стресса (Stressful) и когнитивной нагрузки (Thinker). Подозреваемый говорил уверенно (Confident) и эмоционально ярко (Passionate, Emotional).

Заключение. Мы попытались показать возможность эффективного использования современной компьютерной системы анализа вокальных характеристик голоса человека — LVA, применительно к оценке поведения человека в рамках комплексного полиграфического исследования. Последнее понимается нами значительно шире, чем традиционное изучение кого-либо на полиграфе при решении задачи оценки лжи или попытки сокрытия важной информации. Как указывал один из основателей отечественной психофизиологии Е.Н. Соколов, метод полиграфической регистрации физиологических функций состоит в том, чтобы расположить для анализа на одной временной оси показатели активности самых разных физиологических систем организма человека и изучить характерные паттерны этих реакций, протекающих

одновременно¹. Паттерны, отражающие включение в наблюдаемое поведение базовых механизмов, регулирующих это поведение, обнаружение которых позволит исследователю ответить на вопрос «почему происходит то, что мы наблюдаем и можно ли это объяснить научно и объективно».

В данном контексте, решая практическую задачу комплексной экспертизы поведения обследуемого лица при наличии аудио или видеозаписи, резонно и полезно использовать такой важный источник информации, как изменения вокальных характеристик голоса, отражающих протекание скрытых от прямого наблюдения психических процессов. На основе теоретических представлений о психофизиологических механизмах процесса речепорождения и результатов эмпирических исследований можно утверждать, что выделение характерных паттернов изменений амплитудных и частотных характеристик голосового сигнала, закономерно отражающих динамику эмоционального и когнитивного напряжения, может оказаться весьма полезным.

На наш взгляд, использование результатов анализа голоса в комплексном анализе поведения состоит в следующем: 1) любая дополнительная информация об изменении базовых психических процессов важна сама по себе, учитывая широкие возможности человека по произвольной или непроизвольной (автоматической) регуляции своих физиологических функций; 2) анализ голоса человека может выполняться дистанционно, т. е. без использования специальных датчиков, подключенных к полиграфу; 3) при разработке компьютерных систем анализа данных полиграфического исследования избыток эмпирических данных всегда предпочтительнее, чем их недостаток; 4) за 20 лет использования технологии LVA в практике детекции лжи имеется достаточное количество подтверждений его эффективности.

Таким образом, метод многоуровневого анализа голоса — LVA можно рекомендовать как дополнительный к исследованию на полиграфе метод оценки выраженности различных компонентов стресса у обследуемого лица, а также как самостоятельный инструмент для проведения экспресс-диагностики аудио- и видеозаписи на предмет выявления по голосу фактов лжи, сокрытия важной информации, эмоционального напряжения и когнитивной нагрузки.

¹ Соколов Е. Н. Восприятие и условный рефлекс. М., 1958. — 330 с.

К проблеме формирования категоричного вывода эксперта в практике производства судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа¹

Достоверность и научная обоснованность выводов эксперта при производстве судебной экспертизы являются важнейшими факторами при принятии судьей решения об использовании результатов экспертизы в качестве доказательства. Не обладая специальными знаниями в сфере анализа и оценки поведения человека, судья нуждается в точном квалифицированном выводе эксперта. В связи с этим в последнее время развернулась широкая дискуссия относительно вопроса об использовании вероятностных методов при производстве судебной экспертизы, в частности, при производстве судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа. И здесь обозначились три позиции ученых и экспертов.

Первая позиция состоит в том, что *выводы по результатам судебной психофизиологической экспертизы имеют, как правило, вероятный характер*, что отражает специфику используемого метода. И единственное, что здесь нужно, это прямо указывать цифровое значение вероятности определенного вывода.

Вторая позиция обосновывается тем, что, *несмотря на вероятностный характер самого метода, результаты экспертизы должны быть сформулированы исключительно в форме категоричных выводов*, поскольку только они имеют доказательственное значение и для следствия, и для суда.

И, наконец, третья позиция сводится к тому, что т.к. *дихотомия «вероятностность-категоричность» психофизиологического исследования с полиграфом не разрешена*, в настоящее время нет достаточного научного обоснования для внедрения данного вида судебной психофизиологической экспертизы.

Ключевым в данной дискуссии является *вопрос о допустимости и надежности статистических методов в судебной экспертной практике* вообще, где научная обоснованность судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа является только частным случаем.

Вероятностный подход в экспертизе основан на использовании методов теории вероятностей и математической статистики и применя-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-013-01045.

ется при оценке совокупности признаков в ходе идентификационных, диагностических и классификационных исследований. Использование вероятностного подхода в экспертной деятельности связано с разработкой специальной количественной методики, которая предполагает формализацию постановки экспертных задач, алгоритм действий эксперта и набор решающих правил при формулировке вывода.

При обсуждении данного вопроса часто ссылаются на п. 4 ст. 302 «Виды приговоров» УПК РФ: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств».

При этом многие специалисты совершают логическую ошибку, ставя знак равенства между предположениями и научными методами, которые основаны на распределении вероятностей событий. В настоящее время не существует ни одного вида судебной экспертизы, выводы которой не носили бы вероятностный характер в явной или скрытой форме, как минимум, на промежуточных этапах исследования. Поэтому до сих пор еще иногда встречающиеся утверждения, что связь между психическими и физиологическими явлениями является якобы не детерминированной, а вероятностной, не совсем корректно. Исторически детерминизм в науке выступает в двух формах: лапласовского, или механистического детерминизма, в основе которого лежат универсальные законы классической физики и вероятностного детерминизма, опирающегося на статистические законы. Отсюда, если говорить о современных научных методах, используемых в экспертной практике, то в большинстве случаев мы имеем дело именно с *вероятностным детерминизмом* (дактилоскопическая, баллистическая, генетическая экспертизы и т. п.). И это типично не только для судебной экспертизы, но и в целом для науки, как теоретической, так и прикладной.

Вероятностный характер предсказаний динамики некоторых физических явлений был отмечен еще в работах А. Эйнштейна, Э. Ферми, Н.Н. Боголюбова, Л.Д. Ландау, И.Р. Пригожина и других известных ученых. Вероятностный подход используется также в доказательной медицине, математической лингвистике и культурологической семантике, экологическом моделировании и, с одной стороны, снижает долю неопределённости выводов, а с другой — является научно обоснованной альтернативой субъективному суждению эксперта¹.

¹ См.: *Енгальцев В.Ф., Леонова Е.В.* О вероятностных основаниях категоричных выводов судебной экспертизы // Вопросы экспертной практики. 2017. № 1. С. 101—

Таким образом, *логика научного исследования в судебной экспертизе* заключается в том, что промежуточный вероятный вывод должен быть оценен на основе внутреннего убеждения эксперта и затем преобразован в категоричный вывод.

Использование методов математической статистики в криминалистике и судебной экспертизе началось в конце XIX века и связано с именами А. Бертильона, В. Бальтазара и Е.Ф. Буринского. Сегодня в отечественной науке и практике вероятностный подход практикуется в различных экспертных исследованиях. Чаще всего он упоминается в связи с дактилоскопической, генетической и почерковедческой экспертизами, когда результаты экспертного исследования содержат определенную статистическую погрешность, обусловленную природой объекта исследования и используемого метода. В медико-криминалистической экспертизе использование методов теории вероятностей и математической статистики позволяет формулировать строгие выводы на фоне множества разнородных и подчас противоречивых исходных данных.

В настоящее время наблюдается тенденция *применения вероятностного подхода для интегральной оценки совокупности признаков* в тех экспертных исследованиях, где ранее он не применялся. Так, Е.С. Мазур и И.В. Ивановым был предложен метод диагностических уравнений с использованием многомерного статистического анализа, позволяющий сочетать конституциональные, внешне-опознавательные и физические показатели человека с целью его идентификации. Этот метод интересен тем, что, хотя вероятность идентификации человека по отдельно взятому показателю не является достоверной, интеграция совокупности показателей может позволить прийти к категоричному выводу¹.

Применительно к судебной психиатрической экспертизе Ф.С. Сафуанов отмечает, что при постановке патопсихологического диагноза из-за преобладания у подэкспертных смешанных и стертых форм психической патологии часто при экспериментально-психологическом исследовании обнаруживаются патопсихологические показатели, ко-

106; Они же. Использование алгоритмов нечеткой логики при производстве судебно-психологической и комплексной экспертиз // Ананьевские чтения. 2019: Психология обществу, государству, политике: материалы Международной научной конференции; под ред. А.В. Шаболтас, О.С. Дейнека. СПб., 2019. С. 325, 326.

¹ Мазур Е.С., Иванов И.В. Возможности использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений // Уголовная юстиция. 2016. № 1. С. 121–126.

торые трудно увязать в единый непротиворечивый симптомокомплекс: «В связи с этим актуальным и перспективным направлением исследований является разработка проблемы информативности патопсихологических показателей, моделирующая алгоритм вероятностного решения дифференциально-диагностических задач»¹.

Это характерно и для судебно-психологической экспертизы. Упомянутый выше автор указывает, что нет строгого соответствия между выявляемыми в процессе экспертизы психологическими свойствами, чертами, качествами личности и инкриминируемыми ему деяниями, поскольку «одним из принципиальных положений психологической науки является констатация отсутствия однозначного соответствия особенностей личности субъекта его поступкам и высказываниям. Данная связь может носить только вероятностный характер»². Поэтому для достижения высокого уровня судебно-психологической экспертизы, позволяющего осуществить проверку её результатов, необходимы обоснованность, ясность и технологичность методов, а также «прозрачность» процедуры выводов по итогам их применения. В то же время в научных публикациях по проблематике экспертной деятельности вопросам методического обеспечения судебно-психологической экспертизы уделяется значительно больше внимания, чем выявлению логики принятия решений судебным экспертом-психологом³.

Психофизиологическое исследование с применением полиграфа — это форма использования метода прикладной психофизиологии, предназначенного для вероятностной оценки достоверности сведений, сообщаемых человеком. Этот метод удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к научным методам исследования: имеет свой объект, предмет, описанную полноценную технологию, соответствующую цели его применения, опубликованные исследования о валидности и надежности метода⁴.

Объект психофизиологического исследования с применением полиграфа — психофизиологическое состояние обследуемого лица в процессе экспертизы.

¹ Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998. 192 с.

² Там же.

³ Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М., 2012. — 544 с.

⁴ Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика М., 2014. — 366 с.

Предмет исследования — психофизиологические аспекты реагирования человека на ситуацию проведения исследования в целом и, конкретно, на предъявляемые ему в ходе тестирования на полиграфе стимулы (*тестирование является самостоятельным этапом исследования с применением полиграфа — прим. авт.*).

Технология исследований с использованием полиграфа достаточно сложна, поскольку опирается одновременно на психофизиологические и психологические закономерности. В настоящее время разработан ряд методик тестирования, направленных на решение задач определённого типа, где четко прописаны все этапы процедуры тестирования, основные способы психологической подготовки обследуемого лица, а также принципы формулирования и обсуждения разных типов вопросов, которые будут заданы в ходе тестирования.

Важнейшим методическим элементом всех без исключения методик тестирования на полиграфе, которые претендуют на научную обоснованность и высокую надежность результатов, является *этап выявления и объективного измерения величины психофизиологических реакций* (информативных параметров), возникающих в ответ на предъявление тестируемому стимулов (вопросов теста), а также последующей объективной оценки степени различия реакций на вопросы разных типов и вычисления на этой основе вероятности того, что ответы тестируемого на проверочные вопросы теста отражают ту информацию, которой он обладает (по сути, являются достоверными).

Объективная оценка степени различий в величине реакций на используемые вопросы разных типов и формирование вероятностной оценки достоверности ответов тестируемого на проверочные вопросы теста могут проводиться с помощью различных статистических процедур и специально разработанных математических моделей (например, ChanceCalc, Objective Scoring System, Emperical Scoring System — Multinomial)¹. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что оценка валидности и надежности применяемых методов, в основном, проводилась и проводится в настоящее время силами зарубежных специалистов².

¹ Пеленицын А.Б., Сошников А.П. Современные технологии применения полиграфа. В 4 ч. М., 2015.

² См.: Пеленицын А.Б., Сошников А.П. О научной обоснованности применения полиграфа // Эксперт-криминалист. 2011. № 2. С. 12–15; American Polygraph Association. Meta-analytic survey of criterion accuracy of validated polygraph techniques. Polygraph, 40, 194–305 // Polygraph. 2011. Т. 40. С. 194–305; Forensic Research Incorporated. The validity and reliability of polygraph testing / Forensic Research Incorporated // Polygraph.

Фактически, в результате проведения психофизиологического исследования с использованием полиграфа на основе современных теоретических представлений и накопленного эмпирического опыта производится оценка вероятности того, что по результатам установления различий в физиологическом реагировании на вопросы разных типов тестируемый может быть отнесен к категории лиц, говорящих ложь, или к категории лиц, говорящих правду при ответах на проверочные вопросы теста.

Таким образом, на основании полученных в ходе тестирования с применением полиграфа *результатов, носящих вероятностный характер*, эксперт, опираясь на методические рекомендации, учитывая все фактические обстоятельства проведения исследования, а также на основе собственной квалификации и опыта, в своей совокупности оцененных внутренним убеждением эксперта, формулирует уже *категоричные выводы* в соответствии с содержанием поставленных перед ним вопросов (либо обосновывает невозможность однозначного вывода на основе имеющихся данных). При этом указание в аналитической части заключения промежуточных результатов использования той или иной методики тестирования с использованием полиграфа в форме вероятностного вывода в количественной форме должно, по нашему мнению, являться обязательным, поскольку это позволяет провести стороннюю оценку качества проведённого исследования.

Можно говорить о том, что сам по себе вероятностный характер метода не только не является препятствием к использованию в судебной экспертной практике, но и отражает современные научно-исследовательские тренды. Представленный в статье подход позволяет отойти от традиционной практики производства судебных психофизиологических с использованием полиграфа и комплексных экспертиз (например, комплексной психолого-психофизиологической), результаты которых покоятся на искусстве анализа эксперта, и объективизировать процедуру экспертизы¹. А это, в свою очередь, позволит

1997. Т. 26. С. 215–239; Mark D.H. Psychophysiological Mechanisms in Deception Detection: A Theoretical Overview // Polygraph. 2007. Т. 36, № 4. С. 221–232; National Research Council of the National Academy of Sciences. The polygraph and lie detection / National Research Council of the National Academy of Sciences. Washington: DC: National Academies Press, 2003.

¹ Хавыло А.В. Проблема статистической достоверности результатов психологической судебной экспертизы при анализе содержания видеозаписи в судебном процессе // Материалы Международной научно-практической конференции «Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей». М., 2017. С. 120–124.

при необходимости провести пошаговую проверку этапов принятия того или иного решения и свести на нет ситуации, когда разные эксперты приходят к разным выводам при изучении одних и тех же дел. Разработка научно обоснованных процедур и объективных критериев формулирования категоричных выводов в заключении эксперта-полиграфолога является важным направлением повышения качества судебных экспертиз.

Е.С. Исайчев, С.А. Исайчев

Системный подход к анализу умышленно скрываемой информации

Проблема выявления умышленно скрываемой информации (детекция лжи) в последние годы приобрела особое значение и актуальность. Это связано с общим ростом экономической и уголовной преступности, распространением незаконно приобретенного оружия, наркотиков, ростом числа террористических актов, использованием поддельных документов и т. п.

В последнее время наблюдается активное внедрение в практику кадрового тестирования методов инструментального психофизиологического опроса (ИПФО) с применением полиграфа.

Основной акцент технологий ИПФО делается на регистрации и анализе динамических изменений показателей вегетативной НС. Эти показатели отражают степень эмоционального и стрессового напряжения в процессе проведения опросов на полиграфе, то есть доминирующей парадигмой является связь S R.

В отечественной науке также был сформулирован ряд теоретических подходов к объяснению возможных процессов, выявляемых в ходе ИПФО: Информационная теория эмоций; Мотивационная теория; Теоретическая концепция целенаправленного исследования памяти; Теория динамики активности внимания; Адаптационно-энергетический подход; Теория «направленной актуализации динамических личностных смыслов сознания».

Ни один из перечисленных подходов не решает основной проблемы детекции лжи и не отвечает на ключевой вопрос: *как связаны психологические процессы с психофизиологическими изменениями, регистрируемыми в ходе проведения тестирования с использованием полиграфа?*

Основные методологические проблемы в этой области.

1. Основной фундаментальной проблемой была и остается психофизиологическая проблема. В методологическом аспекте суть ее в том, что для диагностики динамических изменений психологических явлений, а иногда философских понятий и категорий прямо используются количественные методы регистрации и анализа отдельных параметров физиологических процессов.

2. Нет логичной непротиворечивой теории, объясняющей механизмы возникновения различных физиологических реакций при прохождении тестирования на полиграфе.

3. Отсутствие прямых психофизиологических или поведенческих показателей скрываемой информации (лжи).

Обзор литературы и рынка специальных средств этого профиля показал, что основными направлениями дальнейшего развития являются: анализаторы голоса; использования мимики и инфракрасных изображений лица человека для идентификации, диагностики эмоций и лжи; томографическая локализация структур мозга, возможно отвечающих за сокрытие информации; анализ ответов мозга в ситуациях правдивого и ложного ответов.

Все перечисленные выше методы и получаемые показатели в той или иной степени отражают динамические изменения регистрируемых параметров при сравнительном анализе ложных или правдивых ответов на эмоциогенные стимулы.

Недостатком этих подходов является то, что единый по сути поведенческий процесс разделяется при анализе и интерпретации на отдельные блоки, отражающие реально наблюдаемые различия физиологических, психофизиологических, когнитивных и поведенческих процессов в ситуациях реализации поведения при ложных и правдивых ответах.

Цель наших исследований — разработка новой технологии регистрации и анализа динамических изменений психоэмоционального состояния человека (ПЭС) в процессе умышленно скрываемой им значимой информации.

Методологической базой исследований является теория функциональных систем (ТФС) П.К. Анохина и теория векторного кодирования Е.Н. Соколова.

С позиции ТФС, психофизиологические механизмы, ответственные за генерацию ложного и правдивого ответов, имеют различную, индивидуально специфическую нейрофункциональную организацию, т. е. это две разные (конкурирующие) функциональные системы.

На психофизиологическом уровне различия в организации этих функциональных систем проявляются в количественных различиях

индивидуальных паттернов регистрируемых показателей на правдивый и ложный ответы.

Суть предлагаемого системного подхода — реализуется с помощью использования векторного принципа представления и анализа комплекса показателей, отражающих динамические изменения активности эмоционально-мотивационных, когнитивных и исполнительных механизмов ФС, в ситуациях, требующих принятия решения о ложном или правдивом ответе на эмоциогенные стимулы (письменные или устные вопросы на личностно значимые темы).

Проведенные нами исследования показали, что на разных уровнях анализа системной организации поведения, в процессе выявления умышленно скрываемой информации выявляются индивидуальные особенности комплекса взаимосвязанных процессов.

Результаты.

1. Выявлен ряд специфических различий в организации поведенческих актов, связанных с ложными и правдивыми ответами. Эти различия проявляются на разных уровнях функциональной организации — эмоционально-мотивационном, когнитивном и исполнительном.

2. Эмоционально-мотивационными маркерами ложного или правдивого ответа является комплекс показателей вегетативной НС (КГР, ЭКГ, ЭМГ, ФПГ), который имеет общие тенденции динамики в ситуации ложных и правдивых ответов, но также отражает и индивидуальную специфику реакций испытуемых.

3. Различия на когнитивном уровне отражаются в пространственно-временной динамике компонентов КВП и динамике соотношения мощности спектра ЭЭГ в альфа- и бета-диапазонах.

4. На поведенческом уровне наиболее информативными показателями различий правдивых и ложных ответов оказались реакция расширения диаметра зрачка (РРДЗ) и время фиксации глаз на стрессогенном слове.

Я.В. Комиссарова

Об использовании психофизиологических методов при производстве экспертиз по уголовным делам

В уголовном судопроизводстве доказывание охватывает деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств. В свою очередь, *собирание доказательств* представляет собой самостоятельный многоэтапный процесс, структуру которого ученые — процессуалисты и кри-

миналисты видят по-разному. В литературе по уголовно-процессуальному праву обычно выделяют этапы поиска, получения и фиксации доказательств. Криминалисты акцентируют внимание на действиях по обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию объектов, имеющих значение для дела.

Изменения, связанные с событием преступления, отражающие его сущность и специфику, в криминалистике характеризует обобщенное понятие «след (ы)». Исходя из условий получения информации о преступлении, выделяют три группы следов¹.

Материально-фиксированные следы — это следы-предметы, следы-отображения, следы-вещества, особую группу в числе которых составляют запаховые следы. Они доступны для непосредственного восприятия и изучения независимо от волеизъявления кого-либо из участников судопроизводства. Знаковые следы для непосредственного восприятия недоступны. Однако зафиксированная таким образом информация, может быть получена, декодирована и использована в доказывании независимо от волеизъявления участников уголовного процесса. Идеальные следы не только недоступны для непосредственного восприятия, но и не могут быть изучены без согласия и участия человека, запомнившего имеющие значение для дела сведения².

Независимо от того, о какой группе следов идет речь, получение криминалистически значимой информации всегда предполагает работу с ее материальным носителем. Сведения, сообщаемые людьми, исключением не являются. Однако ситуация межличностного общения весьма специфична, поскольку существует так называемая психофизиологическая проблема. В науке нет ответа на вопрос о соотношении психических и физиологических процессов, протекающих в организме человека в связи с получением, сохранением и воспроизведением какой-либо информации. При этом ложные воспоминания невозможно отличить от истинных. Они имеют те же свойства, что и любые другие, и ничем не отличаются от воспоминаний о событиях, которые происходили на самом деле³.

¹ Криминалистика: учебник / Под ред. А.И. Бастрыкина, Е.П. Ищенко, Я.В. Комиссаровой. М., 2019. С. 44–51.

² Понятие «идеальные следы» является собирательным и не учитывает принятое в психологии деление памяти на виды. Каждая наука имеет свой язык. Соответственно, в терминах одной науки нельзя описать всю сложность и многообразие процессов, изучаемых другими науками.

³ Баддли А., Айзенк А., Андерсон М. Память / пер. с англ.; под ред. Т.Н. Резниковой. СПб., 2011. С. 429–460.

Показания участника процесса, противоречащие установленным фактам, являются недостоверными, независимо от причин, по которым человек сообщил информацию, не соответствующую действительности. Лжет он умышленно или добросовестно заблуждается, с точки зрения уголовно-процессуального права значения не имеет. Показания, содержащие недостоверную информацию, признаются недопустимым доказательством. Поэтому во всех странах мира следствие и суд сталкиваются с необходимостью проверки показаний. Руководствуясь ст. 87 УПК РФ, дознаватель, следователь, прокурор, суд стремятся получить новые доказательства, подтверждающие или опровергающие проверяемое доказательство, чтобы таким образом оценить достоверность сведений, сообщаемых людьми.

Из криминалистики и юридической психологии известно, что человек может находиться в одном из четырех состояний: 1) обладает нужной следствию и суду информацией, желает и может достаточно объективно и полно изложить ее; 2) обладает нужной информацией, желает ее сообщить, но в силу разных причин неумышленно искажает в общении со следователем, дознавателем, прокурором, судом; 3) обладает информацией, может передать ее, но не желает этого делать; 4) информацией не обладает, однако следствие и суд ошибочно полагают обратное, рассчитывая получить развернутые показания¹.

В целях определения состояния, в котором находится участник судопроизводства, следователь может назначить ряд экспертиз лингвистическую, психологическую, судебную психофизиологическую с применением полиграфа и др. Задачей эксперта в каждом случае будет выявление совокупности признаков, характерных для определенного информационного состояния субъекта (лингвистических, психологических, психофизиологических и пр. признаков).

Поясним изложенное на примере психофизиологической экспертизы с применением полиграфа (далее — СПФЭ), которая в России по уголовным делам проводится экспертными подразделениями: Федеральной службы безопасности — с 2002 г., Министерства обороны — с 2004 г., органов внутренних дел — с 2006 г., Следственного комитета — с 2009 г. В 2000-х гг. СПФЭ проводились в лабораториях судебной экспертизы Министерства юстиции РФ, в 2010–2016 гг. — в ФСКН России.

¹ Баев О.Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. Воронеж, 1992. С. 93.

Сначала *полиграфолог актуализирует образы, хранящиеся в памяти участника процесса*, прежде всего (но не только) за счет предъявления стимулов, в определенном порядке подобранных и систематизированных. Тестирование на полиграфе позволяет «визуализировать» некоторые физиологические корреляты протекания психических процессов, связанных с восприятием, закреплением, сохранением и последующим воспроизведением человеком информации о каком-либо событии, интересующем следствие и суд. Затем изучаются выраженность, устойчивость, соотношение реакций на стимулы. Используя различные системы оценки зарегистрированных данных, полиграфолог может выделить совокупность стимулов, значимых для человека.

Таким образом, на основе анализа реакций на стимулы полиграфолог формулирует свою (экспертную) версию относительно информированности обследуемого лица о случившемся. Он также вправе высказать суждение о возможных обстоятельствах получения человеком информации о событии (вероятности ее получения непосредственно в момент события преступления).

Сообщая лицу, назначившему СПФЭ, сведения о том, является или нет человек носителем информации о конкретном событии (его деталях), полиграфологи должны учитывать то, что в их распоряжении имеется ограниченный арсенал средств для проведения экспертного исследования. Современный уровень развития науки не позволяет путем регистрации и анализа психофизиологических реакций человека в ответ на предъявляемые стимулы конкретизировать информацию, которой он обладает. Природа памяти пока до конца не изучена.

Указанный подход закреплен в методических документах, в настоящее время используемых полиграфологами России при проведении исследований и экспертиз с применением полиграфа.

В 2005 г. коллектив специалистов разработал «Видовую экспертную методику производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа» (далее — *Видовая экспертная методика*), которая была утверждена в составе Методических рекомендаций АНО «Центр независимой комплексной экспертизы и сертификации систем и технологий». В 2006–2009 гг. в установленном в органах внутренних дел порядке она прошла апробацию в ЭКЦ МВД Республики Татарстан.

В 2008 г. по заявке Бюро специальных технических мероприятий МВД России сотрудниками Академии управления МВД России с привлечением ведущих полиграфологов органов внутренних дел, Минобороны, ФСБ, СВР, ФСКН, ФСИН Минюста России были подготовле-

ны Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа (далее — *Единые требования БСТМ МВД*).

В настоящее время Видовая экспертная методика и Единые требования БСТМ МВД успешно используются при проведении психофизиологических исследований и экспертиз с применением полиграфа в Следственном комитете РФ, 111 Главном государственном центре судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Минобороны России, иных экспертных учреждениях.

Полиграфологи ФСБ России руководствуются разработанной в 2009 г. в Институте криминалистики Центра специальной техники ФСБ России Методикой производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа, текст которой вне ведомства недоступен для ознакомления (далее — *Методика ИК ЦСТ ФСБ*)¹.

В то же время Институт криминалистики ЦСТ ФСБ России, совместно с Главным управлением криминалистики Следственного комитета РФ и автором данной статьи, выступил рецензентом «Методических рекомендаций по порядку назначения и производства психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ». Документ подготовили в 2014 г. в ЭКУ ФСКН России. Описание общих условий и порядка проведения экспертных исследований с применением полиграфа было дано в соответствии с положениями Видовой экспертной методики и Единых требований БСТМ МВД.

В 2018 г. руководители Института криминалистики ЦСТФСБ России, ЭКЦ МВД России, 111 Главного государственного центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны РФ, Главного управления криминалистики Следственного комитета РФ утвердили Межведомственную методику производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа (далее — *Межведомственная методика*). Разработанный по решению Федерального межведомственного координационно-методического совета по судебной экспертизе и экспертным исследованиям межве-

¹ В заключениях сотрудников ФСБ России, назначаемых экспертами по уголовным делам, поступающих к автору статьи на рецензирование по запросам сторон, имеются ссылки на Методику производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа с выходными данными: а) Москва, Институт криминалистики ЦСТ ФСБ России, 2009, 41 с.; и б) Москва, Институт криминалистики ЦСТ ФСБ России, 2013, 17 с.

домственной рабочей группой документ закрепил основные понятия, ранее изложенные в Видовой экспертной методике и Единых требованиях БСТМ МВД, которые (с учетом межведомственного статуса) дополняет, но не заменяет и не отменяет.

Положения Межведомственной методики, Единых требований БСТМ МВД и Видовой экспертной методики легли в основу Методических рекомендаций по порядку назначения и производства психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в системе МВД России (далее — *Методические рекомендации ЭКЦ МВД*). Научно-исследовательская работа по их подготовке в ЭКЦ МВД России завершилась в 2018 г. В ней участвовали опытные специалисты по использованию полиграфа в рамках криминалистического обеспечения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности из экспертных подразделений МВД по Республике Татарстан, ГУ МВД России по г. Москве, ФСБ России, Следственного комитета РФ, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

В развитие единого научно-методического подхода к практике проведения СПФЭ в 2019 г. в ходе научно-исследовательской работы, выполненной специалистами по использованию полиграфа из Учебного центра Военной полиции Министерства обороны РФ, 111 Главного государственного центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны РФ, АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии», НП Аналитический центр «Кедр», Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), были подготовлены Методические рекомендации по порядку назначения и проведения психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в органах Военной полиции Министерства обороны Российской Федерации.

С учетом изложенного вызывает недоумение позиция отдельных лиц, огульно критикующих Видовую экспертную методику (вплоть до отрицания документально подтвержденного факта ее апробации), а также Межведомственную методику, не предложивших каких-либо собственных адекватных современным реалиям научно-методических разработок.

11 февраля 2020 г. в Российском государственном университете правосудия состоялся межведомственный научно-практический семинар «Психофизиологические исследования с использованием полиграфа при расследовании уголовных дел: актуальные вопросы и перспективы развития» (далее — семинар в РГУП).

Выступая с докладом, Ю.И. Холодный (до 2008 г. много лет работавший в Институте криминалистики ЦСТ ФСБ России) вместо документов, подготовленных межведомственными группами специалистов, предложил использовать Типовую методику производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа (далее — Типовая методика), опубликованную им совместно с Ю.К. Орловым (до кончины в 2016 г. — профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА))¹.

Не вдаваясь в детализацию каждой из множества ошибочных позиций Типовой методики², ограничимся ссылкой на п. 3.13.6: «Вывод заключения эксперта констатирует итог экспертного исследования — какая информация содержится в памяти подэкспертного». В качестве примера предлагаются формулировки выводов эксперта-полиграфолога: а) в памяти подэкспертного имеется информация о том, что потерпевшему был нанесен удар ножом в спину (данный факт установлен экспертом с вероятностью 97%); б) в памяти подэкспертного отсутствует информация о том, что он наносил удары ножом в грудь потерпевшему (данный факт установлен с вероятностью 97%).

Однако известно, что процессы памяти не имеют непосредственной связи с теми механизмами функционирования вегетативной нервной системы, внешние проявления активности которых в виде физиологических изменений (реакций) регистрируются с помощью полиграфа. Ученые подчеркивают: «Дистанция между ними огромна, и на ней есть много чего такого, включая эмоции, познавательные процессы и различные явления чисто физиологического порядка, что не позволяет информации, хранящейся в памяти человека, иметь устойчивое и однозначное отражение во внешних физиологических проявлениях, на основании которых можно было бы делать достовер-

¹ Холодный Ю.И., Орлов Ю.К. Типовая методика производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. М., 2013.

² См.: Комиссарова Я.В. О типовой методике производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Юридическая психология. 2015. № 3. С. 7—11. В статье приведены разъяснения руководства Академии СК России, согласно которым: 1) опубликованная брошюра отражает взгляды авторов о понятиях, теоретических положениях и порядке производства СПФЭ; 2) какой-либо оценки самой методики, ее преимуществ или недостатков по сравнению с методиками других разработчиков Академия СК России не дает, так как это является компетенцией экспертных учреждений и организаций; 3) издаваемая в Академии СК России информационно-справочная литература среди других ведомств не распространяется.

ные выводы, как о самом факте наличия этой информации, так и о ее содержании»¹.

В Информационном письме «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» (утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, протокол № 6 от 15 июня 2016 г.; утв. Ученым советом ФГБУ ФМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава России, протокол № 7 от 20 июня 2016 г.) прямо указано, что диагностика содержания сознания никогда не составляет предмета судебно-психологического экспертного исследования либо исследования с применением полиграфа: экспертиза направлена исключительно на субъекта, а не на информацию, которой он владеет².

Вопреки изложенному, выступая на семинаре в РГУП с докладом³, сотрудник ФСБ России А.Ю. Николаев в очередной раз пытался убедить собравшихся в необходимости использования при производстве СПФЭ Типовой методики. Обойдя молчанием сам факт существования и успешного применения на практике Единых требований БСТМ МВД (2008 г.) и Методических рекомендаций ЭКЦ МВД (2018 г.), докладчик, как и ранее, сосредоточился на критике Видовой экспертной методики (2005 г.). При этом по-прежнему ссылаясь на обстоятельства, не соответствующие действительности⁴.

Опираясь на современные достижения психологии и научно-методические материалы, разработанные специалистами разных ведомств, вести дискуссию в обозначенном ключе не имеет смысла. Переход

¹ Пеленицын А.Б., Сошников А.П., Жбанкова О.В. Так что же все-таки определяет полиграф? // Вестник криминалистики. Вып. 2 (38). М., 2011. С. 8, 9.

² Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» / С.А. Смирнова, Е.В. Макушин, А.Я. Аснис и др. // Теория и практика судебной экспертизы: научно-практический журнал. 2016. № 3 (43). С. 64–73.

³ Был озвучен текст публикации: Холодный Ю.И., Савицкий М.А., Николаев А.Ю. Проблемы методического обеспечения экспертизы с применением полиграфа // Развитие криминалистики и судебной экспертизы в трудах профессора Е.Р. Россинской. К юбилею ученого, эксперта, педагога: материалы Международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 472–478.

⁴ Как было отмечено выше, Видовая экспертная методика в 2006–2009 гг. прошла апробацию в ЭКЦ МВД Республики Татарстан. На это в ходе семинара в РГУП А.Ю. Николаеву указала лично проводившая апробацию М.Ю. Игнатьева, в настоящее время — руководитель отделения психофизиологических исследований на полиграфе экспертно-криминалистического отдела Следственного управления Следственного комитета РФ по Республике Татарстан, кандидат психологических наук, полковник юстиции.

на личности (который допустили Ю.И. Холодный и А.Ю. Николаев в своих выступлениях на семинаре в РГУП) всегда свидетельствует о слабости позиции и отсутствии аргументов.

Важно другое — *наличие качественных экспертных методики и методические рекомендации не является гарантией их правильного понимания и использования, как государственными судебными экспертами, так и частнопрактикующими специалистами*. Осознавая обязательность выполнения требований п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, полиграфологи, назначаемые экспертами по уголовным делам, в своих заключениях охотно ссылаются на Видовую экспертную методику, Единые требования БСТМ МВД и т. п., однако исследования проводят с грубыми нарушениями оговоренных в них положений¹.

Например, в заключениях экспертов-полиграфологов по уголовным делам, поступающих к автору статьи на рецензирование по запросам сторон (обвинения и защиты), можно встретить категорические выводы относительно того, что именно делал (не делал) в интересующее следствие и суд время участник процесса, в отношении которого проводилась экспертиза:

1. Б. в период времени... по адресу... обнажался перед малолетней Т. и обнажал малолетнюю Т.

2. С., П., А. не присутствовали на посту №... в/ч... в момент нападения на рядового Б.

3. Г. не совершал инкриминируемых ему действий, предусмотренных ч. 1 ст. 135 УК РФ, в отношении несовершеннолетней О.

Фактически эксперты выходят за пределы своей компетенции и отвечают на правовые вопросы, забывая, что в соответствии со ст. 74 УПК РФ, заключение эксперта — всего лишь источник сведений, на основе которых наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, устанавливают следователь, дознаватель, прокурор, суд. В каждом из указанных случаев, руководствуясь ст. 16 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», эксперты были обязаны составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить его лицу, назначившему судебную экспертизу.

Автору статьи приходилось рецензировать заключения полиграфологов ФСБ России по уголовным делам, в которых со ссылкой на Ме-

¹ См.: Комиссарова Я.В. Ошибки при производстве судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа // Судебная экспертиза: типичные ошибки; под ред. Е.Р. Россинской. М., 2012. С. 226—241.

тодику ИК ЦСТ ФСБ они делали выводы, превосходящие возможности современной науки, например:

1. В памяти И. имеется информация о том, что он получил ... долларов США от Г.

2. В памяти обвиняемого Т. имеется информация, что он стрелял в З.

Ошибки случаются при производстве всех без исключения родов и видов экспертиз. Однако на этапе становления нового вида экспертизы им зачастую придают гипертрофированное значение — под сомнение ставится сама возможность существования того или иного экспертного направления. В данном случае ситуация осложняется еще и тем, что проблема использования методов прикладной психофизиологии в доказывании по уголовным делам до настоящего времени не была предметом комплексного научно-правового анализа.

Необходимость такого анализа назрела. Аргументируя свои суждения, лица, назначаемые экспертами из числа тех, кто не работает в государственных судебно-экспертных учреждениях, все чаще используют придуманные ими технологии вместо научно обоснованных апробированных на практике методов. В заключениях экспертов, изученных автором статьи, были ссылки на «метод комплексной интегративной психолого-психофизиологической детекции идеальной следовой информации», «метод черепно-лицевого профилирования и оперативной психодиагностики личности», «интегральный метод психофизиологической диагностики (профайлинг)» и др.

Известен случай, когда по уголовному делу был вынесен обвинительный приговор, основанный, в том числе, на заключении эксперта, содержащем нижеуказанные выводы.

У А. имеется идеальная следовая информация относительно: факта совершения действий сексуального характера между К. и женщиной на глазах А.; неоднократных принуждений А. к прикосновениям руками до полового члена К.; неоднократных действий со стороны К. в отношении А. — трогал руками половой член и анальное отверстие А., водил своим половым членом по губам А. Данный вывод сделан экспертом с вероятностью не менее 99,2%¹.

ГОСТР 57344–2016 Национальный стандарт Российской Федерации «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения» не содержит понятия «идеальная следовая информация», а также множества других, которые сегодня можно увидеть в заключениях экспер-

¹ В передаче кассационной жалобы адвоката в интересах осужденного на приговор районного суда и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам областного суда для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции судей Верховного Суда РФ было отказано.

тов по уголовным делам. Данный стандарт предназначен для применения лицами, проводящими судебно-психологические экспертизы. Требования стандарта распространяются как на государственных судебных экспертов, так и на тех, кто не работает в государственных судебно-экспертных учреждениях.

Соответственно, возникает и остается без ответа вопрос о научной состоятельности вышеперечисленных и прочих так называемых авторских методов, их апробации на практике и допустимости использования при производстве судебных экспертиз в отношении живых лиц.

У следствия и суда однозначного мнения по данному вопросу нет.

Получив документально подтвержденную информацию о непрофессионализме отдельных частнопрактикующих полиграфологов, в Главном управлении криминалистики Следственного комитета РФ подготовили грамотный по сути и одновременно бескомпромиссный в части выводов Обзор практики проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений по итогам первого полугодия 2011 г. (исх. № 246/1-26905-11/ от 08.09.2011). В Обзоре, направленном в региональные подразделения за подписью заместителя Председателя Следственного комитета РФ, предлагалось «исключить практику проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа частными специалистами и негосударственными экспертными учреждениями».

Фактически одной «паршивой овцы» оказалось достаточно, чтобы навлечь тень сомнения в объективности и профессионализме на множество добросовестных членов профессионального сообщества привлечение частнопрактикующих полиграфологов к производству экспертиз по уголовным делам в подразделениях Следственного комитета РФ, вопреки здравому смыслу и УПК РФ, было ограничено.

Всего лишь год спустя полиграфолог — сотрудник Следственного комитета РФ допустила ошибку. Проигнорировав положения Видовой экспертной методики и Единых требований БСТМ МВД, которыми должна была руководствоваться согласно рекомендациям Главного управления криминалистики, вышла за пределы компетенции эксперта-полиграфолога, ответив на правовые вопросы, включенные следователем в постановление о назначении СПФЭ.

Реакция Верховного Суда РФ последовала оперативно и оказалась настолько же алогичной, как и указанная выше позиция Следственного комитета РФ. В пункте 5.2.1. Обзора кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Следственного комитета РФ за второе полугодие 2012 г., утвержденного 3 апреля 2013 г., без какой-либо

аргументации было указано, что заключения по результатам психофизиологических экспертиз не соответствуют требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к заключениям экспертов, психофизиологические исследования не относятся к доказательствам согласно ст. 74 УПК РФ.

Фактически Обзор не содержит запрета использовать в доказывании заключения экспертов-полиграфологов. Речь идет о не конкретизированном перечне «психофизиологических исследований», к числу которых, несомненно, относятся «комплексная интегративная психолого-психофизиологическая детекция идеальной следовой информации», «черепно-лицевое профилирование и оперативная психодиагностика личности», «профайлинг» и др. Неясно, почему на вышеприведенное мнение Верховного Суда РФ ссылаются исключительно противники производства СПФЭ уголовным делам, упуская из виду проблему использования частнопрактикующими специалистами авторских методов при проведении иных экспертиз.

По нашему глубокому убеждению, *применение авторских методов в ходе экспертизы (прежде всего, психологической и психофизиологической с применением полиграфа)* допустимо исключительно в целях апробации метода и только по окончании экспертного исследования. Предварительно этот вопрос следует согласовать с лицом, назначившим экспертизу. Когда судебная экспертиза проводится в добровольном порядке, в письменном согласии лица подвергнуться судебной экспертизе также должна быть отражена его готовность принять участие в экспериментальной части исследования. Разумеется, полученные таким образом результаты эксперт не вправе учитывать при формулировании выводов.

Очевидно, что сиюминутными запретительными мерами обозначенную нами проблему решить невозможно. Обзоры практики нормативными правовыми актами и даже актами толкования права не являются. Пришло время поднять на уровень масштабных научных дискуссий вопросы о критериях допустимости использования авторских методов при производстве судебных экспертиз, прежде всего, психофизиологических методов исследования личности.

Этот вопрос следует рассматривать в контексте решения проблемы общего плана — оценки научной обоснованности заключения эксперта, которая, по справедливому мнению специалистов в области уголовно-процессуального права, криминалистики, теории и практики судебной экспертизы, во все времена представляла наибольшую сложность для лиц, несущих бремя доказывания.

Известный ученый-исследователь и опытный практик (с 2010 г. — судья Челябинского областного суда, с 2015 г. — Ставропольского

краевого суда) А.В. Кудрявцева писала, что понятие научной обоснованности охватывает: 1) правильное понимание экспертом поставленных перед ним задач; 2) правильность, разработанность, апробированность применяемых методов и методик исследования; 3) правильную оценку признаков, обнаруживаемых экспертом в ходе исследования объектов; 4) квалифицированность и компетентность эксперта; 5) соответствие выводов исследовательской части заключения; 6) правильность фактических расчетов; 7) определенность экспертного заключения; 8) доброкачественность материала, направленного на экспертизу¹.

С учетом современных реалий перечисленные составляющие могут быть уточнены, дополнены, расширены. Принимая во внимание остроту вопроса, понятие «научная обоснованность заключения эксперта» необходимо конкретизировать в рамках специально-юридического толкования. Такого рода толкование применительно к уголовному судопроизводству, как правило, осуществляет Пленум Верховного Суда РФ.

В постановлении № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», принятом Пленумом Верховного Суда РФ 21 декабря 2010 г., критерии научной обоснованности выводов эксперта не были детализированы². И если 10 лет назад проблемы, с этим связанные, можно было отчасти нивелировать, исправляя судебные ошибки по отдельным уголовным делам, то сегодня поставлен под угрозу принцип свободы оценки доказательств, закрепленный в ст. 17 УПК РФ.

Как справедливо полагает Н.А. Власенко, правовые понятия весьма неопределенные феномены и приобретают определенность лишь в случаях их конкретизации, результатом которой являются дефиниции; иными словами — правовые дефиниции есть переход от неопределенности к определенности в праве³.

С этой точки зрения специально-юридическое толкование (в отличие от грамматического, логического и др.) позволяет наполнить юридическим смыслом категории уголовно-процессуального права, используемые в обыденной жизни, на первый взгляд, понятные

¹ Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. С. 115, 116.

² Подробно см.: Комиссарова Я.В. Проблемные аспекты постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российский судья. 2011. № 3. С. 28–30.

³ Власенко Н.А. Судебные правовые дефиниции: природа, функции, основания деления и виды // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 59.

на интуитивном уровне. Вопреки расхожему мнению, они нуждаются не просто в разъяснении, а в нормативном толковании. В противном случае свобода оценки доказательств легко может стать прикрытием для вынесения приговоров, основанных (помимо прочего) на заключениях экспертов, в своих околonaучных фантазиях шагнувших далеко за пределы современного уровня развития науки.

И.А. Макаренко

Возможности экспертного исследования идеальных следов преступления

Экспертная деятельность в РФ на современном этапе развития характеризуется выделением и становлением теорий экспертиз, отвечающих актуальным запросам следствия и судопроизводства. Общая теория судебной экспертизы была создана в результате выделения общих положений и свойств, присущих всем родам (видам) судебно-экспертных исследований. Следуя от общего к частному, на основании общих положений судебной экспертизы формируются частные судебно-экспертные теории, в числе которых — частные теории отдельных родов объектов судебно-экспертного исследования. Среди них могут быть теории класса, рода, вида, подвида экспертиз. Частные теории содержат данные, отвечающие специфике исследований, научной обоснованности, характеристике типичных методов и методик. Кроме того, частные теории, представляя совокупность научных положений об особенностях и закономерностях их применения, как метода экспертного исследования, используют положения общей теории при определении понятий предмета, объекта экспертизы, задач при разработке методик исследования.

В период бурного развития научно-технического прогресса разработка новых частных научных направлений и организация новых родов и видов экспертиз являются естественным процессом.

Учение о закономерностях формирования и развития судебных экспертиз — одно из центральных в общей теории судебной экспертологии. Генезис родов (видов) судебных экспертиз рассматривается в научной литературе с конца 1970-х годов. Исследованиями в этой области занимались такие ученые, как Т.В. Аверьянова, А.И. Алиев, Р.С. Белкин, Е.Д. Богодухова, А.И. Винберг, А.Ф. Волынский, А.М. Зинин, Н.П. Майлис, Н.Т. Малаховская, Т.Ф. Моисеева, Ю.Г. Корухов,

А.И. Миронов, В.Ф. Орлова, Е.Р. Россинская, Т.В. Сахнова, Е.Н. Тихонов, Т.В. Толстухина, А.И. Усов, А.Р. Шляхов, А.А. Эйсман и др.

Следует заметить, что чем чаще совершаются новые виды преступлений, чем выше их общественная опасность, тем чаще возникает необходимость в специфических исследованиях и тем, соответственно, активнее идет процесс формирования рода (вида) судебной экспертизы.

Производство судебных экспертиз в первую очередь ориентируется на запросы правоприменителя. Согласно ст. 9 Федерального закона №73-ФЗ от 31.05.2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ о ГСЭД), именно следователь, судья, иные органы и лица, имеющие право по закону назначать судебную экспертизу, ставят перед экспертом вопросы, формулируют задание, направляют для исследования вещественные доказательства и материалы дела.

К закономерностям формирования новых родов и видов судебных экспертиз относится: накопление первоначального эмпирического материала, освещение его в печати в качестве частных случаев исследования; эпизодическое и в течение длительного времени производство экспертных исследований, которые впоследствии образуют класс, вид, род экспертизы; промежуточные теоретические обобщения по отдельным направлениям экспертных исследований как результат изучения экспертной практики; обобщение экспертной практики определенных объектов исследования, выделение и систематизация типичных вопросов, частных методик исследования; возможное выделение из уже существующего рода судебной экспертизы или создание на ее базе нового рода судебной экспертизы.¹

В этой связи следует понимать, что проведение любого научно-го исследования — это познавательный процесс, который в случае судебной экспертизы осуществляется путем применения методов различных отраслей знания. Но, в отличие от научного исследования, процесс экспертного познания проводится в целях сугубо практических: установления конкретных фактических обстоятельств по уголовному, гражданскому делу, делу об административном правонарушении.

Судебные экспертизы, назначаемые в процессе судопроизводства, могут быть самыми разнообразными. Специальные знания, требующиеся при рассмотрении дел, могут быть из любых областей науки, техники, искусства или ремесла.

¹ Основы судебной экспертизы. Ч. 1. Общая теория. М., 1997. С. 137.

Интеграция и дифференциация научного знания — две стороны единого процесса познания. Сущность дифференциации понимается в выделении отдельных областей научного знания, углублении и специализации знаний. В противоположность дифференциации — интеграция — стимулирует процесс конвергенции и взаимодействия наук, объединяет научные знания, способствует агрегации наук.

Этим же путем идут процессы становления новых видов, родов и подвидов экспертизы.

О формировании нового вида судебной экспертизы можно четко говорить, если сформулирован предмет экспертизы, определен круг исследуемых объектов, основные решаемые задачи, разработаны методические подходы (а в идеале — методики) экспертного исследования¹.

Руководствуясь общей теорией судебной экспертологии для новых родов и видов судебных экспертиз, необходимо: определение предмета судебной экспертизы; конкретизация и типизация экспертных задач; формулирование на основе типичных экспертных задач перечней вопросов, выносимых на разрешение эксперта; обособление и классификация объектов экспертного исследования; выбор методов из «большой науки» и определение их специфики; разработка экспертных технологий в соответствии со стадиями экспертного исследования; формирование терминологического аппарата класса или рода судебной экспертизы; разработка технологии подготовки заключения эксперта.

Проблема исследования идеальной следовой информации сложна, актуальна и важна для расследования. Отражение преступления в живой природе является сложной формой психофизиологического процесса с этиологией фиксации, сохранения и продуцирования (проявления) в виде мысленных образов верифицируемого события в целом, отдельных его моментов и участников верифицируемого события, возникающих и закрепляющихся в сознании и памяти человека (людей) в виде энграммы — конкретного следа памяти, нейрофизиологического отражения информации конкретного внешнего события, представленного в сознании как полимодальный образ этого события.

Р.С. Белкин, в частности, отмечает, что по сравнению с материальными следами: 1) идеальные следы более содержательны, поскольку содержат информацию о таких сторонах объекта, которые не отображаются в материальных следах; 2) перенос содержащейся в мысленном

¹ *Россинская, Е.Р.* Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): Учебник / *Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин.* М., 2017. — 368 с.

образе информации на материальный носитель осуществляется более простым путем и, как правило, не требует специальных познаний; 3) формы использования информации, содержащейся в мысленном образе, более разнообразны; они могут носить как процессуальный, так и непроцессуальный характер, применяться и при доказывании, и в розыскной деятельности следователя, для решения идентификационных и диагностических задач, для простого узнавания и углубленного распознавания, для установления как причинно-следственных связей, так и пространственных и временных связей и отношений¹.

Л.А. Суворова в своем диссертационном исследовании указывает, что идеальные следы имеют ряд специфических признаков: 1) идеальные следы (как и материальные) содержат в себе информацию об определенном событии применительно к процессу расследования, т. е. криминалистически значимую информацию; 2) содержащаяся в этих следах информация отражена (а затем воспринята) именно человеком; 3) человек воспринимает информацию с помощью органов чувств (в первую очередь с помощью зрения и слуха); 4) информация представляется в виде мысленных (памятных) образов (идеалов); 5) информация должна быть воспроизведена в доступной исследованию форме. Преимущественно информация передается (воспроизводится) в вербальной (словесной) форме (устно или письменно). Однако возможны и иные варианты ее передачи, например, в конклюдентной форме (т. е. с помощью жестов); 6) информация может быть извлечена из памяти человека средствами, допустимыми для использования в уголовном судопроизводстве (например, путем допроса, предъявления для опознания, в отдельных случаях с помощью полиграфа)².

Обнаружение, фиксация и исследование идеальных следов представляет объективную сложность, обусловленную недоступностью их для непосредственного восприятия, закрепления и изъятия.

Отдельную проблематику для правоохранительных органов и суда составляет оценка надежности, полноты, качества и достоверности воспроизведённой человеком идеальной следовой информации, связанная с невозможностью «отделения» следа расследуемого события от его носителя, характеризующегося специфическим статусом высших психических функций, а также обладающего собственным волеизъявлением и мотивацией на коммуникацию со следствием и (или) судом.

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 64, 65.

² Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике: Автореф. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 11–13.

Также стоит отметить, что Уголовный кодекс РФ содержит составы преступлений, которые совершаются не иначе, как путем «использования» вербальной информации, или совершаются таким образом, что не всегда имеют материального следа *de facto*: клевета, разглашение тайны усыновления, публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РФ, разглашение государственной тайны, заведомо ложный донос, оскорбление представителя власти и некоторые другие, в том числе — особо тяжкие (ст. 132 УК РФ, 135 УК РФ и т. д.). Поэтому при их расследовании единственное значение будут иметь следственные действия, направленные на извлечение, использование и оценку идеальной информации.

При этом наиболее актуальным является *вопрос соблюдения процессуальных норм и соотнесение возможностей науки к компетенции эксперта*, что требует определения объекта и предмета экспертизы с вопросами идеальной следовой информации и классификацию ее в системе родов/видов экспертиз.

На современном этапе развития судебной экспертизы, психологии и психофизиологии мнения разделилась. Одни ученые считают целесообразным выделение психофизиологической экспертизы с применением полиграфа как отдельного вида экспертизы, другие указывают на недопустимость применения психофизиологического исследования (ПФИ) с использованием полиграфа в судебной экспертизе. Данные позиции кажутся уязвимыми как со стороны права, так и со стороны научной обоснованности.

Верховный Суд РФ в своих обзорах и решениях четко и конкретно указывает на недопустимость судебных экспертиз, которые имеют единственную основу ПФИ. А именно: «<...>Уголовно-процессуальный кодекс РФ не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе. Данный вид экспертиз является результатом опроса с применением полиграфа, регистрирующего психофизиологические реакции на какой-либо вопрос, и его заключение не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства, соответствующего требованиям ст. 74 УПК РФ<...> где результаты психофизиологических исследований с использованием полиграфа не соответствуют требованиям, предъявляемым к заключениям экспертов, а представляют собой один из способов выработки и проверки следственных версий и не относятся к числу источников доказательств<...>. Согласно положениям ст. 57, 74, 75, 80 УПК РФ, выводы подобного исследования нельзя признать достоверными ввиду того, что отсутствует специально разработанная и достоверная методика, исключаяющая вероятностный характер высказанных суждений по определенному предмету, что влечет их недопустимость

с точки зрения их полноценности в процессе собирания, закрепления и оценки доказательств по уголовному делу<...>» и т. д.

Конституционный Суд РФ имеет подобную позицию: «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не регулирует использование полиграфа при проведении следственных и иных процессуальных действий, в том числе и экспертизы<...>».

Минюст РФ имеет еще более категоричную позицию. Так, в приказе от 19 сентября 2017 г. № 169 «О внесении изменений в приложения № 1 и № 2 к приказу Минюста России от 27.12.2012 N 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России», по сути, признаются не легитимными психофизиологические экспертизы, и вид экспертизы «Исследование психологии и психофизиологии человека» устанавливает изложить в следующей редакции: «Исследование психологии человека»; «Психологическое исследование информационных материалов». В перечне экспертных специальностей, пункт 20.1 изложить в следующей редакции: «20.1 «Исследование психологии человека»; 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов». В официальных пояснениях указывается, что «...изменяется наименование вида судебной экспертизы «Исследование психологии и психофизиологии человека» и экспертной специальности с исключением исследования психофизиологии человека, которое изначально планировалось осуществлять с использованием полиграфа. Поскольку до настоящего времени такие исследования наукой не обоснованы и не признаются допустимыми доказательствами, становления психофизиологической экспертизы как особого вида экспертной деятельности не произошло. В рамках таких экспертиз предлагается проводить только «исследования психологии человека».

С точки зрения научной обоснованности, выделение ПФИ как самостоятельного метода полиграфа также не адекватно. В соответствии с Межведомственной методикой (2018) производства судебных экспертиз с применением полиграфа объектом исследования являются «физиологические проявления протекания психических процессов, связанные с восприятием, закреплением, сохранением и последующим воспроизведением информации». Согласно Типовой методике, объектом исследования является «память», а также «физиологические проявления протекания психических процессов, связанных с восприятием, закреплением, сохранением и последующим воспроизведением информации».

Здесь стоит отметить два существенных момента. Во-первых, несмотря на непримиримые противоречия среди разработчиков указанных методик, суть определения объекта у них едина: «психические процессы, связанные с восприятием, закреплением, сохранением и последующим воспроизведением информации» — это определение памяти (память — форма психического отражения, закрепления, сохранения и последующего воспроизведения прошлого опыта). Во-вторых, память не является обособленным психическим процессом, который возможно было бы изолированно диагностировать и исследовать. Напротив, память — это общее обозначение комплекса познавательных способностей человека и высших психических функций по накоплению, сохранению и воспроизведению знаний и навыков. Психофизиологически запечатление, хранение и воспроизведение картин окружающего мира связаны с синтезом модально-специфических впечатлений; сила мнестической деятельности зависит от степени концентрации внимания на поступающую информацию, эмоционального отношения (заинтересованности) к ней, а также от общего состояния человека, степени тренированности и характера психических процессов и т. д.

Потому отчленить память как объект исследования от его «носителя» — человека с его спектром высших психических функций невозможно, профессионально не компетентно и грозит грубыми ошибками гносеологического и операционного видов. Это находит свое подтверждение процессуально, так как в криминалистической литературе подчеркивается, что «конкретным объектом судебно-экспертного исследования всегда является материальная субстанция: человек, вещь, животное, вещество»¹, а исследование идеальных следов (идеальной следовой информации), имеющих у человека, возможно в рамках психологической экспертной диагностики.

В соответствии с ГОСТом 57344–2016 «Судебно-психологическая экспертиза», психологическое экспертное исследование зафиксировано как одна из форм «применения специальных психологических знаний в судопроизводстве, часть судебной психологии как раздела юридической психологии», где объектом судебно-психологической экспертизы является психическая деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях, под которыми понимается период времени, в котором протекает подвергаемая экспертному исследованию психическая деятельность подэкспертного лица (предкрими-

¹ Мирский Д.Я., Ростов М.Н. Понятие объекта судебной экспертизы. Понятие объекта судебной экспертизы//Актуальные проблемы теории судебной экспертизы: Сб. науч. Тр. ВНИИСЭ. М., 1984.

нальная, криминальная, посткриминальная, следственная, судебная ситуации; в гражданском процессе — досудебная, судебная, постсудебная). *Предмет судебно-психологической экспертизы* определен как фактические данные о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия, устанавливаемые с помощью специальных знаний и практических навыков эксперта в области психологии путем исследования объектов, представленных на исследование. С учетом данных определений, нам представляется очевидным, что мнестическая деятельность человека, особенности протекания и реализации им высших психических функций по восприятию, хранению и воспроизведению значимой информации входят в предмет судебно-психологической экспертизы по вышеуказанному ГОСТу.

М.М. Коченов (2010) также указывает, что «общими принципами судебно-психологической экспертизы являются направленность исследования на анализ содержания и структуры индивидуального сознания людей в момент совершения конкретных поступков или отражения явлений действительности»¹. В Большом энциклопедическом словаре (2000) сознание определяется как «высшая форма психического отражения, свойственная общественно развитому человеку и связанная с речью, идеальная сторона целеполагающей деятельности»².

С учетом вышеизложенного, нами предлагается комплексный подход к ПФИ и включение метода полиграфа в систему психологических методов и соответственно психологической экспертизы, либо комплексной психолого-психофизиологической судебной экспертизы.

Данный подход успешно апробирован нами на базе Экспертного бюро судебной психофизиологии и поведенческого анализа. Заключение экспертиз с использованием данного подхода вошли в основу обвинений, приняты судами. В качестве примера приведем судебную экспертизу по уголовному делу № 1—105/2018 со следующими вопросами: «Способен ли потерпевший <...>, воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них адекватные (соответствующие действительности) показания?; Обладает ли потерпевший <...>повышенной внушаемостью, которая могла оказать существенное влияние на его показания?; Имеется ли у потерпевшего <...>повышенная склонность к фантазированию, которая могла оказать существенное влияние на его показания?; Имеется ли у потерпевшего <...> идеальная следовая информация относительно того, что<...> (указыва-

¹ Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза теория и практика. М., 2010. С. 12.

² Большой энциклопедический словарь. М., 2000.

ются фактические обстоятельства)?; Имеются ли у потерпевшего <...> индивидуально-психологические особенности (не связанное в психическим заболеванием отставание в психическом развитии, характерологические черты, свойства эмоционально-волевой сферы), которые могли существенно повлиять на его поведение в исследуемой ситуации?».

Методами данной экспертизы выступали: «психологический анализ материалов дела; биографический метод; наблюдение (стандартизированное, выборочное, включенное и невключенное в контролируемых условиях); объективное тестирование с использованием классического стимульного материала нейропсихологической диагностики (атлас А.Р. Лурия), направленное на изучение возможных отклонений и дефицитарности высших психических функций; тест-пробы на диагностику диапазона колебания (изменчивости) когнитивных и поведенческих установок; прикладной анализ поведения (applied behavior analysis) с опорой на МКБ10 и DSM4, направленное когнитивное интервью (cognitive interviews Geiselman Fisher); психоэмоциональный анализ лицевой экспрессии с использованием FACS, EmFACS, FACS-AID; метод «Алгоритм дихотомии критериев экспертной диагностики в векторе «идеальные следы»/ «инсценировка» И.А. Макаренко, Н.Ю. Васильевой; специальное психофизиологическое исследование (далее СПФИ) в виде направленного опроса с применением полиграфа».

В своем приговоре суд оценил заключения следующим образом: «<...>находит их относимыми и допустимыми доказательствами по делу, поскольку они выполнены соответствующими специалистами, имеющими специальные познания, эксперты предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, и они не противоречат иным объективным данным, установленным судом. Объективность выводов экспертов у суда сомнений не вызывает, поскольку сделанные ими экспертные заключения основаны на материалах настоящего уголовного дела. Экспертизы проведены с соблюдением правил и процедуры, предусмотренных уголовнопроцессуальным законом и соответствующими инструкциями, имеют надлежащее оформление, содержат мотивированные и непротиворечивые выводы, основания не согласиться с которыми у суда отсутствуют».

Данный пример является не единственным, но ярко иллюстрирующим правильность и обоснованность комплексного подхода к решению экспертных задач. Процессуально именно комплексный подход позволяет применить результаты психофизиологического исследования идеальных следов в совокупности с другими психологическими методами в качестве доказательства по уголовным делам.

Обзор практики производства ПФИ в системе СК РФ с января 2017 года по декабрь 2019 года

Одним из направлений деятельности Следственного комитета является разработка и внедрение в следственную практику современных технико-криминалистических средств и методик расследования преступлений, а также организация и осуществление экспертно-криминалистической деятельности, взаимодействие с экспертными и научно-исследовательскими учреждениями.

В целях эффективной реализации данного направления деятельности в Следственном комитете при Главном управлении криминалистики создано Управление организации экспертно-криминалистической деятельности и в 2009 году следственным управлением по субъектам выделены штаты для приема на службу специалистов-полиграфологов. На данный момент в системе СК РФ проходит службу 136 полиграфологов.

Анализ практики применения психофизиологических исследований (экспертиз) с применением полиграфа (далее-ПФИ) показывает значительную востребованность со стороны всех участников процесса. Положительный опыт использования полиграфа при расследовании уголовных дел, а также при вынесении судебного решения уже существует во многих субъектах Российской Федерации.

За три последних года количество проведенных исследований составило 21406 ПФИ (экспертизы — 8911, заключения специалиста — 12495), из них *(рис. 1)*.

При этом следует отметить, что правила проверки и оценки доказательств, закрепленные ст. 87, 88 УПК РФ, не позволяют придавать информации, полученной из какого-либо источника, приоритетное значение. Окончательная процессуальная оценка результатов ПФИ, проведенного в отношении того или иного субъекта судопроизводства (как и любой другой экспертизы или исследования), давалась только уполномоченным на то лицом — следователем, прокурором или судом путем сопоставления их с другими данными, имеющимися в материалах дела.

Данный вид исследования обычно назначался при наличии неустраиваемых противоречий в показаниях участников процесса или в случае противоречия между показаниями и другими доказательствами по делу.

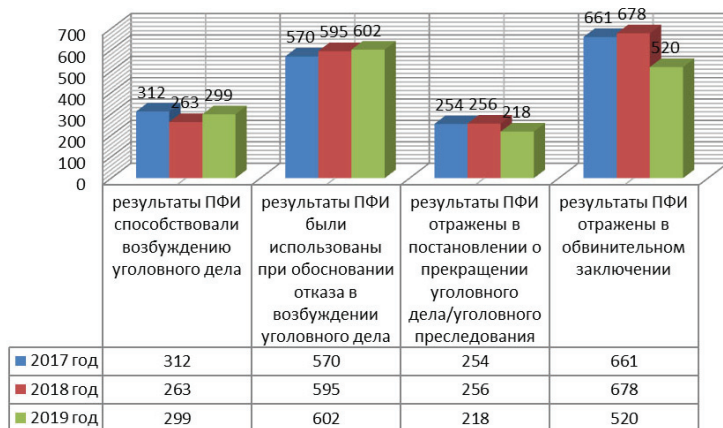

Рис. 1. Практики применения психофизиологических исследований (экспертиз) с применением полиграфа

Обследуемыми лицами при ПФИ могут быть любые участники уголовного судопроизводства: обвиняемые, подозреваемые, свидетели, потерпевшие. Основным требованием к проведению ПФИ, которое должно неукоснительно соблюдаться независимо от того, в отношении кого оно проводится, является наличие добровольного согласия со стороны обследуемого.

При расследовании преступлений нередко возникали случаи, когда доказательственная база уголовных дел основывалась преимущественно на показаниях свидетелей, в связи с этим с января 2017 года по декабрь 2019 года наиболее часто ПФИ назначались (рис. 2).

Практика ПФИ, проведенных по материалам о преступлениях (до или после возбуждения уголовного дела), показала следующие результаты (рис. 3).

В связи с объективно меньшими возможностями следственных органов в собирании доказательственной базы при расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных в прошлые годы, по причине совершения деяния в прошедший период, а не в настоящий момент, с 2017 по 2019 г. в отделе психофизиологических исследований на полиграфе управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации было проведено 128 ПФИ по ранее приостановленным производством уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях указанной категории. Более того, в ряде случа-

ев проведение данного исследования способствовало не только подкреплению имевшейся доказательственной базы, но и выдвижению и проверке новых версий, получению ранее не известной следствию информации.

Так, в 2009 году был обнаружен труп К. с признаками насильственной смерти. При судебно-медицинском исследовании трупа было установлено, что смерть потерпевшего наступила в результате механической асфиксии, вдавления органов шеи неустановленным предметом.

По данному факту возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

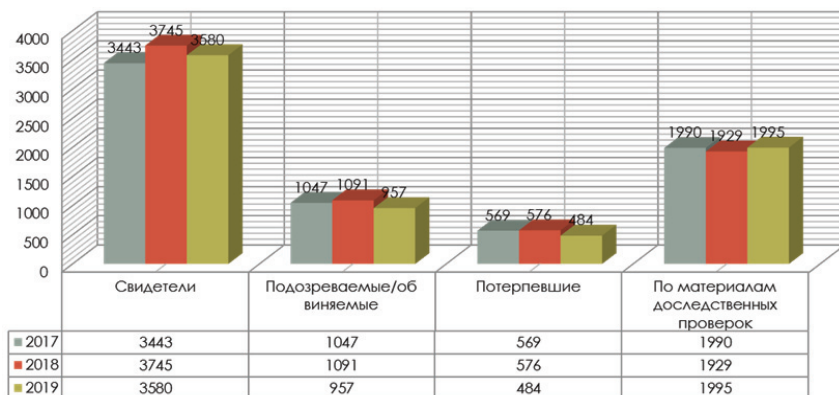

Рис. 2. Участники уголовного судопроизводства, в отношении которых назначались ПФИ

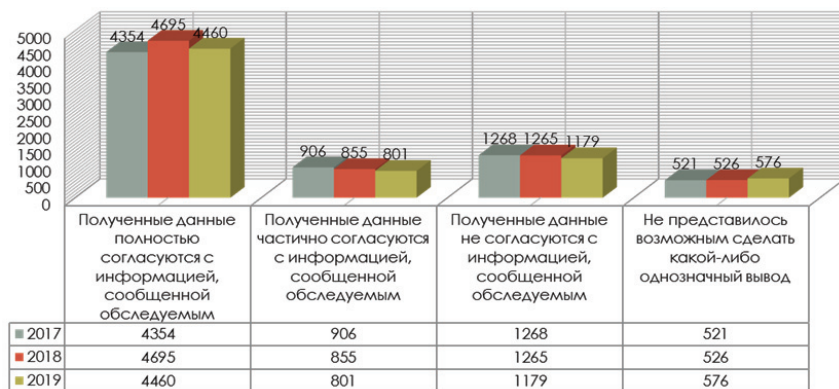

Рис. 3. Практика ПФИ, проведенных по материалам о преступлениях

В 2009–2010 годах отрабатывались все выдвинутые следствием версии, были допрошены лица, с которыми потерпевший находился в близких отношениях — родственники, сослуживцы, друзья и приятели, с которыми он наиболее часто общался. В связи с тем, что потерпевший в состоянии алкогольного опьянения становился агрессивным и мог спровоцировать конфликт, были допрошены лица, с кем потерпевший находился в неприязненных или открыто враждебных отношениях. Данные версии также не подтвердились.

В ходе подворного обхода установлено, что каких-либо конфликтов в указанных адресах не происходило.

С 2009 года достоверных данных об убийстве К. не имелось.

Предварительное следствие по данному уголовному делу было приостановлено.

В 2018 году родственники потерпевшего в ходе личного приема обратились к Председателю Следственного комитета Российской Федерации, с просьбой, возобновить расследование данного убийства и продолжить поиски преступника.

После чего уголовное дело было передано для дальнейшего расследования в центральный аппарат Следственного комитета.

В 2018 году следствие по уголовному делу было возобновлено.

Изначально подозрения к совершенному убийству пали на одного из жителей поселка, на некоего Ж., так как в день убийства он несколько раз ходил ловить рыбу на пруд «Б.», проходил мимо того места, где был обнаружен труп потерпевшего. Следствием было установлено, что Ж. ранее никогда не увлекался рыбалкой, об этом он сам лично подтвердил в ходе допроса, но в день убийства он несколько раз ходил на пруд «Б.».

В связи с тем, что потерпевший по месту жительства характеризовался отрицательно, часто употреблял спиртные напитки, в состоянии алкогольного опьянения постоянно грубил местным жителям, а также в их адрес выражался нецензурными словами, провоцировал драки, руководителем следственной группы было принято решение о проведении ПФЭ в отношении Ж. Следователи пришли к мнению, что у потерпевшего с Ж. произошел конфликт на том месте, где тело К. было в последующем обнаружено.

Ж. свою причастность к смерти К. полностью отрицал, утверждая, что мотив совершения преступления у него отсутствовал. Ему было предложено пройти ПФЭ, на что он дал свое согласие.

По результатам ПФЭ у него не было выявлено психофизиологических реакций, свидетельствующих о том, что он располагает информацией о деталях убийства К.

На первоначальном этапе расследования уголовного дела следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями установить лицо, причастное к совершению преступления, не представлялось возможным, по этой

причине в целях отработки выдвинутых версий следственной группой было принято решение о проведении ПФЭ в отношении всех «заподозренных» знакомых и друзей потерпевшего.

Допрошенный в качестве свидетеля С. пояснил, что к совершенному преступлению он не причастен и не располагает о случившемся.

С. было предложено пройти ПФЭ, на что он дал свое согласие. Еще на стадии предтестовой беседы у эксперта-полиграфолога сложилось мнение о том, что в поведении обследуемого прослеживаются психологические признаки неискренности.

В ходе предъявления проверочных тестов было установлено, что обследуемый намерено противодействовал процедуре тестирования. Об этом обследуемому неоднократно говорилось, однако противодействие повторялось и в ходе других встреч с экспертом.

По результатам незавершенного исследования эксперт-полиграфолог сделал предварительные выводы о том, что обследуемое лицо владеет информацией об убийстве К., кроме этого в ходе тестирования С. противодействовал, и в его рассказе прослеживалось рассогласование в поведенческих признаках.

На первоначальном этапе не было доказательной базы, относительно причастности С. к убийству К., кроме результатов не до конца проведенного ПФЭ.

Через два месяца в начале 2019 года на футболке потерпевшего эксперты-генетики установили пятно крови, принадлежащее постороннему человеку. После чего экспертами-генетиками было проведено сравнительное исследование обнаруженного пятна крови с биологическими объектами всех заподозренных лиц, которое показало, что пятно крови принадлежало С.

После предъявления результатов геномной экспертизы, а также полиграфического исследования с выводами о наличии признаков противодействия, С. дал частичные признание о совершенном преступлении, пояснив, что, когда он с потерпевшим пошел на рыбалку, то по пути у них произошел конфликт, в ходе которого С. нанес несколько ударов по телу потерпевшего. Ему не было известно о том, что К. умер от механической асфиксии. Он не убивал К.

В целях отработки выдвинутой С. версии, следователями было принято решение о проведении дополнительной ПФЭ в отношении С., на что он дал свое согласие.

Во время проведения ПФЭ на стадии предтестовой беседы С. дал дополнительные признание о совершенном преступлении и пояснил, что в какой-то момент драки с потерпевшим, он стал руками удерживать шею, чтобы потерпевший успокоился и перестал наносить ему (С.) удары. После чего К. перестал сопротивляться и не подавал признаков жизни. К. остался лежать на земле, а С. ушел к себе домой. О совершенном преступлении С. никому не говорил.

После дачи новых показаний ему также было предложено пройти ПФЭ с целью их подтверждения. В результате ПФЭ выявлены психофизиологические реакции, согласующиеся с ранее сообщенной им на предтестовой беседе информацией.

По результатам собранных доказательств С. предъявлено обвинение в совершении убийства. Во время следственных действий подозреваемый показал, каким способом он лишил жизни К.

Следующий пример, который приведен ниже, это тот пример, когда специалист-полиграфолог, имея минимум информации, помог раскрыть преступление, правильно выбрав тактику исследования, были установлены лица, совершившее особо тяжкое преступление.

12 августа 2014 года в дежурную часть отдела полиции по Козловскому району МО МВД России «Мариинско-Посадский» обратилась П., с заявлением о розыске своей дочери С., которая утром 12.08.2014 г. ушла на школьную практику в СОШ г. Козловка и домой не вернулась, сотового телефона при себе не имела.

В ходе проведения неотложных проверочных мероприятий было установлено, что 12.08.2014 около 11 часов, малолетняя С. с пластмассовым ведром вышла из школы по направлению к своему дому, но домой не дошла.

По факту исчезновения малолетней С. Цивильским межрайонным следственным отделом следственного управления 13 августа 2014 года возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

По розыску С. руководством следственного управления СК России по Чувашии, совместно с МВД Чувашии, УФСИН Чувашии и МЧС Чувашии были организованы масштабные поисковые мероприятия с задействованием также и общественности.

Были незамедлительно проведены ряд следственно-оперативных мероприятий, в том числе были изъяты видеозаписи с камер видеонаблюдения (безопасный город), предприятий и учреждений города, после просмотра которых установлено, что разыскиваемая передвигалась из школы по обочине вдоль автомобильной трассы в сторону своего дома.

Было принято незамедлительное решение по установлению всех владельцев автомобилей, которые проезжали по этой трассе в этот промежуток времени.

Одним из прочих автотранспортных средств, которое было установлено, принадлежало жителю города Зеленодольска соседней республики Татарстан, который приехал в город Козловка с целью покупки строительных материалов.

В отношении данного владельца автомобиля — К., жителя Республики Татарстан было решено провести ПФИ.

О том, что неизвестно пропала малолетняя С., ему, изначально, не говорили, это было необходимо для более качественного проведения ПФИ. Так как проведе-

ние ПФИ целесообразно на начальной стадии предварительного расследования, в тот момент, когда до минимума сведена «утечка» информации о преступлении и его деталях вовне, поскольку практика ПФИ показывает, что осведомленность испытуемых о тонкостях дела, существующих версиях и т. д. вносит в работу специалиста дополнительные сложности.

В целях проверки на причастность к безвестному исчезновению малолетней С., К. было предложено пройти ПФИ, на что он дал свое согласие.

13.08.2014 в ходе тестирования на полиграфе участнику ПФИ предъявлены два установочных и шесть проверочных тестов.

В ходе ПФИ были выявлены психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что К. располагает следующей информацией:

- 13 августа 2014 года в городе Козловка он сажал ребенка в машину;
- при ребенке было ведро;
- на ребенке была майка желтого цвета;
- на ребенке были джинсовые брюки.

Так как, время уже было 22 часа, обследуемый предложил перенести данное исследование на следующий день, после чего ПФИ было приостановлено.

По результатам незавершенного исследования специалист-полиграфолог сделал предварительные выводы о том, что обследуемое лицо владеет информацией об исчезнувшей девочке, так как такими частными (искомыми) признаками, которые были указаны в тестах, могло владеть только то лицо, которое знало об обстоятельствах ее исчезновения.

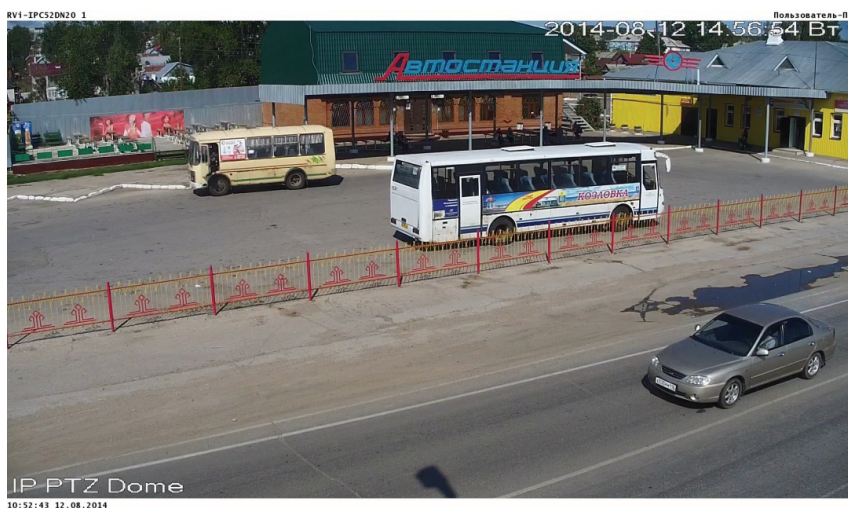

Рис. 4. Автомобиль KIA, зафиксированный камерой видеонаблюдения

Доказательственной базы для задержания К. практически не было, кроме результатов не до конца проведенного ПФИ. На оперативном совещании при руководстве следственного управления СК России по Чувашской Республике, специалист-полиграфолог подтвердил свои предварительные выводы о возможной причастности обследуемого, после чего было решено специалиста-полиграфолога допросить по проведенному ПФИ и допрос специалиста приложить к доказательной базе для последующего решения вопроса о задержании К.

В последующем незамедлительно проведены ряд следственных действий связанных с К. (изъятие образцов для генетической экспертизы, осмотр автомобиля, обыск жилого дома и др.). Было также решено завершить ПФИ в отношении него, он дал свое согласие. Но, до начала ПФИ, К. дал признательные показания о совершенном преступлении и пояснил, что 12 августа 2014, когда он проезжал по автомобильной дороге в городе Козловка, он увидел, как вдоль дороги шла молодая девушка, с которой он захотел вступить в половую связь и по этой причине остановившись возле нее, предложил довести ее до места жительства. Разыскиваемая, легко вошла в доверие К., так как ей было всего 11 лет. После того, как разыскиваемая села в автомашину К., тот обманным путем развернув автомашину, поехал с ней в сторону республики Татарстан.

Впоследствии по пути следования остановившись в лесополосе, К. совершил в отношении малолетней насильственные действия сексуального характера, после чего нанес ей множество ножевых ранений, в результате которых она скончалась.

Закопал он С. недалеко от трассы в направлении Зеленодольска Республики Татарстан. Ведро, которое было при ней, он сжег вместе с ее вещами, в том числе — желтую футболку и синие джинсовые брюки, о которых при исследовании на полиграфе у «заподозренного» и были выявлены психофизиологические реакции.

В результате проведенных следственных действий с участием подозреваемого труп малолетней С. был обнаружен.

Также, в Следственном комитете имеются примеры, когда результаты ПФИ, оформленные заключением эксперта, в совокупности с другими имеющимися в распоряжении суда доказательствами положены в основу приговора суда.

Так, Московским следственным отделом на воздушном и водном транспорте Московского межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации расследовалось уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ.

Предварительным следствием установлено, что неустановленное должностное лицо из числа инспекторов отдела специальных таможенных процедур аэропорта Шереметьево (пассажирский) Шереметьевской таможни 26.08.2014 в при-

мерный промежуток времени с 20 часов 00 минут до 20 часов 19 минут, находясь в одном из служебных помещений Шереметьевской таможни в зале «вылета» терминала D аэропорта Шереметьево, при осуществлении таможенного контроля и таможенных процедур в отношении пассажиров получило от М. взятку в размере 100 000 российский рублей за не составление в отношении нее административного материала и не привлечение к административной ответственности, предусмотренной ст. 16.4 КоАП РФ.

В ходе предварительного следствия возникла необходимость в проведении ПФЭ в отношении свидетеля Б. (сотрудник таможни), а также в отношении потерпевшей М. На основании постановления следователя в отношении них были проведены ПФЭ, в ходе которых выявлены психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что Б. располагает информацией о возможной причастности к совершенному преступлению; М. располагает информацией о том, что сотрудница таможни Б. в отношении нее совершила преступление.

В ходе предварительного следствия и судебном заседании Б. виновной себя в совершении преступлений не признавала.

Результаты ПФЭ в отношении Б. были оформлены заключением эксперта и положены судом в основу обвинительного приговора.

Приговором Химкинского городского суда Московской области Б. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что сложившаяся следственная практика в Следственном комитете Российской Федерации показала, что психофизиологическое исследование (экспертиза) с применением полиграфа востребовано и носит исключительно полезную информацию по ключевым для раскрытия преступления вопросам, помогающую выйти казалось бы из самых тупиковых ситуаций, в связи чем работу по внедрению в следственную практику возможностей ПФИ следует продолжать и развивать.

М.А. Савицкий, А.Ю. Николаев

Проблемы методического обеспечения судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа

В конце 1990-х годов ведущие российские ученые-криминалисты теоретически обосновали допустимость проведения исследований с применением полиграфа (далее — ИПП) в форме судебной психо-

физиологической экспертизы¹ (далее — СПфЭ). Вскоре это теоретическое положение получило практическое воплощение: в 2001 г. одним из авторов данного доклада было осуществлено первое в России производство СПфЭ.

В 2005 г. СПфЭ была признана Верховным Судом РФ, который согласился с её выводами, отметив, что «правомерно положено в основу приговора заключение эксперта-полиграфолога от 28.01.2003 г. в отношении Л., так как... оно получено в соответствии с требованиями закона и является научно обоснованным» (кассационное определение № 1–21/05 от 29.06.2005 г., СПфЭ выполнена одним из авторов данного доклада).

В течение короткого времени новый вид экспертизы прошёл этап становления: авторы данного доклада в Институте криминалистики ФСБ (далее — ИК ФСБ) успешно адаптировали технологию ИПП к производству СПфЭ.

Вслед за ИК ФСБ производство СПфЭ стали осуществлять полиграфологи других ведомств, которые, к сожалению, не получили соответствующей подготовки и далеко не всегда обладали необходимыми знаниями.

Толчком к резкому росту количества экспертиз послужила так называемая «Видовая экспертная методика производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа» (далее — «Видовая методика»), инициативно подготовленная группой авторов².

Вскоре выяснилось, что «Видовая методика» (объёмом всего в шесть с половиной страниц) обладала целым рядом ошибок и изъянов, производство по ней СПфЭ было невозможно из-за отсутствия алгоритма проведения исследования, а предлагаемые в ней выводы эксперта оказались процессуально недопустимы. Позднее выяснилось, что «Видовая методика» вообще была введена в действие без установленного этапа апробации³.

¹ См.: *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Т. 3. М., 1997; *Корухов Ю.Г.* Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: научно-практическое пособие. М., 1998.

² Видовая экспертная методика производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа // Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью: Матер. междунар. науч.-практ. форума. Саратов, 2006. С. 90–96.

³ См.: *Николаев А.Ю.* Оценка качества психофизиологических исследований: полемика и практические последствия // Уголовный процесс. 2013. № 10. С. 77–83; *Орлов Ю.К., Холодный Ю.И.* О методическом обеспечении судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Расследование преступлений: проблемы и пути их решений. 2016. № 2. С. 144–150.

Тем не менее, создатели методики активно её рекламировали, в связи с чем «Видовая методика» получила значительное распространение в среде низкоквалифицированных специалистов. Обсуждение недостатков и ошибок «Видовой методики» выходит за рамки данного доклада: они давно и подробно разобраны в различных юридических изданиях, обсуждались на различных научных конференциях, в том числе проводимых РГУП и МГЮА¹.

Несколько лет практики производства СПФЭ по «Видовой методике» привели к тому, что суды с начала 2010-х годов всё чаще стали исключать результаты таких экспертиз из числа доказательств по уголовным делам, а само производство таких экспертиз объявлялось недопустимым. Позднее один из соавторов «Видовой методики», Я.В. Комиссарова, заявила, что применение полиграфа не имеет научной основы, что вновь заставило усомниться в ценности указанного «методического» документа и компетентности его разработчиков.

Отметим, что в обзоре кассационной практики за II полугодие 2012 г., утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 03.04.2013 г., в п. 5.2.1. обоснованно указано, на основании каких нарушений ИПП признавались недопустимым доказательством Верховным Судом РФ, и были приведены ссылки на заключения, выполненные с использованием положений «Видовой методики».

Научное обоснование технологии использования полиграфа в целях диагностики у человека скрываемой им информации о событиях прошлого, изучение граничных условий применения такой технологии и обобщение накопленного опыта выполнения ИПП различного целевого назначения позволили одному из авторов данной статьи предложить «Методику производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа» (далее — «Методика ИК»).

В 2009 г. «Методика ИК» была одобрена и введена в действие ИК ФСБ и с тех пор вполне успешно применяется для производства СПФЭ экспертами, подготовленными в этом экспертном учреждении. К со-

¹ См.: Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Процессуальные проблемы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Уголовный процесс. 2013. № 3. С. 28–35; Подшибякин А.С., Холодный Ю.И. Оценка качества криминалистических исследований и экспертиз с применением полиграфа // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 60–66; Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Использование полиграфа в уголовном процессе: рекомендации по оценке экспертизы // Уголовный процесс. 2013. № 8. С. 64–73; Николаев А.Ю. Оценка качества психофизиологических исследований...; Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Использование полиграфа в уголовном судопроизводстве: задачи следователя // Уголовный процесс. 2015. № 1. С. 62–67.

жалению, эта методика — в силу ряда объективных и субъективных причин — не получила должного распространения в экспертной среде.

Последующие годы показали, что многие полиграфологи, не имеющие специальной экспертной подготовки, не знают, что технология производства СПфЭ существенно отличается от технологии ИПП в условиях оперативно-розыскной деятельности, и с легкостью берутся за производство таких экспертиз.

Авторам доклада по роду деятельности доводилось изучать материалы экспертиз, в которых не знающие технологию СПфЭ «эксперты» использовали тесты из практики кадрового отбора либо предъявляли подэкспертному тесты по одному разу (вместо требуемых трёх-пяти предъявлений) и т. п.

Стремясь вывести СПфЭ из тупика, созданного «Видовой методикой», в 2014 г. с одобрения Следственного комитета РФ Ю.И. Холодным и Ю.К. Орловым была разработана «Типовая методика производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа»¹ (далее — «Типовая методика»). Технология, изложенная в «Типовой методике», была разработана в ИК ФСБ, впервые применена одним из авторов этой статьи в 2003 г. при производстве СПфЭ по одному из резонансных дел, позволив доказать непричастность обвиняемого в инкриминированном ему убийстве двух человек.

Оставляя за рамками сегодняшней дискуссии анализ «Типовой методики» (это уже было сделано ранее²) отметим, что её апробации не была проведена, хотя СК России в 2015 г. подготовил для этого два десятка специалистов³.

Отсутствие типовой методики СПфЭ открыло полиграфологам, не имеющим специальной подготовки, практически безграничные возможности получать с помощью полиграфа любые (в том числе — подпадающие под действие ст. 307 УК РФ) результаты и при этом избегать ответственности, поскольку они «ничего не нарушали».

¹ Холодный Ю.И., Орлов Ю.К. Типовая методика производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. М., 2014. — 53 с.

² См.: Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Проведение исследований с применением полиграфа в форме судебной психофизиологической экспертизы // Вестник Академии СК России. 2015. № 1. С. 251–257; Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. О методическом обеспечении... и др.

³ Аверьянова Т.В., Майлис Н.П., Холодный Ю.И. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: хаос и его причины // Уголовный процесс. 2018. № 10. С. 70–79.

На протяжении нескольких последних лет прилагались усилия по созданию единой (для федеральных ведомств) методики производства СПфЭ. Наконец, в 2018 г. такая «Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа»¹ (далее — «Межведомственная методика») была создана «группой специалистов различных ведомств», утверждена (в частности, в МВД, ФСБ, МО и СК России), но — что весьма показательно — не была введена в действие ни одним из ведомств-создателей. Любопытно также отметить, что этот нормативный документ был подготовлен специалистами, большинство из которых не имели опыта производства СПфЭ, а некоторые из их числа, никогда не проводили ИПП.

Следует признать, что «Межведомственная методика» содержит целый ряд ошибок методического и процессуального характера, среди которых наличие четырех предметов исследования, несколько вариантов выводов эксперта, противоречащих друг другу, и т. д.

Например, по мнению авторов «Межведомственной методики» объектом СПфЭ, с одной стороны, являются «носители информации, необходимой для решения экспертных задач, которые могут быть представлены в распоряжение эксперта в установленном законом порядке: подэкспертный, материалы дела, вещественные доказательства». Вместе с тем, с другой стороны, это — «физиологические проявления протекания психических процессов, связанных с восприятием, закреплением, сохранением и последующим воспроизведением подэкспертным информации о юридически значимом событии». Такая позиция неизбежно породила вопросы: почему далеко не идентичные понятия — «носители информации» и «физиологические проявления протекания психических процессов» — избраны объектами исследования в ходе СПфЭ? Ведь еще первая рабочая группа, образованная ФМКМС в 2006 г., установила, что «объектом СПфЭ является память человека»².

Аналогичным образом авторы «Межведомственной методики» поступили и с предметом экспертизы, определив его и как «решение задач, которые стоят перед экспертом», и как «динамику психофизиологических реакций, обусловленную возможно имеющейся у подэкспертного информацией, связанной с юридически значимым событием».

По мнению Е.Р. Россинской, «предмет судебной экспертизы составляют фактические данные (обстоятельства дела), исследуемые

¹ Межведомственной методики производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа. М., 2018. — 30 с.

² Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 1 (25). С. 33.

и устанавливаемые в гражданском, административном уголовном и конституционном судопроизводстве на основе специальных знаний в различных областях науки и техники, искусства и ремесла»¹.

Поэтому трудно согласиться с авторами «Межведомственной методики», что предметом конкретной СПфЭ является «решение задач, которые стоят перед экспертом»: это общее положение для экспертов любой специальности. Основная цель СПфЭ заключается не в решении задач вообще, а в установлении наличия у подэкспертного информации о фактах (фактических данных), которая хранится в его памяти и имеет значение для уголовного, гражданского и иных дел.

В целом «Межведомственная методика» была подвергнута обстоятельной, аргументированной критике². Показательно, что на этапе разработки методики рабочую группу покинули представители РФЦСЭ при Министерстве юстиции в связи с тем, что их существенные критические замечания и предложения в отношении ошибок «Межведомственной методики» игнорировались «группой специалистов». Закономерно, что вследствие указанных обстоятельств «Межведомственная методика» не прошла согласование в Минюсте и по тем же причинам в Минздраве России.

На текущий момент приходится констатировать, что ни в одном из ведомств (за исключением ФСБ России) официально принятой методики СПфЭ не существует. В итоге нерешенность методических вопросов использования полиграфа наносит прямой ущерб следственной работе: не обремененные знаниями умельцы от полиграфа, как было упомянуто выше, могут допускать любые отклонения от методических требований, формулировать выводы СПфЭ в процессуально неприемлемом виде, либо в особо ответственных ситуациях, ссылаясь на надуманные доводы, попросту уваливать от производства экспертизы.

Для иллюстрации приведем лишь один — из длинного ряда примеров — случай методического волюнтаризма, с которым довелось столкнуться в ходе следствия по одному из резонансных уголовных дел.

¹ *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 24.

² См.: *Аверьянова Т.В., Майлис Н.П., Холодный Ю.И.* О межведомственной методике производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019.. С. 31–37; *Борисова О.А., Хейфец Л.С.* Использование результатов психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в судебном процессе: методические и правовые аспекты // Там же. С. 77–83.

Это — показательный случай откровенного уклонения от СПфЭ в интересах одного из фигурантов уголовного дела: полиграфолог СК России (далее — О. К.) в ответ на вынесенное следователем постановление вместо производства экспертизы составила «Сообщение о невозможности дачи заключения»¹ (далее — СоНДЗ).

Не обладая медицинским образованием, О. К. вышла за пределы своей компетенции, заявив, что заболевания подэкспертного «непосредственно воздействуют на состояние сердечно-сосудистой и нервной системы человеческого организма».

Желая «подкрепить» своё некомпетентное суждение, она отметила, что перечисленные заболевания «приводят к хаотичности реакций (терминология О. К. — авт.), наблюдаемых в фотоплетизмограмме (канале регистрации работы сердечно-сосудистой системы) и канале кожно-гальванической реакции (канал регистрации работы нервной системы)». По мнению О. К., это «приводит к неадекватности реагирования обследуемого лица на заведомо значимые стимулы и низкой валидности (надежности) получаемых результатов». Написав наукообразные фразы и стремясь «еще полнее» обосновать «необходимость» своего отказа от производства СПфЭ, О. К. констатировала, что «указанные хронические заболевания при выраженном психотравмирующем характере процедуры ПФИ (т. е. психофизиологического исследования — авт.) могут привести к резкому обострению этих заболеваний, не исключая инсульта и инфаркта».

Надуманное заявление О. К. о «выраженном психотравмирующем характере процедуры ПФИ», будучи глубоко некомпетентным и вводящим следствие в заблуждение, вступало в противоречие с «Инструкцией об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации». Согласно п. 1.2 указанной инструкции, «психофизиологическое исследование с применением полиграфа (далее — ПФИ) — процедура..., сопряженная с использованием технических средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей...». Если бы ИПП (и, тем более — СПфЭ) обладало «выраженным психотравмирующим характером», едва ли они были разрешены к использованию в России, и ими бы пользовались около 80 стран мира. В целом, небольшой, в полторы странички СоНДЗ содержал несколько грубых методических ошибок, а на откровенное уклонение О. К. от производства СПфЭ указывал тот факт, что подготовка СоНДЗ была начата и окончена в один день, и документ тут же был отправлен следователю.

¹ «Сообщение о невозможности дачи заключения» от 19.09.2015 г. в рамках следствия по уголовному делу № 1170700701000036.

Данный пример приведен не случайно: он наглядно показывает, что в условиях отсутствия добротной методики производства СПфЭ некомпетентный, безответственный или ангажированный полиграфолог волен поступать, как ему заблагорассудится.

Следует отметить, что по признанному О. К. «непригодному» объекту один из авторов данного доклада успешно осуществил производство СПфЭ, результаты которой послужили одним из оснований для принятия обоснованных процессуальных решений и нашли свое подтверждение фактическими данными, собранными по уголовному делу.

Проблема убогой квалификации полиграфологов, которых уверили, что они специалисты в области СПфЭ, сформировалась около десяти лет назад, когда один из московских вузов, взяв за основу «Видовую методику», начал проводить краткосрочное обучение на курсах «Информационное и правовое обеспечение психофизиологических исследований с использованием полиграфа в уголовном судопроизводстве». Произошла подмена понятий: взамен методического обеспечения производства СПфЭ было введено «информационное и правовое обеспечение», что далеко не одно и то же. (В частности, указывая свой «квалификационный» статус, упомянутая выше О. К. сослалась на удостоверение этих курсов.)

Сложившееся положение с практикой применения СПфЭ послужило причиной, заставившей авторов доклада, которые непосредственно связаны со следственной практикой и хорошо знают её потребности в части использования полиграфа, взяться за анализ сложившейся ситуации. Обзор практики показывает, что в настоящее время в стране едва ли наберётся более полутора десятков полиграфологов, способных компетентно осуществить производство СПфЭ.

При производстве экспертиз полиграфологи, ссылающиеся на так называемую «Видовую методику», или «Межведомственную методику», не учитывают (из-за указанных ошибок) индивидуальные особенности исследуемых лиц, тем самым отрицая положения дифференциальной психофизиологии, вследствие чего их заключения не могут иметь доказательный характер. Результаты ИПП оформляются «справками», «исследованиями», но тем не менее направляются в органы следствия.

В этой связи показательно заявление, сделанное М.Ю. Игнатьевой в рамках научно-практического семинара РГУП, согласно которому если полиграфолог «чувствует в себе силы написать заключение эксперта, то он пишет заключение эксперта, нет — заключение специалиста».

Отметим, что применение специальных знаний в процессуальных условиях разграничивает полномочия эксперта и специалиста,

при этом специалист, в отличие от эксперта, исследований не проводит. Согласно ст. 58 УПК РФ, специалист может привлекаться «для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов», для содействия «в применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела», а также для «постановки вопросов эксперту».

Очевидно, что проведение ИПП не соответствует указанным положениям ст. 58 УПК РФ и ими не определяется.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» разъясняется, что «специалист не проводит исследование ... доказательств..., а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому, в случае проведения исследования, должна быть проведена судебная экспертиза» (п. 20).

Тем не менее, руководитель отделения «исследований на полиграфе» (терминология доклада М.Ю. Игнатьевой сохранена) одного из региональных подразделений СК РФ заявляет, что результаты исследований с применением полиграфа в уголовном судопроизводстве допустимо оформлять «заключением специалиста», при этом критерием выбора формы представления результатов исследования объявляются не требования положений УПК или постановления Пленума ВС РФ, а субъективные ощущения — «чувствует ли в себе силы» полиграфолог.

Стоит ли после этого удивляться, что судебные органы страны включают результаты СПфЭ из материалов уголовных дел, объявляя их недопустимыми доказательствами?

Вопрос — является ли выполнение исследования с применением полиграфа в форме экспертизы допустимым с процессуальной точки зрения? — давно и успешно решен отечественной юридической наукой.

Основная проблема текущего момента заключается в том, что налицо пропасть, которая пролегла между принципиальной допустимостью проведения СПфЭ, с одной стороны, и поразительной некомпетентностью специалистов, которые, даже не определившись с объектом и предметом этого экспертного исследования, безуспешно пытаются создать — вместо научно-обоснованной типовой методики производства СПфЭ — очередной клон безграмотной «Видовой методики».

Чтобы выйти из сложившегося тупика и оказать помощь следственной работе различных федеральных ведомств, представляется целесообразным рекомендовать ведомствам — до введения в действие типовой методики производства СПфЭ — сократить количество выносимых постановлений о назначении таких экспертиз.

Диагностика информированности личности о расследуемом событии: от наблюдений следователя — к судебной психологической экспертизе

Как показывает практика расследования преступлений, следователя и суд интересует отнюдь не память человека как высшая психическая функция, не физиологические основы психической деятельности и поведения подэкспертного, не динамика его вегетативных, двигательных и прочих реакций, а ответ на прямой, пусть юридически и не вполне корректный, вопрос — «Лжет человек, рассказывая о преступлении или нет?».

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова «ложь» определяется как намеренное искажение истины, неправда, обман, а «истина» («правда») — как адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно, что соответствует реальному положению вещей¹.

Из указанных определений наглядно видно, что тот человек, который не знает правды (реального положения вещей), не сможет намеренно ее исказить, т. е. не сможет солгать. В связи с этим обозначенный выше вопрос можно перефразировать в следующую форму: «Знает ли человек о преступлении, именно, правду, т. е. то, что произошло в действительности?».

Как следует из Нового словаря русского языка Т.Ф. Ефремовой, сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах (т. е. истина, правда), воспринимаемые человеком, называются информацией². Поэтому один из «основных вопросов» следователя и суда трансформируется в более конкретную форму: «Какой информацией о преступлении, действительно обладает человек?»

Наличие сведений, знаний о чем-либо, обладание информацией о чем-либо, называется осведомлённостью, а хорошая осведомленность, владение большим объемом информации — информированностью³.

Осведомленность допрашиваемого лица о преступлении уже являлась объектом внимания юридической науки. При этом акцент делался

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2005. С. 368.

² Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <https://www.efremova.info/word> (дата обращения: 12.01.2020).

³ Там же. URL: <https://www.efremova.info/word> (дата обращения: 12.01.2020).

именно на так называемой «виновной осведомленности»¹, т. е. на обладании такими детальными сведениями о преступлении, знать о которых может только непосредственный участник преступного события (в первую очередь — сам преступник).

Действительно, многие правонарушения и преступления совершаются либо вообще без свидетелей, либо свидетели недостаточно полно и качественно запоминают обстоятельства преступления. Бывает так, что даже потерпевшие в силу различных причин (нападение сзади, темное время суток, сильнейшее эмоциональное возбуждение и т. д.) оказываются слабо осведомлены о конкретных деталях преступления. Поэтому часто подробности совершения преступления (а особенно, подробности подготовки к нему) хорошо знает только сам преступник.

Понятно, что если лицо, отрицающее свою причастность к преступлению (и главное — отрицающее свою осведомленность о деталях преступления), в процессе следствия продемонстрирует каким-либо образом (вольно или невольно) свою «виновную осведомленность» (например, знание о точном количестве участников преступления, об определенном оружии преступления и т. п.), то можно будет сделать высоковероятностный вывод о причастности данного лица к расследуемому преступлению.

В процессе следствия преступники часто демонстрируют так называемые «улики поведения» — вербальные (слова, интонации, паузы в речи т. д.) и невербальные (движения, мимика, жесты и т. д.) реакции, которые свидетельствуют о знании ими конкретных обстоятельств события преступления. Указанными «признаками» виновной осведомленности часто пользуются практические работники для формирования версий о причастности/непричастности (виновности/невиновности) лица к расследуемому событию.

Но если термин «*виновная осведомленность*» больше подходит преступнику, то относительно других участников расследуемого события (свидетель, потерпевший) более корректным будет говорить просто об их осведомленности или информированности о конкретных деталях преступления.

В данной работе автор вводит понятие «информированность личности о событии» и предлагает определить его как личностную характеристику, выражающуюся в наличии у человека системы объективных знаний и субъективных представлений о конкретном случае, произошедшем в его жизни. Если событие, произошедшее с человеком, явля-

¹ Мозяков В.В. Руководство для следователей. М., 2005. С. 357–360.

ется юридически значимым (например, содержит признаки преступления), оно попадает в «поле зрения» соответствующих государственных органов. Поэтому *«информированность личности о расследуемом событии»* можно определить как составляющую индивидуального опыта личности, выражающуюся в наличии у человека относительно устойчивой системы объективных знаний и субъективных представлений о конкретном событии его жизни, обстоятельства которого сейчас расследуются правоохранительными органами¹.

Опыт человека — это психологический феномен, это «знание, приобретенное человеком в процессе непосредственных переживаний, впечатлений, наблюдений, практических действий»².

Поэтому для изучения опыта и его составляющих (знаний, представлений, осведомленности, информированности и т. д.) необходимо применять методы психологической диагностики.

По нашему мнению, для психологической диагностики информированности личности о расследуемом событии можно использовать следующие методы.

1. Биографический метод (психологический анализ материалов уголовного дела).

2. Метод наблюдения за поведением (в т. ч. инструментального наблюдения).

- Метод психологического эксперимента: психодиагностическая беседа (в т. ч. свободный рассказ; структурированное интервью и т. д.); психологическое тестирование (например, тест общей осведомленности); ассоциативный эксперимент, сопряженная моторная методика и т. д.; аппаратные методы (эксперимент с использованием электроэнцефалографа, полиграфа, тепловизора, голосового анализатора стресса, устройства отслеживания направления взгляда (eyetracker), а также с использованием иных приборов, регистрирующих моторные, физиологические, нейрофизиологические и прочие реакции подэкспертного на предъявляемые ему стимулы.

При этом аппаратные методы психологического эксперимента (в том числе исследование с использованием полиграфа) должны проводиться в строгом соответствии с методологией психологического эксперимента³, в частности: адекватного подбора независимых пере-

¹ См.: *Свободный Ф.К.* Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии: учебное пособие. Барнаул, 2015. 180 с.

² Российский энциклопедический словарь. Кн. 2. М., 2000. С. 1673.

³ См.: *Дружинин В.Н.* Экспериментальная психология: учебник. СПб., 2008. — 320 с.

менных, серийного предъявления независимых переменных, качественной фиксации зависимых переменных, контроля и учета дополнительных переменных и т. д.

А для качественной, надежной и валидной диагностики информированности личности о расследуемом событии указанные методы необходимо применять системно и комплексно.

Результаты исследования, основанные только на одном методе (только наблюдение, только бесед или только полиграф), неизбежно приведут к ошибкам познавательного радикализма, ошибкам интерпретации и т. д.

Исследование различных психологических феноменов входит в компетенцию психолога, а разрешение вопросов, возникающих перед следствием и судом при необходимости квалифицированной оценки психических явлений, требует проведения именно судебной психологической экспертизы.

Следуя научной логике и учитывая прикладную направленность любой судебной экспертизы, необходимо формулировать название отдельного вида экспертизы согласованно, во-первых, с соответствующей отраслью научного знания, являющейся теоретической основой для данного вида (и рода) судебной экспертизы и определяющей общую методологию судебно-экспертного исследования, а, во-вторых, с объектом (и предметом) данной экспертизы, с задачами, которые ставятся перед экспертом и решаются им в ходе производства экспертизы.

В современной отечественной литературе выделяют общий и частные предметы СПЭ. Общим предметом психологической экспертизы, подчеркивающим специфику СПЭ, как особого вида экспертного исследования, выступает психика (психическая деятельность) человека, рассматриваемая как целостная система¹. А частным предметом СПЭ являются особенности психической деятельности лица в юридически значимых ситуациях по расследуемому делу. Выделение частных предметов экспертизы порождает наиболее подробную классификацию СПЭ и содержит потенциальные основания для развития новых видов СПЭ.

Так, в настоящее время выделяются СПЭ эмоциональных и иных состояний личности, СПЭ регуляторных способностей личности, СПЭ когнитивных способностей личности, СПЭ коммуникативных способностей личности, СПЭ характеристик мотива, СПЭ индивидуаль-

¹ Сахнова Т.В. Основы судебно-психологической экспертизы по гражданским делам: Учеб. пособие. М., 1977. С. 16.

но-психологических особенностей личности, СПЭ воздействия, СПЭ внутригруппового взаимодействия, СПЭ взаимодействия личности и ситуации и др.¹

Автор настоящей работы полагает, что частным предметом СПЭ могут выступать особенности информированности лица о расследуемом событии, а именно установление фактических данных о наличии или отсутствии у лица информации о деталях расследуемого события; о степени информированности лица о расследуемом событии (об объеме и конкретном содержании информации о расследуемом событии, которой располагает лицо); о месте, времени и источниках получения лицом первой информации о расследуемом событии.

В связи с вышесказанным предлагается дополнить класс судебных психологических экспертиз новым видом экспертизы — *судебной психологической экспертизой информированности личности о расследуемом событии*, общим объектом которой является личность подэкспертного, предметом — характеристики информированности личности о расследуемом событии, методами — психологический анализ материалов дела, наблюдение; экспертная беседа; экспериментальное психодиагностическое исследование и др.

Автор выражает надежду, что развитие указанных методов психологической диагностики информированности личности о расследуемом событии в русле судебной психологической экспертизы будет способствовать развитию методологии и практики судебной экспертизы и позволит предложить научно-обоснованные пути урегулирования проблем, возникающих сейчас при определении научной обоснованности, методического обеспечения и оценки результатов исследований с использованием полиграфа.

Т.Н. Секераж

Методологические проблемы проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа в форме судебной экспертизы

В последнее время, все чаще можно слышать такое понятие, как психофизиологическая экспертиза. На наш взгляд, пришло вре-

¹ Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 161.

мя разобраться, что за этим скрывается, поскольку несведущие лица могут быть введены в заблуждение. Не затрагивая проблем так называемой гуманитарной психофизиологической экспертизы, следует сказать, что по сути за названием «судебная психофизиологическая экспертиза» скрывается опрос с использованием полиграфа (ОИП). Полиграфологи именуют себя экспертами и активно высказывают мнение о необходимости признания такой экспертизы как рода, приводя массу доводов, которые при внимательном рассмотрении вызывают вопросы как правового, так и методологического, общенаучного характера.

Если абстрагироваться от полиграфа (который представляет собой даже не метод, а всего лишь средство исследования), то становление судебной психофизиологической экспертизы (назовем ее условно ПФЭ) представляется по меньшей мере преждевременным. Как известно, деление экспертиз осуществляется по трехмерному основанию: предмет, объект, метод. Но ни один из признаков, взятый в отдельности, не позволяет осуществить удовлетворительную дифференциацию и классификацию. Если объект ПФЭ достаточно ясен — психическая деятельность человека, то с предметом дело обстоит гораздо сложнее. Предметом ПФЭ могло бы стать установление психофизиологических особенностей субъекта. Именно могло бы стать.

Предметом судебной экспертизы являются фактические данные, значимые для правосудия, установление которых требует применения специальных познаний в области науки, техники и т. д. Трудно себе представить те уголовно-релевантные ситуации, в которых психофизиология человека будет иметь столь исключительное значение, что в учет не будут браться социально-детерминированные характеристики человека. Вряд ли следственные органы и суд будут интересоваться, где в головном мозге подэкспертного локализовался очаг возбуждения или как у него циркулируют электрические импульсы в нервной системе при восприятии, запоминании или действиях. Даже так называемая инженерно-психофизиологическая экспертиза по существу и решаемым задачам является психологической и представляет собой один из видов СПЭ. Более того, в рамках любого вида СПЭ обязательно исследуются психофизиологические особенности подэкспертного (особенности внимания, памяти, темперамент, особенности эмоциональной саморегуляции и пр.).

Однако знание всех этих характеристик не позволяет решать экспертные вопросы о юридически значимом поведении субъекта без уче-

та влияния более высоких уровней психики и взаимодействия личности и ситуации. Применение психофизиологических методов и средств (в том числе аппаратных) исследования человека также не является достаточным основанием для выделения судебной психофизиологической экспертизы в отдельный род (вид).

По применяемому методу ОИП, казалось бы, наиболее близок к психофизиологической экспертизе. Однако и здесь есть свои подводные камни. Психофизиология здесь проявляется в том, что внешний стимул, запечатленный на нейронных структурах головного мозга (в сознании, памяти) и являющийся значимым в ситуации проверки, вызывает физиологическую реакцию, превышающую таковую на аналогичные стимулы, предъявляемые в тех же условиях, но не несущие ситуационно-значимой информации.

Таким образом, *задачей опроса с использованием полиграфа становится выяснение не психофизиологических особенностей и их проявлений, а установление на основе эмоциональной реактивности человека значимых для него стимулов.* Подэкспертный воспринимает предъявляемые ему стимулы, оценивает их и в соответствии с имеющимся у него прошлым опытом (памятью), актуальной мотивацией формирует ответ, то есть осуществляется активная психическая деятельность, которая проявляется в изменениях физиологических параметров.

Значимые стимулы определяются в соответствии с целью проводимого исследования, которой (по мнению полиграфологов) является «детекция лжи» или «установление достоверности» показаний. Суждение о «достоверности» строится на выявлении физиологических реакций испытуемого при ответе на заданный вопрос. Фактически, на основе выявленных в памяти следов исследуемых событий (объектов, действий, мотивов и т. д.), определяется установочное поведение лица, имеющее под собой мотивацию искажения информации. Такое понимание позволяет предположить, что *предметом исследования с помощью полиграфа являются психологически значимые стимулы, на которые выявляются физиологические реакции организма (проявляется его эмоциональная реактивность).* Соответственно задача сводится к определению психологически значимых стимулов и установочного поведения.

Таким образом, если учесть, что предметом изучения психофизиологии как науки являются физиологические основы психической деятельности и поведения человека, то ОИП отнести непосредственно к психофизиологии можно, мягко говоря, с большой натяжкой.

Анализ имеющихся в распоряжении авторов заключений по результатам ОИП и «психофизиологической экспертизы с применением полиграфа» позволяет обозначить две основные проблемы.

1. Правовой предел. В результате такой «экспертизы» обычно устанавливается, какие именно деяния совершил субъект (продавал оружие или нет, нанес ли лично смертельное ранение, душил или не душил и т. п.), даже если вывод подается в завуалированной форме («субъект осведомлен о том, что он душил (резал и т. п.)»). Аргументация того, что «эксперт» здесь выходит за пределы своей компетенции, излишня. Правовой предел компетенции эксперта любой специальности установлен законом и даже отражен в инструкциях по применению полиграфа. Безусловно, то обстоятельство, ложет ли подозреваемый (обвиняемый) или свидетель, очень важно для установления истины по делу, но, как известно, оценка показаний с точки зрения их достоверности является исключительной прерогативой суда.

2. Научный предел. Психофизиологические реакции не могут свидетельствовать об осведомленности лица, равно как и о лжи. На сегодняшний день пока не найдены специфические физиологические признаки лжи и не разработаны устройства, надежно их идентифицирующие. Именно в связи с отсутствием строгой научной обоснованности проверок на полиграфе и недостаточной точностью отражаемых данных результаты ОИП при проведении оперативно-розыскной деятельности имеют только ориентирующее значение, не влекут никаких мер, ущемляющих **законные интересы и права человека**, не могут являться доказательствами.

Это четко отражено в существующих инструкциях, регулирующих применение полиграфа его ведущими пользователями среди федеральных ведомств (МВД, ФСБ). В таком случае результаты «экспертизы» тем более не могут носить доказательственного значения, а выводы эксперта не могут иметь категорического характера. Вероятностный характер результатов обусловлен самой природой получаемых с помощью полиграфа данных. В категорической форме специалист-полиграфолог может установить лишь факт того, что на определенные стимулы у опрашиваемого зафиксирована психофизиологическая реакция, а также значимость и устойчивость такой реакции (в зависимости от ее канала).

Применение психофизиологических методов и средств (в том числе аппаратных) исследования психофизиологии человека не является достаточным основанием для выделения судебной психофизиологи-

ческой экспертизы в отдельный род (вид). Как известно, деление экспертиз осуществляется по трехмерному основанию: предмет, объект, метод. Ни один из признаков, взятый в отдельности, не позволяет осуществить удовлетворительную дифференциацию и классификацию судебных экспертиз¹.

Если объект психофизиологической экспертизы (назовем ее условно ПФЭ) достаточно ясен (им является высшая нервная деятельность, психическая деятельность человека), несмотря на его общность с психологической экспертизой, то с предметом дело обстоит гораздо сложнее. Предметом ПФЭ могли бы стать психофизиологические особенности субъекта (установление таких особенностей). Именно могли бы стать, но стать пока не могут. Предметом судебной экспертизы являются фактические данные, значимые при расследовании и судебном рассмотрении дел, установление которых требует применения специальных познаний в области науки, техники, искусства, ремесла. Другими словами, чтобы являться предметом судебной экспертизы, устанавливаемые факты должны иметь значение для правосудия.

Вероятно, последует возражение, что установление того, лжет или нет подозреваемый (обвиняемый) или свидетель, очень важно для установления истины по делу. Как известно, оценка показаний с точки зрения их достоверности является исключительной прерогативой суда. Это — правовая сторона вопроса. (Мы сейчас намеренно не говорим о случаях, когда в результате такой «экспертизы» непосредственно устанавливается, какие именно деяния совершил субъект, подвергнутый опросу: продавал оружие или нет, нанес ли лично смертельное ранение, душил или не душил и т. п. Причем иногда такой вывод подается в завуалированной форме: «субъект осведомлен о том, что душил (резал и т. п.)». Не нужно разбираться в экспертизе, чтобы понять, что устанавливать такие обстоятельства не правомочны никакие эксперты.)

Правовой предел компетенции эксперта любой специальности установлен законом и является одним из основных положений теории судебной экспертизы. В соответствии с ч. 3 ст. 57 УПК РФ, эксперт вправе давать заключение в пределах своей компетенции. В соответствии со ст. 8 ФЗ № 73, эксперт проводит исследования в пределах соответствующей специальности.

Правовой предел учтен и в инструкциях по применению полиграфа: «Полиграфолог не должен — если он не является профессиональным специали-

¹ Основы судебной экспертизы. Часть 1. Общая теория / Отв. ред. Ю. Г. Корухов. М.: РФЦСЭ, 1997. С. 162.

стом — включать в свое письменное заключение выводы медицинского, юридического, психиатрического или иного характера, относящиеся к области знаний специалистов другого профиля» (п. 9 «Инструкции о порядке применения органами федеральной службы безопасности опроса с использованием полиграфа» (утв. ФСБ РФ от 16.05.97 № 20)

Теперь о научно-методологической стороне. *Почему выводы не могут быть категорическими?*

В соответствии со статьей 8 ФЗ № 73, «эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных».

Известно, что строгой научной основы у экспертизы, состоящей исключительно из опроса с использованием полиграфа, пока не существует, как не существует и общепринятых научных данных. Занимающиеся данной проблемой специалисты в этом единодушны (в т. ч. Ю.И. Холодный, В.В. Коровин, В.А. Варламов, А.А. Степанов).

Более того, до сих пор остается дискуссионным вопрос о научной обоснованности и достоверности данных самих ОИП, не говоря уже об экспертизе. Именно в связи с отсутствием строгой научной обоснованности проверок на полиграфе и недостаточной точностью отражаемых на полиграфе данных, достоверность результатов ОИП ставится под сомнение, а сами результаты при проведении оперативно-розыскной деятельности имеют только ориентирующее значение, не влекут никаких мер, ущемляющих **законные интересы и** права человека, не могут являться доказательствами, что отражено в существующих инструкциях, регулирующих применение полиграфа ведущими пользователями ОИП среди федеральных ведомств (МВД, ФСБ), а также инструкциях о применении полиграфа в интересах негосударственных организаций и учреждений.

Из публикаций начальника отдела Института криминалистики Центра специальной техники ФСБ России Ю.И. Холодного следует, что «датой зарождения судебно-психофизиологической экспертизы памяти человека (СПФЭ) следует считать 2000 год, когда ОИП впервые был осуществлен в форме экспертизы»¹. Согласно публи-

¹ Холодный Ю.И., Николаев А.Ю. Психофизиологическая экспертиза: первый опыт применения // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе. М., 2004. С. 147–150.

кациям и выступлениям Ю.И. Холодного и его коллег в 2004 году «судебно-психофизиологическая экспертиза по сей день находится в стадии становления»¹, «специалистам предстоит проделать обширные научно-прикладные исследования по естественнонаучному обоснованию СПФЭ, формированию новой экспертной специальности, разработке специализированной типовой программы по подготовке экспертов-полиграфологов; соответствующей адаптации технологии ОИП применительно к условиям экспертной практики»².

В существующей классификации судебных экспертиз (общая теория судебной экспертизы) психофизиологическая экспертиза находится в одном классе с медицинской, психиатрической и психологической экспертизами. Из этого следует, что их объединяет общность знаний, служащих источником формирования теоретических и методических основ, и объектов, исследуемых на базе этих знаний.

Классификация судебных экспертиз осуществляется по трехмерному основанию: предмет-объект-метод (А.Р. Шляхов). Объект экспертизы, как известно, это объект познания, элемент реальной действительности. Объект тесно связан с предметом. Если исходить из определения объекта экспертизы как материального носителя информации о фактических данных, составляющих содержание расследуемого события или связанных с ним, то объектом ПФИ в широком смысле является человек (его поведение при проведении ОИП и его психофизиологические реакции, возникающие при этом).

Целью ПФИ является получение информации об осведомленности (знании) подэкспертного об обстоятельствах, связанных с расследуемым событием (это отражено практически во всех материалах, посвященных ОИП).

Поскольку память человека имеет два компонента (содержательный/специфический и всегда сопровождающий его неспецифический компонент), а содержательный компонент памяти при современном состоянии науки исследовать НЕВОЗМОЖНО, то можно исследовать только неспецифический компонент, если все же речь идет об исследовании памяти (того, что человек помнит). Таким образом, при ПФИ (ПФЭ) исследуется только неспецифический след в памяти, связанный с каким-либо специфическим (содержательным) стимулом и который

¹ Там же.

² Там же. С. 150.

.....
проявляется различными физиологическими реакциями, регистрируемыми прибором.

Далее очень натянуто и условно, поскольку научные основы для нас по-прежнему сомнительны, а ОИП по сути это психологический эксперимент, специально организованный (как любой эксперимент).

Объект экспертизы (исследования) можно сформулировать как неспецифические психофизиологические реакции человека, возникающие в ответ на специфические стимулы (предъявляемые вопросы и др.). Однако очевидно, что полиграфологом исследуется и учитывается не только это, иначе любой прибор мог бы заменить оператора (эксперта). Если более научно обоснованно, то *объектом ПФИ* может быть психическое состояние человека в период проведения опроса и регистрации психофизиологических показателей.

Предмет экспертизы вероятно, следующий: имеющий юридическое значение комплекс неспецифических психофизиологических реакций человека, который может свидетельствовать о его информированности/неинформированности о фактах и обстоятельствах, составляющих содержание расследуемого события или связанных с ним.

Вопросы, на наш взгляд, могут решаться только вероятностно, например:

Неправильно	Правильно
Выявляются ли в ходе судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа реакции, выступающие индикатором того, что подэкспертный располагает информацией об обстоятельствах (деталях) расследуемого события в объеме, изложенном им в его показаниях?	Выявляются ли в ходе судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа реакции, которые могут свидетельствовать о том, что подэкспертный располагает информацией об обстоятельствах (деталях) расследуемого события? Если да, то о каких именно? (либо обстоятельства должны быть указаны в самом вопросе)

Невозможно на научной основе решить вопрос: *Каким образом эти знания могли быть получены обследуемым лицом? Могли ли они быть получены в момент события либо при других обстоятельствах?*

К вопросу о допустимости использования результатов исследования с применением полиграфа в качестве доказательства

В настоящее время психофизиологические исследования с применением полиграфа (ПФИ) активно применяются органами Следственного комитета Российской Федерации (СК России) на различных этапах расследования преступлений, объём таких исследований неуклонно растёт, и это даёт основание уверенно утверждать, что в СК России данное направление исследований применяется достаточно широко.

Проведение ПФИ в процессуальных формах (в форме психофизиологической экспертизы с применением полиграфа или заключения специалиста) составляет большую часть исследований на полиграфе, проводимых в СК России, и составляет около 7–7,5 тыс. исследований в год, из них экспертных исследований — около 3 тыс. в год с небольшими колебаниями по годам. Рост числа подобных исследований ограничивается только стабильностью штатной численности сотрудников, осуществляющих данную деятельность, по существу в настоящее время достигнут предел по индивидуальной загруженности экспертов-полиграфологов СК России.

Важно отметить, что высокая востребованность следственных органов в производстве ПФИ подтверждается не только данными работы СК России, но и опытом деятельности других ведомств. В частности, созданы и постоянно расширяются штаты экспертов-полиграфологов в МВД России, соответствующее подразделение (отдел) функционирует в ЭКЦ МВД России, должности экспертов-полиграфологов постепенно вводятся в региональных экспертных подразделениях МВД России.

Практически сразу с момента создания в 2009 году службы полиграфологов в СК России появились и получили распространение достаточно многочисленные примеры признания результатов ПФИ, проведённых как в экспертной форме, так и в форме заключения специалиста, в качестве доказательств при вынесении решений по уголовным делам судами различных уровней, в том числе на уровне Верховного Суда Российской Федерации в порядке кассационного и апелляционного производства¹.

¹ См., например: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 22 апреля 2010 г. № 77-О10-10; Кассационное определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 203-О11-1; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам

Однако в последние годы всё чаще поступают тревожные сигналы: суды различных инстанций отказываются принимать результаты таких экспертиз в качестве доказательств, и такая ситуация не может не вызывать озабоченность.

Значительную роль в формировании отрицательного отношения судов к ПФЭ как источнику доказательственной информации сыграл «Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года»¹ (далее — Обзор кассационной практики), а именно п. 5.2.1. указанного документа — «Согласно уголовно-процессуальному закону психофизиологические исследования не являются доказательствами». В нём Судебная коллегия по уголовным делам (СК по УД) Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) дала положительную оценку решению СК по УД Мурманского областного суда в кассационном определении от 4 октября 2012 г. № 34-О12–12 об исключении из числа доказательств результатов ПФИ в отношении фигурантов дела, как не соответствующих требованиям, предъявляемым к экспертным заключениям. Также СК по УД ВС РФ отметила, что такого рода исследования, имеющие своей целью выработку и проверку следственных версий, не относятся к доказательствам согласно ст. 74 УПК РФ.

Данный документ имел заметный резонанс. Инерция положительного отношения к результатам ПФЭ постепенно уменьшалась, количество случаев исключения ПФЭ из числа доказательств ввиду признания его недопустимым доказательством стало нарастать. При этом суды в обоснование своей позиции ссылались не только на замечания к ПФЭ из Обзора кассационной практики, но и дополняли их новыми, так, что в настоящее время перечень подобных претензий стал довольно обширным, а тенденция к отрицательной позиции судов по отношению к исследованиям на полиграфе в процессуальной форме — очевидной.

Однако дело в деталях. Анализ судебной практики в части встречающихся замечаний судов по поводу «доказательственной дефективности» результатов ПФЭ представляет несомненный интерес для оценки перспектив адаптации данного вида экспертных исследований в уголовное судопроизводство.

Итак, наиболее часто встречающимися причинами того, что российские суды не признают заключение психофизиологической эксперти-

Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2012 г. № 11-О11-99); Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2013 г. № 3-АПУ13–5.

¹ URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=348747#07814265571178023> (дата обращения: 22.02.2020) и др.

зы с применением полиграфа допустимым доказательством, являются следующие.

1. УПК РФ не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе. В соответствии со ст. 74 УПК РФ исследование на полиграфе не относится к числу доказательств по уголовному делу¹. Указанный недостаток в различных конкретных формулировках встречается в решениях суда, пожалуй, наиболее часто.

Юридическая техника, использованная при подготовке УПК РФ, такова, что в этом законе ссылки на конкретные виды исследований, основанных на использовании специальных знаний, используются крайне скупой. Это неудивительно, поскольку возможность назначения и проведения тех или иных экспертиз и исследований традиционно связывается с уровнем развития соответствующей отрасли науки, техники, искусства или ремесла, а не с деятельностью законодателя. Даже в ст. 196 «Обязательное назначение судебной экспертизы» перечислены лишь обстоятельства, для установления которых назначение судебной экспертизы обязательно, но не указаны сами виды экспертиз, которые при этом должны назначаться. Прямые указания в ряде статей имеются лишь на судебно-медицинскую и судебно-психиатрическую экспертизы (ст. 29, 163, 203 и 223.2 УПК РФ) в связи с закреплением отдельных положений, касающихся действий следствия и суда при их назначении. Иные виды экспертиз в УПК РФ не упоминаются. Почему же требование о закреплении в УПК РФ императивно применяется именно к ПФЭ?

То же самое можно сказать и о закреплении в уголовно-процессуальном законе возможности применения полиграфа. Требование этого имеет явно завышенный характер. Да, в ряде статей УПК РФ, в частности в ст. 166, 179, 189, 190, 241 и др., имеется указание на использование некоторых видов технических средств в уголовном процессе. Однако речь при этом идёт об использовании технических средств фиксации (стенографирование, фотофиксация, аудио-, кино- и видеозапись) при проведении следственных действий и судебном разбирательстве.

Полиграф — это техническое устройство, применяемое в ходе исследования, основанного на использовании специальных знаний. В этом смысле полиграф подобен, например, сравнительному микроскопу, применяемому в ходе баллистической экспертизы, хроматографу — при проведении криминалистического исследования веществ,

¹ См., например: Апелляционное определение СК по УД ВС РФ от 15 ноября 2016 г. № 14-АПУ16-18; Постановление Президиума Оренбургского областного суда от 28.01.2019 по делу № 44у-16/2019.

или любому другому техническому средству проведения исследования в экспертной деятельности. Применение того или иного технического средства при проведении экспертного исследования имеет методическую обусловленность и никогда не связывалось с закреплением подобной возможности в уголовно-процессуальном законе, тем более путём закрепления в нём конкретных технических средств.

2. *Данный вид экспертиз является результатом опроса с применением полиграфа*¹. Как известно, опрос с использованием (применением) полиграфа (далее — ОИП) это непроцессуальная форма проведения ПФИ. С позиций ведомственных нормативно-правовых актов ОИП это разновидность оперативно-розыскного мероприятия «Опрос». Хотя в самом Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» такая специальная форма опроса, как ОИП, не упомянута. Данная форма впервые была закреплена в 1993 году в приказе Министерства безопасности Российской Федерации² как компромиссный способ легализации ПФИ при расследовании преступлений, соответствующий тому историческому периоду, на фоне десятилетий огульного отрицания в отечественной юридической науке такой возможности³.

В содержательном смысле отнесение ПФИ к оперативно-розыскным мероприятиям условно и «натянута». Ни один выпускник юридического вуза, даже специализированного, провести ПФИ в форме ОИП не сможет, это область использования специальных знаний, приобретаемых в процессе специальной профессиональной подготовки, далеко выходящей за рамки юридических образовательных программ. По своей сути ОИП представляет собой исследование, реализуемое в непроцессуальной форме. Но при соблюдении требований УПК РФ исследование может быть назначено и в процессуальной форме, поэтому сводить ПФИ только к оперативно-розыскной деятельности нет никаких оснований.

¹ См., например: Апелляционное определение СК по УД ВС РФ от 26.08.2015 по делу № 73-АПУ15-17сп; Апелляционное определение СК по УД ВС РФ от 16.11.2016 № 84-АПУ16-11; Постановление Президиума Самарского областного суда от 04.07.2019 № 44у-193/2019.

² См.: Комиссарова Я. В., Мяких Н. И., Пеленицын А. Б. Полиграф в России и США: Проблемы применения. М., 2012. С. 11.

³ Следует отметить, что отрицание применения полиграфа на тот период происходило, как правило, по причинам сугубо идеологического порядка, без глубокого погружения в научную составляющую проблемы. См., например: Розенблит С. Инквизиционные методы допроса подозреваемых в США // Социалистическая законность. 1954. № 4. С. 89; Строгович М. С., Пантелеев И. Ф. Укрепление социалистической законности в уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. 1978. № 6. С. 71.

*Заключение ПФЭ не может выступать в качестве доказательства, поскольку оно не соответствует требованиям, предъявляемым к экспертным заключениям, фактически представляет собой допрос обвиняемого без участия защитника. При производстве подобных исследований не обеспечивается соблюдение конституционного права на защиту, невозможно отказаться от дачи показаний*¹. Комментируя данное замечание, необходимо обратить внимание на ряд обстоятельств.

Во-первых, процессуальная модель «допроса с использованием полиграфа», как способа адаптации ПФИ в уголовный процесс, была предложена в середине 1990-х годов В.И. Комиссаровым² и нашла определённую поддержку в научных кругах³. Однако с накоплением практического опыта проведения ПФИ при расследовании преступлений стало понятно, что предложение о внедрении «допросов с использованием полиграфа» не стыкуется со многими методическими требованиями, предъявляемыми к проведению проверки на полиграфе, а также (несмотря на натяжки) не вписывается в нормы действующего законодательства, касающиеся производства допроса как следственного действия⁴. Это совершенно разные способы получения информации, хотя и предполагающие активное использование метода беседы (при коммуникации соответственно с обследуемым и допрашиваемым).

Во-вторых, не имеют под собой каких-то оснований опасения об ущемлении прав обследуемого при проведении ПФЭ. Присутствие адвоката возможно по ходатайству обследуемого. В СК России сложилась практика проведения ПФЭ (ПФИ), при которой не ставится никаких препятствий нахождению защитника или представителя в месте проведения исследования. Другое дело, что роль лица, оказывающего юридическую помощь, в процессе работы с обследуемым сводится, по сути, к простому присутствию.

Наконец, базовым принципом проведения ПФЭ является добровольность участия в нём. Работа с обследуемым начинается только при нали-

¹ См., например: Апелляционное определение СК по УД Челябинского областного суда от 19 марта 2015 года по делу № 10–1240/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VqK1uRGZzzxJ/> (дата обращения: 22.02.2020); Приговор Красногорского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 08 июля 2019 года по делу № 1–142/2019.

² Комиссаров В.И. Использование полиграфа в борьбе с преступностью // Законность. 1995. № 11. С. 47.

³ Бабаева Э.У. Предупреждение изменения показаний подследственным и свидетелем на предварительном расследовании. М., 2001. С. 40, 41.

⁴ Комиссарова Я.В., Семёнов В.В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. М., 2004. С. 106, 107.

чий его добровольного письменного согласия на участие в ПФЭ. При этом ему разъясняется право прекратить процедуру исследования в любой момент без объяснения причин и каких-то негативных последствий.

3. *Такого рода исследования имеют своей целью выработку и проверку следственных версий, не относятся к доказательствам согласно ст. 74 УПК РФ*¹. В данной претензии наблюдается очевидная амбивалентность. С одной стороны, признаётся информационный потенциал ПФЭ, возможность использования её результатов для проверки следственных версий. С другой именно это и «ставится в вину» данной экспертизе и рассматривается как основание для исключения её результатов из числа доказательств!

Как известно, следственная версия — это логически построенное и основанное на доказательствах, данных криминалистической науки и обобщениях следственной практики предположительное умозаключение следователя о сути исследуемого деяния, об отдельных его обстоятельствах и деталях, направленное на выяснение истинных обстоятельств уголовного дела и требующее соответствующей проверки². Следственные версии вырабатываются следователем, но не специалистом или экспертом, хотя, возможно, и при их содействии. Если отвлечься от деталей, работа следователя по расследованию преступлений и заключается в последовательной выработке и проверке следственных версий. Проверка осуществляется путём планирования и проведения следственных, процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, в том числе исследований сведущих лиц, которые могут проводиться как в процессуальной, так и непроцессуальной форме. Поэтому использование ПФЭ с целью проверки следственной версии никак не может рассматриваться в качестве изъёма данного исследования. Равно как не может иметь отрицательной оценки и использование следователем данных, полученных по результатам ПФЭ, для разработки и выдвижения новых следственных версий и корректировки плана расследования.

4. *ПФЭ сводится к оценке достоверности или недостоверности показаний ранее допрошенного лица; оценка показаний в соответствии со ст. 87, 88 УПК РФ относится к компетенции дознавателя, следователя, суда, а не эксперта либо специалиста*³. С момента появления первых предложений об исполь-

¹ См., например: Обзор кассационной практики...; Апелляционное определение СК по УД ВС РФ от 10.01.2017 № 9-АПУ16-16); Постановление Президиума Самарского областного суда от 04.07.2019 № 44у-193/2019.

² Григорьев В.Н. Справочник следователя / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин, Ю.В. Гаврилин. М., 2008. С. 454.

³ См., например: Апелляционное определение СК по УД ВС РФ от 26.01.2017 № 5-АПУ17-2; Апелляционное определение СК по делам военнослужащих ВС РФ

зовании исследований на полиграфе в экспертной форме теория данного вида исследований постоянно развивалась и совершенствовалась, в том числе это касается представлений о компетенции, предмете, целях и задачах данного вида исследований. Нужно признать, что на определённом этапе эксперты-полиграфологи, в том числе в СК России, брались за решение вопросов, не свойственных для экспертной деятельности, высказываясь в своих заключениях, например, о достоверности/недостоверности, правдивости/ложности ранее данных обследуемым лицом показаний. Однако постепенно с учётом позиции органов следствия и суда основы ПФЭ в указанной части синхронизировались с общепринятыми положениями теории судебной экспертизы и судебно-следственной практики.

В настоящее время рекомендуемая в СК России форма вопросов и ответов имеет следующую форму.

Вопросы:

1. Выявляются ли в ходе исследования с применением полиграфа в отношении А. психофизиологические реакции, свидетельствующие, что он располагает информацией о личном участии или участии иных известных ему лиц в нанесении ножевых ранений Р. в ночь с 1 на 2 августа 2017 года?

2. Если да, то могла ли данная информация быть получена А. на момент нанесения указанных ранений Р.?

Выводы:

положительный	отрицательный
1. В ходе исследования с применением полиграфа в отношении А. выявлены психофизиологические реакции, свидетельствующие, что он располагает информацией о личном участии или участии иных известных ему лиц в нанесении ножевых ранений Р. в ночь с 1 на 2 августа 2017 года. 2. Судя по характеру, степени выраженности и соотношению психофизиологических реакций на вопросы тестов, а также учитывая пояснения, данные А., эта информация могла быть получена им на момент нанесения указанных ранений Р.	1–2. В ходе исследования с применением полиграфа в отношении А. не выявлено психофизиологических реакций, свидетельствующих, что он располагает информацией о личном участии или участии иных известных ему лиц в нанесении ножевых ранений Р. в ночь с 1 на 2 августа 2017 года.

Таким образом, в современном понимании целью проведения ПФЭ является установление наличия у подэкспертного информации о юридически значимом событии и не более того. Оценка этой информации — прерогатива следствия и суда. Как выход за пределы компетенции эксперта-полиграфолога должны рассматриваться экспертные вопросы, затрагивающие проблему виновности обследуемого, ложности либо правдивости сообщённых им сведений, как и вопросы о существовании события как такового или какого-то отдельного обстоятельства. Исключается постановка вопросов, связанных с оценкой собранных доказательств, например, с оценкой соответствия (согласованности) результатов тестирования данным ранее показаниям. Не рекомендуется также использование при формулировании вопросов терминов, образующих результат уголовно-правовой квалификации деяния или отношения лица к этому деянию, таких как «убийство», «взятка», «изнасилование», «виновность» и т. п.

5. *Отсутствие специально разработанной достоверной методики проведения ПФЭ. В настоящий момент не существует научно-обоснованного подтверждения надёжности и достоверности результатов подобных исследований, которые позволяли бы суду признать их доказательством по уголовному делу*¹. Следует признать, что проблема методического обеспечения ПФЭ является наиболее сложной и спорной из всех сопутствующих развитию данного экспертного направления.

Методическое обеспечение ПФЭ развивалось вместе с самой экспертизой. До последнего времени эксперты СК России руководствовались в своей работе «Видовой экспертной методикой производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа», утвержденной в составе Методических рекомендаций АНО «Центр независимой комплексной экспертизы и сертификации систем и технологий» 11 ноября 2005 года.

В настоящее время разработана и утверждена руководством четырёх федеральных ведомств, а именно СК России, ФСБ России, МВД России и Министерства обороны Российской Федерации «Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа». Она содержит базовые принципы и основные требования по проведению ПФЭ. Возможно, данная методика не совершенна, очевидно, к её содержанию могут быть предъ-

¹ См., например: Постановление Президиума Московского областного суда от 17.01.2018 № 15 по делу № 44У-23/2018; Апелляционное определение СК по делам военнослужащих ВС РФ от 31.08.2017 № 203-АПУ17-21; Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 25.07.2018 по делу № 44У-227/).

явлены те или иные претензии. Но она существует и выступает единой основой по организации и проведению ПФЭ в экспертных подразделениях федеральных ведомств, где проводится львиная доля исследований на полиграфе при расследовании преступлений.

Что касается подтверждения надёжности и достоверности результатов исследований на полиграфе, то данному вопросу на самом деле посвящено большое количество исследований. Наиболее комплексно эта проблема исследована в США. Например, в рамках «Мета-анализа критериев точности обоснованных психофизиологических техник»¹, проведённого специалистами Американской ассоциации полиграфологов в 2011 году, установлено, что точность применяемых в настоящее время технологий тестирования составляет около 90% и более.

6. *ПФЭ является недопустимым доказательством, поскольку её выводы носят вероятностный характер*². В отечественной модели права вероятностные выводы часто ассоциируются с предположительными и имеют отрицательную оценку в плане доказательственного значения. Истоки такого явления лежат очевидно в положениях Постановления Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1971 года «О судебной экспертизе по уголовным делам»³, где обращалось внимание судов на то, что «вероятное заключение эксперта не может быть положено в основу приговора». При этом термин «вероятное заключение» использовался в том же значении, что и «предположительное заключение». В пришедшем ему на смену новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»⁴ уже не содержится каких-либо утверждений дискриминационного характера в отношении вероятного заключения эксперта, а само вероятное заключение эксперта не смешивается с предположением.

Современное научное знание в принципе перестаёт быть категоричным. Для следователя и суда при оценке экспертного заключения не-

¹ American Polygraph Association (2011). Meta-Analytic Survey of Criterion Accuracy of Validated Techniques: The ad-Hoc Committee on Validated Techniques, Polygraph, vol. 40, nr 4. P. 193–305.

² См., например: Апелляционное определение СК по УД Московского городского суда от 21.09.2015 № 10–11924/2015; Постановление Президиума Самарского областного суда от 10.05.2018 № 44у-122/; Приговор Ленинского районного суда г. Саратова от 29 декабря 2015 года по делу № 1–480/2015 (1-2/2016); Приговор Коптевского районного суда г. Москвы от 13 февраля 2017 года по делу № 1–7/2017.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16.03.1971 года «О судебной экспертизе по уголовным делам».

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

безынтересно должно быть, вероятность какой из альтернатив эксперт считает наибольшей. Доказательственное значение вывода определяет не его форма (категорическая или вероятностная), а то, способствует ли он подтверждению или опровержению какой-либо версии¹. С этих позиций заключение эксперта о том, что некий субъект, подозреваемый в совершении преступления, вероятно, обладает данными, отражающими детали преступления, хотя в ходе расследования он заявляет обратное, должно получить соответствующую оценку и использоваться в ходе доказывания по делу.

7. Результаты ПФЭ не соответствуют требованиям ст. 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», поскольку не основаны на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных². В указанном тезисе, на наш взгляд, необходимо выделить два обстоятельства.

Во-первых, ПФЭ это направление экспертных исследований, которое, как никакое другое, репрезентативно в части полученных результатов. По окончании исследования составляется не только письменное заключение, но также оформляются приложения, в которые включается полная видеозапись всего времени работы с подэкспертным, а также файл с полиграммой тестирования на полиграфе. Такой объём материалов позволяет при необходимости, пригласив профильных специалистов, перепроверить работу эксперта не только с формальной стороны, но и в содержательной части по всем этапам проведённого исследования.

Во-вторых, что касается сложности проверки достоверности заключения эксперта-полиграфолога на базе общепринятых научных и практических данных, то подобные затруднения возникают не только при оценке работы полиграфолога. Многие современные направления экспертных исследований основаны на привлечении достаточно сложных научных знаний, разобраться в которых юристу, даже самому квалифицированному, крайне сложно или даже невозможно. Судья, как впрочем и прокурор, следователь, дознава-

¹ Овсянников И. О допустимости вероятностного заключения эксперта // Российская юстиция. 1996. № 6. С. 29.

² См., например: Приговор Красногорского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 08 июля 2019 года по делу № 1–142/2019; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 05.03.2018 по делу N 22–997/2018.

тель, как правило, не являются специалистами в той области знаний, к которой относится исследование. В результате фактически оценка заключения эксперта указанными должностными лицами обычно сводится только к проверке полноты выводов и их соответствия иным доказательствам. Следователь и суд не в состоянии оценить ни научную обоснованность выводов, ни правильность выбора и применения методов исследования, ни соответствие этих методов современным достижениям данной области научного знания, поскольку для такой оценки они должны обладать теми же познаниями, что и эксперт¹.

Выход из этой ситуации хорошо известен, и состоит он отнюдь не в отказе от признания новых направлений экспертных исследований, а в привлечении других специалистов для оценки проведённого экспертного исследования в соответствии с имеющимися правовыми возможностями, предусмотренными, в частности, ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ.

Выше были рассмотрены наиболее распространённые претензии суда к качеству ПФЭ. К сожалению, нарастание негативного фона вокруг ПФЭ начинает формировать и даже уже сформировало у многих судей априорное отрицание возможности использования ПФЭ в доказывании, даже без приведения какой-либо мотивации такого отношения.

Практика последних лет всё чаще сопровождается ситуациями, когда ПФЭ в ходе предварительного расследования проведены, их результаты включены в обвинительное заключение (что находит поддержку и у органов прокуратуры), однако в описательно-мотивировочной части решения суда данный факт не отражён, данному исследованию не даётся никакой оценки, оно просто игнорируется.

Более того, иногда это происходит даже после того, как эксперт (специалист), проводивший исследование, вызывался в суд, давал показания, отвечал на вопросы сторон и суда.

Данная практика получает судебную-прецедентную поддержку в решениях ВС РФ. Например, по одному из дел в порядке апелляционного производства, в ответ на жалобу лица о том, что в приговоре суда первой инстанции не приведены результаты ПФЭ, в котором он участвовал в ходе предварительного расследования, СК по УД ВС РФ заключает, что в приговоре отсутствуют ссылки на психофизиологические исследования с применением полиграфа, поскольку данные исследования не являются доказательствами по уголовному

¹ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы: учебник. М., 2015. С. 314–319.

делу¹. Вот так, безоговорочно и уже без каких-либо дополнительных комментариев.

По сути, сложилась неписаная установка на исключение результатов ПФЭ из материалов уголовных дел без какой-либо оценки их содержания и качества проведённого исследования.

Имеет место очевидный диссонанс: с одной стороны, следственные органы проявляют очевидную заинтересованность в реализации ПФИ при расследовании преступлений, причём именно в процессуальных формах. Результаты ПФЭ активно применяются в ходе предварительного расследования не только в тактических целях, но и при доказывании вины лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Это подтверждает статистика последних лет, уровень загруженности экспертов полиграфологов СК России.

С другой стороны, действуя стереотипно и шаблонно, суды исключают результаты ПФЭ из числа доказательств. Причём не только когда ПФЭ «обвиняет» лицо в преступлении, но и в ситуациях «оправдания» человека в его совершении. В результате мы можем наблюдать ситуацию, когда в одном и том же решении суда результаты ПФЭ исключаются из числа доказательств по какой-то из указанных выше причин, и следом суд признаёт допустимым доказательством заключение специалиста-психолога по результатам проведённого им сеанса гипнорепродукции, полагая видимо достаточными и методическое обеспечение данной процедуры, и надёжность получаемых при этом результатов².

Проведённый анализ оснований признания судами заключений ПФЭ недопустимыми доказательствами свидетельствует, на наш взгляд, что ни одно из них в отдельности, ни их совокупность не выглядят достаточно убедительно для отказа от ПФЭ в качестве средства доказывания по уголовным делам. Нередко негативные оценки суда не имеют под собой фактических оснований, содержат очевидно завышенные на фоне других экспертных исследований требования, носят формальный характер и не соответствуют современному уровню развития метода исследований на полиграфе.

С другой стороны, по ряду аспектов критика судов вполне обоснована. Следует согласиться, что дальнейшего совершенствования требует методическое обеспечение производства ПФЭ, причём по многим направлениям. Например, требует разрешения дискуссия о предмете,

¹ См.: Апелляционное определение СК по УД ВС РФ от 06.03.2017 № 58-АПУ17-3).

² См.: Апелляционное определение СК по УД ВС РФ от 26.08.2015 по делу № 73-АПУ15-17сп.

объекте и задачах данного исследования; детализации — вопрос об объёме и структуре тестирования для получения достаточного количества данных для ответа на поставленные вопросы; должны быть выработаны критерии принятия решения по результатам исследования; учитывая вероятностный характер выводов, очевидно, следует расширять привлечение математического аппарата при анализе полученных результатов для определения математического выражения индивидуальной вероятности полученного результата; существует большое количество и других нерешённых проблем.

Полагаем, что совершенствование рассматриваемого экспертного направления, проходящее в условиях диалога с судебными органами, было бы наиболее эффективно. В научной литературе уже высказывалось мнение о том, что на современном этапе, при всё более усложняющихся задачах судебной экспертизы, настало время определить на уровне правовых предписаний достаточно простые и общедоступные критерии, которыми субъекты, назначившие судебную экспертизу, должны руководствоваться при оценке экспертных заключений¹, и которые, в свою очередь, должны выступать ориентиром качества для субъектов, вовлечённых в экспертную деятельность. Мы надеемся, что взаимодействие и совместная работа с представителями судебского корпуса позволит выработать понятные и обоснованные критерии оценки результатов ПФЭ, которые в данный момент или в перспективе, по их достижении, могли бы явиться основой для использования результатов данного экспертного исследования в доказывании.

Ю.И. Холодный

Возможности и нерешенные вопросы психофизиологических исследований с применением полиграфа при расследовании уголовных дел

Текущий год для специалистов, занимающихся проведением исследований с применением полиграфа (далее — ИПП), является в определенной мере юбилейным.

В 1970 г. А.А. Заничевой была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук на тему «Индикация эмо-

¹ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Указ. соч. С. 318, 319.

ционально значимого сигнала в однородном ряду». За этим камуфлирующим наименованием скрывалось первое в СССР диссертационное исследование, посвященное изучению возможности практического использования психофизиологического метода в целях выявления у человека скрываемой им информации и оценке, тем самым, обоснованности обвинений этого метода в его лженаучности и прикладной бесперспективности.

Как хорошо известно, официальное отношение советской юридической и психологической науки к использованию психофизиологического метода так наз. «детекции лжи» с помощью полиграфа в 1930–1980-е годы было резко негативным. И хотя перед А.А. Заничевой стояла весьма непростая задача, предпринятое ею диссертационное исследование, которое по понятным причинам в те годы могло быть только закрытым, было успешно завершено, и сейчас, полвека спустя, представляется правильным слегка приподнять завету секретности и познакомиться хотя бы с некоторыми положениями, изложенными в её автореферате.

В частности, приобретенный в ходе подготовки диссертации опыт проведения экспериментальных исследований по тематике ИПП привёл А.А. Заничеву к мысли о «возможности использования инструментального метода индикации значимого сигнала в юридической практике».

В противовес однозначному отрицанию советской криминалистикой возможности применения полиграфа в правоохранительной практике, диссертант прямо указала, что «получение объективных данных об отношении подсудимых к различного рода вопросам, лицам, фотографиям и предметам следствия может послужить серьёзным подспорьем криминалистам в установлении истины и раскрытии преступлений».

Любопытно отметить, что именно А.А. Заничевой принадлежит приоритет введения в отечественную прикладную психофизиологию понятия «симптомокомплекс», описывающего явление, которое наблюдается в ходе определенной технологии ИПП и по незнанию оспаривается некоторыми российскими полиграфологами, всецело ориентированными на зарубежную технологию таких исследований.

В процессе работы над диссертацией А.А. Заничева использовала экспертную и машинную оценку (на электронно-цифровой вычислительной машине «Днепр») полученных данных и показала, что «по симптомокомплексу выявленных в работе информативных физиологических сдвигов индикация эмоционально значимых сигналов при ручной

обработке данных оказалась возможной в 70,4–88% случаев, при машинной — в 76,6–90% случаев».

Завершая автореферат и подводя итог выполненного диссертационного исследования, А.А. Заничева пророчески констатировала: «разработка объективных методов индикации эмоциональных состояний по физиологическим реакциям организма является научно-обоснованной и перспективной. Подобные методы могут найти широкое применение при проведении психофизиологических исследований, в юридической практике, а также при профессиональном отборе».

Сейчас, полвека спустя, можно увидеть, какой огромный путь пройден в деле внедрения ИПП в различные сферы деятельности российского общества. Полиграф активно применяется многими федеральными министерствами и ведомствами, а также коммерческими организациями различных форм собственности. В стране сотни полиграфологов, которые работают в подавляющем большинстве случаев на компьютерных полиграфах отечественного производства и ежегодно осуществляют многие тысячи ИПП различного целевого назначения. Развитие в 1980–1990 гг. методического обеспечения вывело ИПП на качественно новый уровень, позволив проводить их в форме судебной психофизиологической экспертизы (далее — СПФЭ) и представлять результаты таких исследований в суд в качестве доказательств.

Вместе с тем, отмечая очевидные достижения и высокие «валовые показатели» распространения полиграфа в России, а также учитывая, что ИПП — это персонифицированный метод вторжения в личный мир каждого исследуемого с помощью полиграфа человека, следует обратить особое внимание на целый ряд весьма существенных недостатков, сформировавшихся в обширной области теории и практики ИПП.

Начиная критический обзор сложившегося положения, представляется правильным, прежде всего, выразить благодарность Российскому государственному университету правосудия (далее — РГУП) и, в частности, кафедре криминалистики РГУП, — единственному в стране вузу, в стенах которого на протяжении уже нескольких лет регулярно проводятся научно-практические конференции и семинары по тематике ИПП.

И семинар 2020 года лишний раз подчеркнул приоритет и системность работы РГУП в данной области.

В отличие от предыдущих семинаров, которые РГУП проводил самостоятельно, данный семинар — «Психофизиологические исследования с применением полиграфа при расследовании уголовных дел: актуальные вопросы и перспективы развития» — был спланирован совместно с Главным управлением криминалистики (далее — ГУК) След-

ственного комитета РФ (далее — СК России), и это наложило свой отпечаток на семинар, породив ряд вопросов и замечаний. В частности, на семинаре планировалось обсудить шесть вопросов, среди которых были заявлены:

1. Возможности и ограничения психофизиологических методов в изучении поведения человека — научная обоснованность использования полиграфа при расследовании уголовных дел.

2. Актуальные вопросы организации и проведения мероприятий с использованием полиграфа в досудебном расследовании.

3. Процессуальные аспекты использования результатов психофизиологических исследований с применением полиграфа при расследовании уголовных дел: возможности и ограничения.

4. Организация психологического сопровождения учебного процесса в организациях высшего и среднего образования СК России.

5. Анализ практики применения результатов психофизиологических исследований с применением полиграфа при расследовании уголовных дел.

6. Квалификационные требования к специалистам, которые проводят психофизиологических исследований с применением полиграфа.

(Материал данной статьи был подготовлен в виде доклада, но в связи с предложением опубликовать его был несколько изменён и дополнен с учетом выступлений, прозвучавших на семинаре.)

Очевидно, что традиционный организатор семинара — РГУП — оказался под заметным влиянием СК России: это привело к тому, что для обсуждения, например, был включен четвёртый вопрос — бесспорно, важный, но не имеющий отношения к тематике ИПП.

Перечень тем, предполагавшихся к обсуждению, оказался весьма обширным и, как показал длившийся около шести часов семинар, не всем из них было уделено внимание. Например, остались без обсуждения актуальные для семинара первая («возможности и ограничения психофизиологических методов в изучении поведения человека — научная обоснованность использования полиграфа при расследовании уголовных дел») и шестая («квалификационные требования к специалистам, которые осуществляют ИПП») темы. Несколько докладов, которые были посвящены новым направлениям прикладной психофизиологии, ориентированным на выявление у человека возможно скрываемой им информации и носившим несколько рекламный характер, также выходили за рамки тематики ИПП и семинара.

Из-за ограниченного объёма данной статьи коротко остановимся лишь на одном из актуальных нерешенных вопросов текущего периода

развития применения полиграфа в стране (особенно — в плане семинара, проводимого в учебном заведении Верховного Суда совместно с СК России) — на вопросе о возросшем числе отказов принятия судами различных инстанций результатов СПфЭ в качестве доказательств.

Напомним, что производство СПфЭ первыми в стране в начале 2000-х годов осуществили специалисты Института криминалистики ФСБ России (далее — ИК ФСБ), которые прошли в этом институте специальную подготовку на курсах полиграфологов и руководствовались в своей работе методикой¹, созданной за несколько лет до появления таких экспертиз.

СПфЭ быстро показали свою эффективность. Вскоре их начали выполнять полиграфологи различных государственных органов и негосударственных учреждений, которые не прошли соответствующей подготовки, не обладали необходимым уровнем знаний и даже не подозревали о наличии существенных различий в проведении ИПП в условиях оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) и в процессуальном порядке в форме экспертизы.

Большую негативную роль в широком распространении некачественных СПфЭ сыграла появившаяся в 2006 г. «Видовая экспертная методика производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа»² (далее — «Видовая методика»), которой руководствовались полиграфологи, не прошедшие специальной подготовки. Ошибки и изъяны «Видовой методики» детально разобраны в юридической периодике последних лет³.

¹ Холодный Ю.И. Комплексная методика специального психофизиологического исследования с применением полиграфа: учеб.-метод. пос. М., 1995. — 66 с.

² Видовая экспертная методика производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа // Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью: Матер. Междунар. науч.-практ. форума. Саратов, 2006. С. 90—96.

³ См.: Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 1 (25). С. 25—33; 2009. Вып. 1 (29). С. 50—59; Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Процессуальные проблемы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Вестник криминалистики. 2012. Вып. 4 (44). С. 28—34; Подшибякин А.С., Холодный Ю.И. Оценка качества криминалистических исследований и экспертиз с применением полиграфа // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 60—66; Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Использование полиграфа в уголовном судопроизводстве // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 3. — М.: Российская академия правосудия, 2014. С. 15—31; Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. О методическом обеспечении судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Расследование преступлений: проблемы

Стремясь решить накопившиеся вопросы, порожденные применением ущербной «Видовой методики», и действуя с одобрения заместителей председателя СК России В.И. Пискарёва и Ю.М. Ныркова, в 2014 г. профессор Ю.К. Орлов (один из ведущих отечественных процессуалистов) и автор данной статьи разработали «Типовую методику производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа» (далее — «Типовая методика»)¹.

Действия руководства СК России по наведению порядка в области СПфЭ и появление «Типовой методики» не остались без внимания: Федеральный Межведомственный координационно-методический совет по судебной экспертизе (далее — ФМКМС) в конце декабря 2014 г. принял «решение создать рабочую группу по подготовке унифицированной методики производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа»² (далее — «Рабочая группа»), в которую вошли представители СК, МВД, ФСБ, МО, Минюста и Минздрава России.

Для проведения апробации «Типовой методики» в установленном порядке её авторы на специально организованных курсах подготовили в 2015 г. двадцать криминалистов-полиграфологов СК России из различных регионов страны. Однако проведенная подготовка не вызвала интереса ни в СК России (в 2016 г. оба упомянутых выше заместителя председателя СК России покинули это ведомство), ни в ФМКМС, и апробация «Типовой методики» не была осуществлена. Наконец, четыре года спустя, летом 2018 г., «Рабочая группа» опубликовала «Межведомственную методику производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа»³ (далее — «Межведомственная методика»), утвержденную руководителями экспертно-криминалистических учреждений МВД, ФСБ, МО и СК России.

Как показал анализ, попытка создания «унифицированной» (т. е. единой для федеральных ведомств) методики производства СПфЭ завершилась провалом: методика содержала целый ряд ошибок методи-

и пути их решений. 2016. № 2. С. 144–150; Аверьянова Т.В., Майлис Н.П., Холодный Ю.И. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: хаос и его причины // Уголовный процесс. 2018. № 10. С. 70–79 и др.

¹ Холодный Ю.И., Орлов Ю.К. Типовая методика производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. М.: Академия СК России, 2014. 53 с.

² 30-е заседание ФМКМС по судебной экспертизе и экспертным исследованиям // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 1. С. 42.

³ Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа. М., 2018. — 30 с.

ческого и процессуального характера, среди которых наличие четырех предметов исследования, несколько вариантов выводов эксперта, противоречащих друг другу, и многое другое. Из-за изобилия изъянов «Межведомственная методика» была подвергнута обстоятельной, аргументированной критике в периодической печати¹ и на конференциях (в том числе и в РГУП).

Представитель Российского федерального центра судебных экспертиз (далее — РФЦСЭ) Т.Н. Секераж, выступив с докладом на семинаре, поведала о непреодолимых расхождениях во мнениях представителей Минюста и Минздрава России, с одной стороны, и представителей других ведомств-участников «Рабочей группы» с другой стороны, по целому ряду положений «Межведомственной методики». Невозможность устранить расхождение во мнениях вынудило представителей первых двух министерств отказаться от участия в деятельности «Рабочей группы», расписавшейся в своей некомпетентности. В итоге на начало 2020 года «Межведомственная методика» не введена в действие (и это весьма показательно!) ни одним из ведомств, утвердивших её.

В ходе семинара одним из выступавших было отмечено, что результаты около 90% СПфЭ, проводимых в стране, отвергаются судами различных инстанций по тем или иным основаниям, и, прежде всего, из-за отсутствия научно-обоснованной типовой методики производства таких экспертиз. Поэтому весьма неубедительно выглядели выступления сотрудников СК России (сделали на семинаре почти треть докладов), которые представили положение с проведением СПфЭ в этом ведомстве как вполне благополучное. В частности, стремясь как-то оправдать непригодную для практического применения «Межведомственную методику» и забыв, что методика замышлялась как «унифицированная», некоторые выступавшие указывали на её «рабочий характер» и на то, что каждое из ведомств якобы будет дорабатывать её под свои конкретные потребности и условия.

Здесь следует отметить, что, в противовес «Межведомственной методике», предложенная в «Типовой методике» технология производства

¹ Аверьянова Т.В., Майлис Н.П., Холодный Ю.И. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: хаос и его причины....; Аверьянова Т.В., Майлис Н.П., Холодный Ю.И. О межведомственной методике производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 31–37; Борисова О.А., Хейфец Л.С. Использование результатов психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в судебном процессе: методические и правовые аспекты // Там же. С. 77–83 и др.

СПфЭ была разработана на основе опыта, накопленного специалистами КГБ СССР — ФСБ России в 1970—1990-е годы. Эта технология убедительно показала свою эффективность при проведении первых в стране СПфЭ и фактически окончательно сформировалась в 2002—2003 гг. при производстве экспертизы по одному из резонансных дел. Как было упомянуто, апробация «Типовой методики» не была осуществлена, и сейчас приходится констатировать: научно-обоснованной методики производства СПфЭ в стране нет, и появление её в ближайшие год-два едва ли предвидится.

Отсутствие научно-обоснованной и четко регламентированной методики производства СПфЭ ведет к тому, что эксперт получает неопозволительную свободу действий, которая, в свою очередь, приводит к грубым ошибкам, к возможности подтасовок результатов экспертиз и даже к увиливанию от их производства. В частности, о вопиющем случае увиливания эксперта СК России от производства СПфЭ поведал в своём докладе на семинаре эксперт ФСБ России полковник А.Ю. Николаев.

И упомянутый случай, к сожалению, далеко не единичный.

Автор этой статьи, оказывая помощь следователям и адвокатам в оценке заключений экспертов по итогам СПфЭ, неоднократно сталкивался с некачественно выполненными экспертизами по причине некомпетентности экспертов. Но встречались и откровенные подтасовки результатов, и, что самое печальное, заключения таких «экспертов» (из различных государственных и негосударственных учреждений, в том числе и из СК России) затем успешно принимались судами в качестве доказательств. В частности, один из таких случаев представлен и частично разобран в одной из статей, опубликованных в журнале «Юридическая психологи»¹ (в статье принадлежность горе-«эксперта» к СК России не была указана).

Следует подчеркнуть, что научно-обоснованная методика СПфЭ необходима не только экспертам: её появление влечет за собой ряд важных последствий для развития и распространения технологии ИПП в стране.

Правильно составленная типовая методика СПфЭ обязана содержать базисные теоретические положения и понятийный аппарат этого вида экспертиз. В этом случае типовая методика становится основой

¹ Холодный Ю.И. Совершенствование методического обеспечения криминалистических исследований с применением полиграфа // Юридическая психология. 2012. № 3. С. 9—16.

для подготовки экспертов в области СПфЭ (к сожалению, этот вопрос остался вне обсуждения на семинаре), а также основой продвижения знаний о сути и прикладных возможностях СПфЭ среди потенциальных её пользователей — следователей и судей. На слабую информированность последних в данной области, в частности, обратил внимание в своём докладе проф. Ф.Г. Аминев из Башкирского государственного университета.

Базисные теоретические положения и технология ИПП и СПфЭ, а также вопросы их правовой и организационной регламентации, по нашему мнению, должны быть также введены в соответствующие разделы учебных программ юридических вузов по криминалистике и судебной экспертизе, как для студентов, так и для специалистов-слушателей курсов повышения квалификации.

В связи с этим нельзя признать пригодным для учебного процесса опубликованный Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (МГЮА) учебник для магистров «Основы полиграфологии»¹, который содержит вольные толкования ряда существенных положений, многие неточности и просто грубые ошибки. Не имея возможности подробно остановиться на всех огрехах этого «учебника», приведем только две выдержки из него. Например, студентам было предложено определение — «полиграфология — (это) система знаний... (используемая) ... в целях диагностики информационного состояния субъекта...» (С. 136), а также предложены «объекты СПфЭ — ... (это) ... материалы дела, вещественные доказательства» (С. 137).

В отечественной науке нет таких понятий, как «информационное состояние» и «информационное состояние субъекта», а объектами СПфЭ материалы дела и вещественные доказательства не являются, тем не менее, эти и другие псевдонаучные «достижения» благополучно перекочевали из несостоявшейся диссертации в «учебник». Поэтому не представляется возможным согласиться с мнением одного из рецензентов «учебника» о том, что сформированный с серьёзными изыпаниями «учебный материал по полиграфологии... позволит повысить квалификацию лиц, эпизодически либо на постоянной основе обращающихся за помощью к полиграфологам» (С. 176).

По нашему мнению, учебник по вопросам теории и практики ИПП и СПфЭ для юридических вузов, бесспорно, нужен. Оставив на совести кафедры криминалистики МГЮА одобрение публикации такого

¹ Комиссарова Я.В. Основы полиграфологии: учебник. М., 2018. — 192 с.

«учебника», отметим, что было бы правильнее создавать учебное пособие по столь востребованной тематике при участии и/или под контролем ученых и специалистов, которые глубоко и компетентно владеют вопросами теории и практики ИПП и СПфЭ.

Завершая статью, следует подчеркнуть: «основная проблема текущего момента заключается в том, что налицо пропасть, которая пролегла между принципиальной допустимостью проведения СПфЭ, с одной стороны, и поразительной некомпетентностью специалистов, которые, даже не определившись с объектом и предметом этого экспертного исследования, безуспешно пытаются создать — вместо научно-обоснованной типовой методики производства СПфЭ — очередной клон безграмотной «Видовой методики»»¹.

В связи с изложенным выше, представляется правильным.

1. Последовать призыву следователей и полиграфологов ФСБ России, которые посчитали «целесообразным рекомендовать ведомствам — до введения в действие типовой методики производства СПфЭ — сократить количество выносимых постановлений о назначении таких экспертиз». Причина такого призыва проста: по оценке ФСБ России, в настоящее время в стране едва ли наберется более полутора десятков полиграфологов, способных компетентно осуществить производство СПфЭ.

2. Обратиться в ФМКМС с предложением вновь образовать рабочую группу по подготовке типовой методики производства СПфЭ, сформировав её не по ведомственно-должностному, а по компетентно-квалификационному принципу, т. е. из ученых и специалистов, знающих теорию и владеющих технологией проведения ИПП различного целевого назначения.

3. Обратиться с просьбой к руководству РГУП продолжить ежегодное проведение семинаров по тематике ИПП-СПфЭ и при необходимости в помощь кафедре криминалистики привлекать к подготовке таких семинаров ученых и специалистов различных учреждений.

¹ Холодный Ю.И., Савицкий М.А., Николаев Ф.Ю. Проблемы методического обеспечения экспертизы с применением полиграфа // Развитие криминалистики и судебной экспертизы в трудах профессора Е. Р. Россинской. К юбилею ученого, эксперта, педагога: матер. Междунар. науч.-практ. конференции. М., 2019. С. 478

Итоги Межведомственного научно-практического семинара

В докладах участников научно-практического семинара прозвучали примеры эффективного применения полиграфа для получения информации об обстоятельствах, имеющих отношение к совершенным преступлениям. Подчеркивалась значимая роль полиграфа в расследовании уголовных дел. Методы анализа поведения человека при расследовании уголовных преступлений являются очень важными и значимыми для процесса доказывания причастности и виновности.

Анализ практики применения психофизиологического исследования с использованием полиграфа (далее — полиграфа) при расследовании уголовных дел показывает, что с его помощью следователь и в дальнейшем в суде — судья могут получать значимую информацию для принятия решения при формировании выводов о квалификации действий лиц — участников уголовного судопроизводства (в том числе и о виновности (причастности) лица в совершении противоправных действий).

Вместе с тем, участники семинара указывали на наличие недостаточного методического обеспечения исследований на полиграфе и о необходимости усовершенствования методики в плане повышения валидности и надежности результатов.

Участники согласились с мнением о том, что полиграф при расследовании преступлений может и должен использоваться для оперативного получения информации при отработке следственных версий, что, в целом, действительно способствует более эффективному расследованию уголовных дел.

Однако существующий уровень развития технических средств и научного познания психики человека (сознания, как высшей формы психического отражения и психических функций, как средства реализации этого отражения) не позволяет с помощью полиграфа получать информацию, которая может являться прямым доказательством.

Участники научно-практического семинара выразили солидарность с позицией Верховного Суда РФ о том, что результаты психофизиоло-

гических исследований с применением полиграфа в настоящее время не могут быть доказательствами, так как не удовлетворяют требованиям, установленным законом.

Применение полиграфа в уголовном судопроизводстве должно осуществляться строго на основе научно обоснованных методов и в соответствии с требованиями уголовного законодательства Российской Федерации.

Производственно-практическое издание

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Сборник статей

Выпуск 4

Редактор *О.В. Лужина*
Корректор *Л.А. Запылаева*
Верстка, оформление: *Т.Б. Егорова*

Подписано в печать 00.00.2019.
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 10,75. Тираж 00 экз.

Российский государственный университет правосудия
117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

